

СОБЯНИН ПОРОДИЛ НАДЕЖДЫ

Сможет ли новый мэр столицы победить пригравшихся у власти коррупционеров?

В эти дни стало известно о том, кто будет новым мэром Москвы. Президент России предложил на эту должность Сергея Собянина.

Как самостоятельный и перспективный политик Сергей Собянин впервые заявил о себе практически сразу после развала СССР в столице ЛУКОЙЛа – городе Когалым. Хотя поначалу всё складывалось не так уж просто. Нефтяные генералы, естественно, хотели иметь в городах Югорского края карманных градоначальников, которые послушно бы выполняли волю олигархов. Генералы ведь чего добивались? Они любой ценой пытались выстроить вертикально интегрированные компании, нацеленные, с одной стороны, на максимальную добычу нефти, а с другой – на минимальную уплату налогов. По оценкам специалистов, на заре русского капитализма относительно честно в Ханты-Мансийском округе работал лишь «Сургутнефтегаз». Другие нефтяные компании предпочитали чуть ли не всю прибыль сразу уводить в Москву или в офшоры, оставляя в районах нефтедобычи на развитие социальной инфраструктуры сущие копейки. Местные власти были бессильны. На открытую борьбу с монстрами в Югре решился, насколько я помню, один лишь мэр Нефтеюганска Петухов. И что с ним стало? Пра-

вильно – его просто пристрелили. Говорили, что пытался с произволом нефтяных королей бороться ещё мэр Нижневартовска Юрий Тимошков. Так гангстеры и его умили, организовав два покушения.

Собянин в открытую конфронтацию ни с кем не вступал, но и себя на шею никому не позволил. Как мэр Когалыма он без публичных скандалов добился от ЛУКОЙЛа исправного отчисления целого ряда налогов, которые потом были грамотно вложены в создание в городе современной инфраструктуры. Кроме того, часть налогов пошла на значительное увеличение зарплаты бюджетникам и добавок к пенсиям.

Спустя несколько лет Собянин был переведён в Ханты-Мансийск. Элита Югры тогда всё никак не могла преодолеть последствия раскола, вызванного соперничеством двух незаурядных политиков: председателя окружного Совета Валерия Чурилова и главы окружной администрации Александра Филипенко. И Чурилов, и Филипенко вышли из одной колыбели, имя которой – компартия. Но ни тот, ни другой никогда не принадлежали к догматикам. Ещё на закате горбачёвской перестройки Чурилов, будучи первым секретарём окружкома КПСС, предложил серьёзное реформирование топливно-энергетической

отрасли. Он хотел, чтобы нефтяники как можно скорее избавились от комплекса временщика и наконец почувствовали свою ответственность за судьбу Югорского края. Однако некоторые его планы сильно расходились с намерениями нарождавшейся буржуазии. Нефтяные короли боялись, что Чурилов объединит их в один концерн, и они утратят самостоятельность. Используя свои лоббистские возможности, нефтяники после подавления в 1991 году путча пробили через Ельцина на пост главы окружной администрации не Чурилова, а Филипенко, который раньше работал в окружкоме КПСС вторым секретарём. Короли не ошиблись: Филипенко, к 1992 году не имевший в Москве ни серьёзных связей, ни денег, в начале своего правления не рискнул пойти на обострение отношений с гендиректорами нефтедобывающих предприятий и не стал настаивать на том, чтобы нефтяники по примеру газовиков объединились в две-три суперкрупные компании. Своя программа развития территории у него сформировалась намного позже.

Возможно, если б не трагические события осени 1993 года, дерзкий Чурилов на каком-то повороте и обошёл бы осторожного Филипенко. Но после расстрела россий-

МИР СЕВЕРА

№ 5-6 (73), 2010

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Виктор КАШЛЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Александр ВАЩЕНКО (Москва),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА

Вёрстка
Алексей СЕМУШИН

Корректор
Светлана ШИШАГИНА

На 1-й стр. фото Андрея ОСИПОВА

Подписано в печать 26 октября 2010 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 694-23-24, 694-03-65,
Факс: 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ОАО «Щербинская типография»
117623, Москва, ул. Типографская, д. 10.

Тел.: 659-23-27
Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

Власть в лицах

- 1 **Вячеслав ОГРЫЗКО**
Собянин породил надежды

- 6 **Еремей АЙПИН**
Начало было в Югре

- 7 **Анатолий ОМЕЛЬЧУК**
Власть берёт технократ

- 8 **Леонид БАБАНИН**
Москва прирастает Югорией

Мы – один мир

- 9 **Камиль ТАНГАЛЫЧЕВ**
Соплеменники стихии

Навстречь солнцу

- 12 **Яков СОЛОДКИН**
Тайна гибели Ивана Кольца

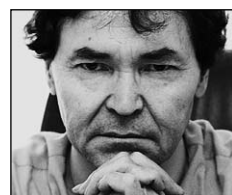
Культ и личность

- 16 **Николай СКАТОВ**
Государственник

Взгляд из-за океана

- 18 **Эндрю УИГЕТ**
Необходимость компромиссов

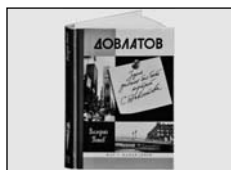

Жизнь замечательных людей

25

Юрий АРХИПОВ

Свидетельство на века

Живая этнография

26

Лилия БАНАКАНОВА

Не растворишься в тумане

Как это было

36

Вячеслав ОГРЫЗКО

Поскупилась жизнь
на золото

Драма

51

Тьян ЗАОЧНАЯ

Потерявшее время счёт

Иди и смотри

53

Ирина ЛОГВИНОВА

Жизнь после смерти

Из архива писателя: Олег Куваев

55

Как всё это было...

Я кайлом в мерзлоту вгрызался

71

Валерия ПОРТУГАЛОВА

Только слово
воскрешает мёртвых

ского парламента политический ландшафт в стране резко изменился. Все Советы были распущены. Власть назначила новые выборы. И Филипенко, воспользовавшись новой ситуацией, всё сделал, чтобы Чурилова выжить из округа в Москву и продвинуть на его место своего человека. На роль этого своего человека Филипенко отобрал Собянина.

В чём заслуга Собянина? Он показал себя как блестящий дипломат, присмирив в Ханты-Мансийском округе все группы политического и финансового влияния. Он предотвратил возможную «охоту на ведьм», предложив элите включиться в созидательные программы.

Позже это своё умение блестяще решать политические конфликты Собянин проявил и в Совете Федерации. Напомню, в конце 90-х годов он в верхней палате парламента возглавил Комитет по конституционному надзору. В этот момент на самом верху вновь обострилась борьба за власть. Генеральный прокурор России Юрий Скуратов обвинил в причастности к коррупции Кремль. В ответ председатель Всероссийской телерадиокомпания Михаил Швыдкой показал в эфире плёнку, компрометиовавшую уже самого Скуратова, — да, ту самую, с голыми девицами. Разразился скандал. Кремль потребовал немедленного увольнения Скуратова. Но, по закону, без одобрения Совета Федерации этого сделать было никак нельзя. Сенаторы же явно дали понять, что Скуратова просто так они не сдадут.

В сложившейся ситуации очень многое зависело от позиции председателя профильного комитета в Совете Федерации. Собянин оказался меж двух огней. «Сдача» Скуратова могла означить в глазах избирателей прогибание перед Кремлём. Защищать же генпрокурора тоже было не очень прилично. Это было бы равносильно поощ-

рению разврата в высших эшелонах власти. Собянин выбрал в той истории единственно возможный путь. Под его руководством комитет конституционного надзора трижды отклонил рекомендации Кремля, заставив президентскую администрацию полностью соблюсти букву и дух закона. Отrekli Скуратова от должности лишь с четвёртой попытки. При этом Кремлю дали чётко понять, что народ мириться с коррупцией не желает.

Ещё одно серьёзное испытание Собянину пришлось выдержать уже в начале «нулевых» годов, когда его выдвинули кандидатом в губернаторы Тюменской области. Ему достался очень серьёзный соперник — Леонид Рокецкий, у которого, помимо серьёзного административного ресурса, имелись несчитанные деньги. За Рокецкого был готов проголосовать практически весь густонаселённый юг области. А Собянина поначалу поддерживала лишь Югра, да частично за него выступал малонаселённый Ямал. Против Собянина в ход пошло откровенное враньё. Пиарщики, выступавшие на стороне Рокецкого, обвинили его в неуживчивости: мол, тот не умеет работать с людьми, якобы в Ханты-Мансийске он поругался с губернатором Филипенко, а в Екатеринбурге рассорился с полпредом президента России генералом Латышевым. Людям внушали, что Собянин из-за своих непомерных амбиций окончательно добьёт и без того загибавшуюся Тюмень. В общем, победа досталась ему очень и очень тяжело. Но самое трудное оказалось впереди.

Когда Собянин стал губернатором, его коллеги из Ханты-Мансийска и Салехарда Филипенко и Неёлов решили, что уж теперь-то вопрос об объединении трёх субъектов России в один край окончательно отпал, главный сторонник объединительных тенденций Рокецкий повер-

жен, а Собянин будет полностью плясать под дудку Югры и Ямала. Логика была такая: всё равно Собянину с нищим бюджетом Тюмени деваться будет некуда. Но Собянин повёл свою игру. Он добился того, что богатые соседи наконец забыли конфронтации с югом и стали перечислять в казну Тюмени достаточно весомые суммы. Это первое. И второе: новый губернатор сразу весьма энергично взялся за решение проблем Тюмени, снос ветхого жилья, строительство дорог, обновление коммуникаций.

Другой важный момент. Сколько я знаю Собянина, на людях он предпочитает излучать мягкую улыбку. Аппаратчики это свойство его натуры не раз истолковывали как слабость характера. Мол, миротворец он и есть миротворец. Да, Собянин, сталкиваясь с дилеммой — война или мир, всегда пытался любой рабочий конфликт решить прежде всего мирными средствами. Но это не значит, что ему никогда не хватало твёрдости. Если ситуация этого требовала, он тут же превращался в очень жёсткого руководителя, способного принять самые суровые меры. Подтверждением тому может служить история, случившаяся перед самым его переводом в Москву, когда Собянин в одночасье расстался со своими первыми заместителями — Павлом Митрофановым и Олегом Чемезовым.

Я знаю, что в своё время интриганы всячески настраивали Собянина против Митрофанова. Недоброжелатели нашёптывали: мол, Митрофанов очень амбициозен и, не скрываясь, всюду заявляет, якобы только ему по силам объединить Ямал, Югру и юг Тюменской области в один полноценный субъект России и стать губернатором объединённого региона. Собянин в ответ лишь смеялся. У него были свои аргументы в пользу Митрофанова. Самое главное — этот парень за несколько лет нищий Совет-

ский район вывел наконец из безденежья, сумев всерьёз реформировать лесной комплекс. Собянин хотел, чтоб после экспериментов в Советском Митрофанов поднял всю местную промышленность и на юге Тюменской области. А что касается амбиций и видов на будущее губернаторство, так плох тот солдат, который не мечтает стать маршалом. Другое дело, что спустя несколько лет Митрофанов допустил серьёзную управленческую ошибку, которая могла привести к катастрофическим последствиям. Проанализировав ситуацию, Собянин пришёл к выводу, что Митрофанов понимал все риски, но честолюбие ему, видимо, оказалось дороже. Раз так, надо уметь за свои поступки отвечать. И Собянин Митрофанова уволил.

Лизоблюды решили: ну всё, после этого на Митрофанове окончательно можно ставить крест. Раньше ведь как царедворцы поступали: человека не просто снимали с должности — ему перекрывали кислород и гнобили до последнего. Собянин от этих византийских обычаев отказался. Жёстко наказав бывшего члена своей команды за серьёзную ошибку, он тем не менее не стал мешать ему с нуля создавать новый бизнес, основанный, кстати, не на модных посреднических услугах, а на развитии реального производства, в частности, на выпуске адаптированных к условиям Севера разных машин и технологического оборудования. Другими словами, его бывший первый заместитель, потерпев фиаско в политике, получил шанс реализовать свои интеллектуальные и организаторские способности в реальном секторе экономики. В итоге у человека открылось второе дыхание.

Что я бы ещё отметил в Собянине-управленце? За долгую историю нас приучили к тому, что каждый начальник, получая очередное назначение, тут же стремится к свое-

му новому месту перетащить и всю свою старую команду. Так было при Брежневке, когда Кремль практически полностью оккупировал днепропетровский клан. Не исключением стал и Ельцин, при котором в Москву чуть ли не в полном составе переехал весь Свердловский обком КПСС. Насколько же старые команды были способны решать новые задачи, это никому не интересовало. Всё зависело от личной преданности чиновников своим высокопоставленным благодетелям. Собянин же в этом плане никогда не злоупотреблял. Вместе с собой наверх он брал лишь единицы, причём тех, кто успел доказать свою высочайшую квалификацию. К этим единицам, в частности, всегда относилась Анастасия Ракова (она в конце 1990-х годов работала в аппарате Думы Ханты-Мансийского округа, потом возглавляла аппарат губернатора Тюменской области, затем стала заместителем руководителя секретариата Собянина в президентской администрации; кроме того, она побывала в должности заместителя министра регионального развития России, а сейчас ведаёт правовыми вопросами в аппарате российского правительства). Остальных чиновников Собянин набирал, как правило, уже на новом месте службы. Во всяком случае, его никто не может упрекнуть в том, что после перевода в Москву он за собой перетащил в Кремль и Белый дом половину Тюмени.

Я, кстати, вовсе не идеализирую Собянина. У него, как и у всех нормальных людей, тоже случались ошибки. Я, к примеру, до сих пор не могу понять, зачем он в начале «нулевых» годов стал зажимать в Тюмени свободную прессу. Никакой пользы это ни ему, ни делу, ради которого он возглавил область, не принесло. Хочу верить, что позже Собянин раскаялся в этом своём поступке. Во всяком случае, я не помню, что-

бы он, став руководителем аппарата Белого дома и куратором вопросов госрегулирования в сфере СМИ, продолжил притеснять какие-либо издания. Надеюсь, что, и заняв место столичного мэра, Собянин создаст все условия для нормального существования самым разным газетам. И уж, конечно, он не повторит глупых ошибок команды Лужкова, вбухавшей миллиарды рублей в районные и окружные газеты Москвы, которые никто не читал в силу их примитивизма и бездарности (впрочем, сколько лизоблюдских статей на средства московского бюджета печаталось при Лужкове и в некоторых федеральных СМИ).

Ещё одна подробность о Собянине. Уже перебравшись в Москву, он подготовил к защите докторскую диссертацию, в которой высказался за возвращение к выборности губернаторов. Но мы помним, что эта идея не нашла поддержки ни у Медведева, ни у Путина. Собянин проявил дипломатичность и снял свою работу с защиты. Хорошо это было или плохо? Время покажет.

Итак, теперь у Собянина новый пост. Естественно, политики сейчас гадают: фундаментально ли зачистит он московскую мэрию или уберёт только уж самые одиозные фигуры. Я не думаю, что на ключевые позиции Собянин пригласит исключительно одних своих соратников из Ханты-Мансийска или Тюмени. Проработав несколько лет в Кремле и Белом доме, он уже успел присмотреться и к московским кадрам. Не сомневаюсь, произойдёт кардинальное реформирование всех московских структур. И хочется верить, что на смену непуганым коррупционерам, законченным лжецам и отъявленным бездельникам придут наконец ответственные люди, профессионалы своего дела.

Вячеслав ОГРЫЗКО

Трудно переоценить личный вклад Сергея Собянина в развитие, становление и укрепление основы государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа. 6 апреля 1994 года он был избран первым председателем Думы Ханты-Мансийского авто-

содействия сохранению этнической самобытности, уклада жизни, культуры коренных малочисленных народов ханты и манси, защите среды их обитания. Своевременное создание этой общественной организации, её плодотворное сотрудничество с органами власти – этим была обес-

экономических показателей, занимая первое место – по добыче нефти, по производству электроэнергии и по объёму промышленного производства, второе – по поступлению налогов в бюджетную систему.

Главным своим делом за период руководства Думой ок-

НАЧАЛО БЫЛО В ЮГРЕ

номного округа. Формирование правовых основ Ханты-Мансийского автономного округа стало приоритетным направлением в работе Думы. 26 апреля 1995 года был принят Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа, одним из авторов которого стал Сергей Собянин. Он системно проводил работу по повышению политического и правового статуса автономного округа. Важным достижением этого периода стало создание нормативно-правовой базы для эффективного природопользования и охраны окружающей среды, а также принятие законов, ориентированных на социально-экономическое развитие региона.

В декабре 1996 года была создана Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера при Думе автономного округа, которая активно участвовала в разработке и принятии нормативно-правовых актов, законов и программ, защищающих права народов ханты и манси. И по сей день Ассамблея успешно разрабатывает проекты законов, направленных на повышение уровня качества жизни народов ханты и манси.

В 1989 году Сергей Собянин участвовал в разработке устава одной из первых общественных организаций «Спасение Югры», которая была создана с целью

печена высокая степень этнической консолидации коренных народов в бурные 90-е годы, период смены политического курса.

Основные цели Сергея Собянина воплотились в жизнь: округ стал полноправным субъектом Российской Федерации, получил самостоятельный бюджет, право на свой Устав и законодательство, и в настоящее время является локомотивом в экономике страны. Ханты-Мансийский автономный округ во многом благодаря заслугам Собянина теперь лидирует по целому ряду основных

руга Собянин считает участие в разработке и реализации программы социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа. По одному из важнейших показателей – уровню качества жизни населения – округ теперь занимает вторые-третьи позиции после столицы страны.

Собянин прежде всего человек дела. Он сдержан, скуп на слова, истинный сибиряк. Характер, выдержку, упорство он выковал здесь, в Ханты-Мансийском округе, крае белых снегов, служа ему горячо и преданно многие годы. И мы надеемся, что Москву ждёт такой же подъём, начало которому Собянин положил в Югре!

Ермей АЙПИН,
заместитель председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

г. ХАНТЫ-
МАНСИЙСК

ВЛАСТЬ БЕРЁТ ТЕХНОКРАТ

Считаю: Москве с Собяниным повезло. Столица получает в мэры умного, думающего державного сибиряка. Подарок Москве – от сибирской России.

Вспоминается, когда Сергей Семёнович Собянин пришёл губернатором в Тюмень, в первую очередь он обратил внимание на то, чего предшественники не замечали, – на саму Тюмень. Нефтяная столица Сибири себя не любила, о себе забывала, выглядела затрапезно, дороги – как после бомбёжки... Собянин начал с улиц, дорог, городских бульваров. Кстати, в Тюмени появился свой Цветной Собянинский бульвар.

Губернатор реконструировал завалящую филармонию, не стал ремонтировать рухнувшее шапито – построил новый цирк. Заложил фундамент нового драмтеатра, каких в России сегодня не строят, взамен купеческих соляных складов, в которых тюменский театр обретался полтора века. Сегодня новый театр уже работает и, повторяюсь, таких в современной России нет. Первая «Президентская» библиотека за Уралом также в Тюмени.

Собянин – технократ. И у Тюмени – брэнд явно не интеллектуальный. Не долги культуре отдавал Собянин. Долг. Долг с Большой буквы. Сергей Семёнович – человек очень системный, умеет задаваться, казалось бы, баналь-

ными вопросами. Кто в школе главный: ученик или учитель? В районной поликлинике кто главнее: врач или больной? Как ответит на эти вопросы власть, так и будет оказывать свои государственные или муниципальные услуги народу. Артист или зритель? А как вы ответите на этот вопрос?

Урождённый таёжник, не притворяется рубахой-парнем, лишних слов не знает и не произносит. Пафоса от него не услышишь. Его работа направлена на людей, на каждого конкретного человека. Мне кажется, для Собянина очень важно, чтобы от его работы лучше жилось каждому.

Столице с мэром повезло. Здесь, в Сибири, я, конечно, задаюсь вопросом: повезло

ли самому Собянину? Кто станет утверждать, что Москва – лёгкий город?... Только примеришься – и то страшно: котёл проблем, атомный реактор, куча сложных, оставшихся «хвостов», масса трудноразрешимых задач. Пожалуй, мэры Нью-Йорка, Шанхая вряд ли московскому мэру позавидуют. Но сибирские таёжники – народ смелый. Взятся – надо делать. Сергей Семёнович – человек системный, и коли сказал «да» – значит, сделает. Ещё, мне кажется, он любит работать. Вместе.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК,
председатель
телерадиокомпаний
«Тюмень-регион»

г. ТЮМЕНЬ

МОСКВА ПРИРАСТАЕТ В ЮГОРИЕЙ

Сегодня попка вытесняет историю, Сонька Золотая Ручка – «вип»-персона, а остальные так. Хотя я не соглашусь и скажу, что всё начиналось не с них, а с Берёзова. Не случайно кисть художника Сурикова явила миру не бывшую империю «Юкоса», корень которой «нефть» – я имею в виду Нефтеюганск, где испокон веков очень многое ассоциировалось со словами «светлейший князь» и «граф». Кстати, именно возле Берёзова в пятидесятые годы минувшего века на разведочной скважине Р1 взметнулся первый фонтан газа, после которого началась углеводородная эпопея нашей страны. Но речь сегодня не об этом.

Вся Югра обсуждает выбор Дмитрием Медведевым нового мэра Москвы. Ведь Сергей Собянин родом из того же страшного острога, в котором последние дни свои провели светлейшие князья и графы (повезло только Троцкому, который в 1907 году бежал из Берёзова, где находился в ссылке). Однако Собянина все эти Троцкие интересовали лишь как персонажи истории. У него была совсем другая жизнь. Его предков в Сибирь никто не ссылал. Он сын умных, трудолюбивых

родителей, которые поселились на Севере по собственной воле, а не погнались, как многие, за длинным рублём.

Отец Собянина одно время был в Берёзове директором небольшого маслозавода и всегда придерживался честных и жёстких правил. Его друг Игорь Башмаков рассказывает:

– Семён как-то попросил помочь ему собрать на реке крепкие брёвна и срубить баню. Маслозавод имел свои катера, и можно было без проблем всё сделать за счёт предприятия. Но Семён не хотел, чтобы потом кто-то упрекнул его в использовании служебного положения. И мы поехали по Северной Сосьве на моём личном катеришке. Выше деревни Ванзетур увидели разбитую плотоматку. За день мы нужный лес сбили в плот. Когда же стемнело, в омуте поставили сеть, а по утрадке собрались поохотиться на глухарей. Короче, я был не в прогаре: и лес привели, и рыбёшки в зиму поймали.

Сергей Собянин вырос вместе с нами, вдали от театров, асфальта, мороженого, яблок и слив. Скверы и парки нам заменяли тайга, шторма на реке и крутые водовороты. Сызмальства отец таскал Сер-

гея по рыбалкам и охотам. Да и что говорить, в Берёзове водится более двадцати пяти видов рыб включая нельму, муксуна, стерлядь, осётра и сосьвинскую селёдку (кремлёвскую селёдку). Рыбку, которую в те времена уважали и вкушали в Кремле. Рыбка, которая водится в единственной реке мира.

В школе Собянин был общительным парнем, но друзей выбирал по своим увлечениям. С Владиком Никуровым он предпочитал играть в теннис. Национальным видом спорта в те времена в Берёзове были лыжи, и Собянин первым из нас получил второй взрослый разряд.

В наше время практически вся молодёжь проходила через комсомол. Сергей Собянин исключением не стал. Он был комсоргом. Вспоминая: за его классом была закреплена очистка деревянных ступенек от снега, ведущая вниз в овраг. Мы катались на фанерках, рядом с лестницей, а Серёжка чистил. «Пойдём, – звали мы его с собой, – бросай лопату». Но он был упорным.

А вот другой эпизод.

– Поехали мы с Собяшей в деревню Полноват, – рассказывает его школьный дружок Миша Терентьев. – Нам комсомол сказал, что надо обрызгать все деревянные здания какой-то жидкостью против возгорания. Лето. Солнышко. Рыбалка. Я по берегу с удищем бежал, только и успевал вытаскивать шурят на берег. Сергей злился. Он хотел, чтобы мы сначала дело доделали, а уж потом развлекались.

Теперь вот Собянин будет мэром Москвы. Это высшее доверие президента России. Мы, земляки, уверены: Сергей Собянин не подведёт, он наведёт порядок в столице.

Леонид БАБАНИН,
однокашник нового мэра
Москвы, автор романов
«Плата по счетам»
и «Вертолётная рапсодия»

пос. БЕРЁЗОВО,
Ханты-Мансийский округ

КАМИЛЬ ТАНГАЛЫЧЕВ

В знак благодарности за проникновенное слово о ливах – почти исчезнувшем финно-угорском народе – журналист из Ханты-Мансийска, дочь оленевода – сестра стихии Ульяна Молданова подарила мне традиционную хантыйскую куклу-оберег Акань, изображающую женщину в национальной одежде.

В последние годы ливов оставалось на земле лишь несколько человек, но они старались сохранить себя – народом, о чём и написано в моём эссе «Ливы нужны всем». И хантов, соплеменников Ульяны, на белом свете осталось только 22 тысячи человек – уже мало по сравнению с миллионными народами, но ещё много по сравнению с ливами!

И я задал себе парадоксальный вопрос: а могут ли тающие ханты когда-нибудь стать миллионным народом? Может быть, ханты сегодня и есть миллионный народ, если к официальной статистике добавить их предков, которые, по представлению хантов, не умерли, которые непременно возродятся «в следующей жизни»? А если к этой «статистике» добавить хантыйских духов, богов, то ханты, должно быть, многомиллионный народ?..

Для физически малочисленного народа важно ощущать себя духовно многочисленным – вопреки статистике. И потому ханты самоотверженно остаются в мире – вместе со своими вечно живыми предками, духами, богами. Вместе со священными – тоже живыми – деревьями, полянами, мысами, озёрами. Предки и природа – живые, они – часть народа, потому что и современные ханты не покинули их.

Народ не может выжить в суровом мире без преодоления своей малости. У мира нет жалости к малочисленным, в мире нет сочувствия к слабым. Нельзя быть слабым и «малочисленным». И хантам важно знать о сочувствии к ним суровой земли, о жалости холодного солнца. И важно знать о любви «дядюшки-грома», кем и поныне остался гром в сердце Ульяны – с тех пор, когда в её детстве гремел над чумом.

И тот же «дядюшка-гром» – один из хантов, потому что явления природы – соплеменники хантов. Их, породнённых с природой, действительно больше, чем зафиксировала официальная статистика.

И гром не перестанет быть хантом, пока есть этот народ под грозовым небом, пока этот народ ответственность за своё бытие возлагает на стихию, а ответственность за бытие стихии возлагает на себя. Потому и вся Вселенная для хантов – тоже хант. А в другой Вселенной ханты, может, и не выживут – где им ещё взять величие, как не в приближённой к себе великой стихии! Это многочисленные народы вроде бы способны в себе генерировать стихию, завоевывать новые земли, поворачивать вспять реки, бурить скважины в мёрзлой земле. И это даёт основания иным народам планеты агрессивно гордиться

своей большой численностью, «историей», культурой, вероломно захватывать земли и государства других народов. Но всё бrenно – кроме вечной стихии, с которой породнились малочисленные народы. Бытие живой грозы и солнца, метели и ливня – национальная история северных народов. Вся родная природа – их оберег.

Так и рыдание метели, шелест травы, шум тайги, звонкое сверканье снега – это язык северного народа. Ханты сочиняют собственное, жизненно необходимое понимание языка стихии – своего предка, явлений природы – своих соплеменников. Потому сегодня не только метель, деревья, озёра и мысы здесь – ханты, но и сами ханты – из рода снега, озёр, деревьев и грозы.

И солнце для хантов – родное, знающее только о них. Так люди стремятся к признанию их самой Вселенной, к обретению всемирного значения. Если о тебе знают солнце, гроза, тайга, то можешь ли ты быть потерянным на обочине мира, можешь ли быть «малочисленным»? Сама природа помогает малочисленным народам сохранять их человеческое достоинство, потому что природа в равноправном союзе может существовать только с достойными людьми, способными воспринимать её – как живую, но не с теми, для кого

природа – только источник ресурсов, то есть – материального обогащения.

Возле суровой природы людям было необходимо иметь много богов, чтобы по отдельности раздобыть и озёра, и пастбища, и грозу, и всё небо. Было жизненно необходимо сродниться с природой так же, как с соседом по чуму, по стойбищу, говорить с природой, договариваться о мирном сосуществовании, привлекая к этому и богов-миротворцев. Это необходимо и сегодня, в условиях современного информационного мира, когда наука уже по-своему объясняет сущность явлений природы.

Но ханты не будут хантами, если признают вечную живую, сочувствующую им природу «неживой материей».

Когда свирепствует засуха, буйствуют лесные пожары, как это случилось в центральной России летом 2010 года, невольно возникают вопросы: способен ли договориться «просвещённый» человек с «дикой» природой? И такая ли уж дикая – стихия? Или жёстко просвещает она гордого человека, стремящегося перехитрить стихию, властвовать над ней?..

Ханты вроде бы отстают от истории, пропадают на её задворках, наивно вверая смысл существования «дикой» природе. Но они держатся «за старое», то есть – за свою традиционную философию, за своё язычество потому, что у них мало сил для существования в напряжённом контексте мировой истории, в контексте человека-человечества, уже давно начавшего разговор с единым Богом, пытающегося разгадать его великие замыслы.

Но ханты и не торопятся в «цивилизацию», потому что не могут оставить в социальном небытии своих духов, задержавшихся в эпохе язычества. Боги – тоже соплеменники хантов. Вновь и вновь вспоминая о том, что ханты – соплеменники грома, солнца, дерева, метели и священного мыса, с которым говорит холодная и умная вода, и я ощущаю себя соплеменником земляничной поляны на своей родине – в Поволжье, соплеменни-

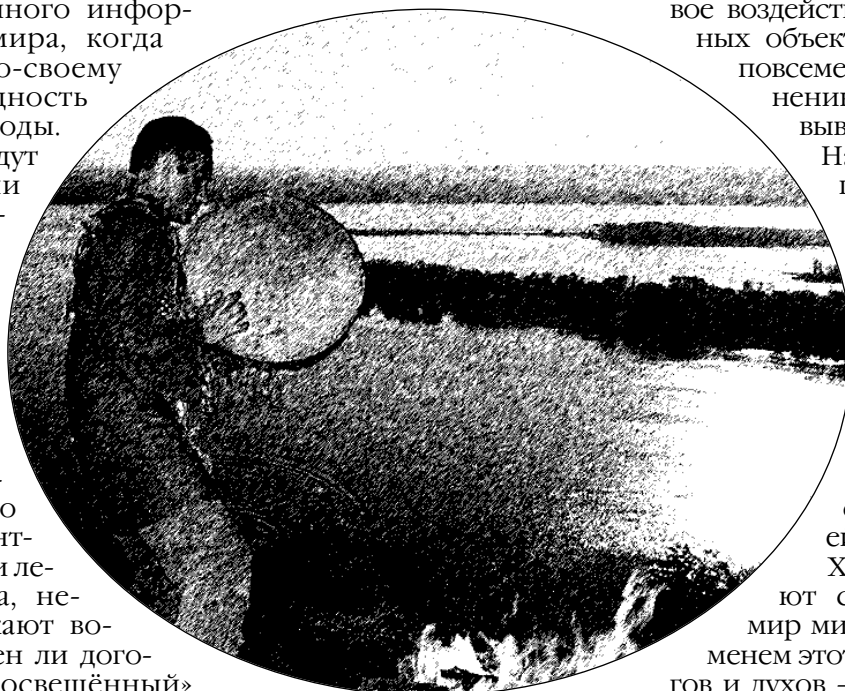
или вообще неуместно. А души мыса, озера, поляны тоже всегда вместе, потому на земле и не заканчивается животворящая гармония.

Но священная земля хантов страдает и сегодня, будто распятая теми, кто бурит нефтяные скважины там, где живут боги. Руководитель Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации Сергей Харючи напоминает о том, что «40 процентов оленьих пастбищ сегодня испытывают стрессовое воздействие промышленных объектов, приводящее повсеместно к их загрязнению, деградации и выводу из оборота».

Нам необходимо понять землю хантов – понять как живую и мудрую, сочувствовать именно такой земле. Много священных мест на родине хантов – это значит, что ханты сочувствуют своей земле.

Ханты не покидают свой идеальный мир мифов, но тем временем этот мир вечных богов и духов – ветшает, разрушается, народ продолжает исчезать. Предстоит расставание с богами, будто и они, прозревшие, стремятся в «цивилизацию». Будто и они узнали и признали то, что Бог един, а они лишь «исполняли обязанности» Бога в конкретных условиях бытия данной части человечества, когда людям не хватало тепла и света для осмысленного приятия неделимости творения мира. Это хантыйские боги в изгнание плачут о своём народе, необратимо уходящем от них, а не метель рыдает возле чума. Важно слышать богов, слушая голос природы. И я сегодня слышу северных богов с центра России.

Более того, не умирают ли всё-таки северные боги – по-

ком грозы и ливня над этой поляной.

Почитание хантами мыса больше, чем Иисуса Христа, уже пришедшего к ним, также свидетельствует о кровном родстве народа со стихией. Что же, страдание земли было прежде страданий Христа. Ханты верят, что на небе Иисус Христос и Турум – их верховный бог – поймут друг друга. Возможно, Христос здесь тихо молится о хантах, но не прерывает громкого шамана, не мешает хозяйскому грохоту «дядюшки»-грозы. Христос переживает о людях Бога, пришедшего к ним в знакомых явлениях природы. Иное явление Бога для них – преждевременно

тому ещё меньше становится малочисленных народов, богоизбранно оказавшихся в центре великой вселенской битвы духа и капитала? Или устали боги противостоять тем, кто выкачивает живые соки из земли хантов? Если земля – живая, священная, божественная, то значит, вместе с нефтью и газом «недропользователи» часто варварски выкачивают кровь Бога?..

Миру нужны «энергоресурсы», хантам нужна родина. Только с родиной для хантов связано национальное существование под солнцем, которое тоже – великий хант. Истина испытывает мир на справедливость, разместив на богатых землях крохотные народы, за которыми – сама природа, сами духи земли, сами языческие боги и сам Творец Вселенной!

А истина, поселившаяся в чуме, растерялась. И я за тысячи километров слышу, как возле чума метель, рыдая по-хантыйски, умоляет истину – восторжествовать и на стойбище, и во всём мире, отстоять Божью справедливость, победить. Я слышу так, потому что – соплеменники стихии только от стихии могут ждать истинного заступничества.

Но им вряд ли следует в XXI веке увлекаться своей «малочисленностью», экзотичностью. В нарочитой, политизированной этнической «экзотичности» боги деградируют, становятся потешными, теряют свои основы, свою истинность, могущество, а вместе с богами деградирует и мельчает народ.

Мелко становится вокруг, из жизни людей уходит великодушие, значительность смыслов и за-

мыслов, без которых всё человечество оказывается на мели, как великанша-рыба из поэзии северных народов. Русский поэт Николай Рубцов писал: «Боюсь, что над нами не будет таинственной силы, Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом». Великанша-рыба, устремлённая вместе со всеми «чешуйками»-народами в глубины общечеловеческой истории, садится на мель, потому что уходит из мира ощущение вечности. Для многих Бог – уже ушедший, потому царит на земле, в том числе – и на земле хантов, вседозволенность «сильных мира сего»...

Мир, обосновавшийся в иной цивилизации, не вернётся к хантам, не примет на веру их язычество. Ханты не догонят по-иному просвещённый мир. Только Россия, продрогавшая на смертельном морозе, ждёт своих хантов возле чума, чтобы без них не отправляться в путь. Россия, чья природа – извечно живая и одухотворённая субстанция, пишет законы «о защите исконной среды обитания и традиционного природопользования» северных народов, потому что эти места сегодня – озябшее сердце самой России. Потому и продолжает Россия своей современной цивилизацией защищать устаревшую, но жизненно родную цивилизацию «коренных малочисленных народов» – наших соотечественников.

Но малочисленным народам сочувствует не та «Россия», которая выкачивает из тундры её недра и корёжит священное пространство северных людей. Им сочувствует другая Россия, которой и самой

трудно выживать в капиталистическом мире, отвергающем справедливую сущность Рос-

сии, её человеколюбивую правду. Нечто чужеродное, излишне меркантильное вторглось и в живую жизнь России и разрушает её. Ответшала, умирает, как и языческие боги, деревня – родина России. Поэтому и вся Россия сегодня – как любой её малочисленный, тающий народ.

А позволяя варварски выкачивать энергоресурсы из священных мест коренных народов этой земли, Россия, провозгласившая себя единой, сама лишается и собственных метафизических ресурсов сакрального бытия под живым, всевидящим солнцем. Потому сегодня и я – верящий в то, что земля – живая, и небо живое, пишу стихотворение «Тундра», ощущаю себя «представителем малочисленного народа»:

*В тундре зябнет время
возле чума
И прячется от холода
в метель.
И дух России здесь
в тяжёлых думах
Среди метели белой
поседел.
Не оттого ли как родное
племя
Мне дорог малочисленный
народ,
Что в тундре и моё
замёрзло время –
И потому оно не настаёт?..*

А кукла Акань видит своих хантов. Глаза закрыты – чтобы оставаться в спасительном язычестве, от которого вроде бы далеко ушёл остальной мир. Не видит того, что ханты исчезают, а видит Бога – просто веря в него.

Сейчас кукла, кажется, великодушно улыбается, видя то, что я пишу о хантах – как о непременно миллионном народе, чьё величие, должно быть, признано самой стихией.

г. САРАНСК,
Республика Мордовия

Камиль Абидуллоевич Тангалычев – заслуженный писатель Республики Мордовия, автор одиннадцати книг стихов и эссе.

Дух-покровитель северных хантов и манси с лицом из металлических пластин

Рис. С.Стручкова

ТАЙНА ТИБЕЛИ

История «Ермакова взятия» «Сибирского царства» хранит ещё немало загадок. Одна из них, о которой следом и пойдёт речь, – каким образом погиб Иван Кольцо, – по выражению летописца, «сверсник» Ермака Тимофеевича, то есть один из главных предводителей дерзкой казачьей экспедиции за «Камень», положившей начало крушению «Кучумова юрта», а как считал замечательный учёный недавнего времени А.Л. Станиславский, наряду с прослывшимся «Поволским» «ратоборным» атаманом и возглавивший поход «русских воев» в бескрайнюю страну, подвластную сибирскому «салтану».

Наиболее подробный (и, скорее всего, самый ранний) рассказ об истреблении «кучумлянами» отряда Ивана Кольца мы встречаем в той редакции «синодика (то есть поминального списка) ермаковым казакам», который ровно четыре десятилетия тому назад посчастливилось найти новосибирскому филологу Е.К. Ромодановской, ныне член-корреспонденту Российской академии наук. Как сообщается в этом «помяннике», «в третье лето по... взятъе» ермаковцами ханской столицы города Сибири (или Кашлыка, Искера) к ним отправил послов Карача – «думчей царев», прежде один из приближенных Кучума, – с просьбой помочь людьми, дабы обороняться «от Казачьи (Казакской) орды», и «по приговору всего товариства» (войска), поверив «нечестивому безверному шертованию»,

иначе говоря, присяге, к Караче отпустили Ивана Кольцо и сорок казаков. «И предашея невольно судом Божиим в руки нечестивых», – дважды сетует безвестный книжник, видимо, из числа священников Тобольского архиерейского дома. По свидетельству этого «слогателя», Иван Кольцо, Владимир, Василий и Лукьян «со всею дружиною своею... единокупно (вместе) главы своя под меч положиша и живот свой скончаша в плену». Те же сподвижники Ермака, «призванные» Карачей, перечислены в синодике Софийского (Успенского) собора Тобольска, скопированном в 1734 или 1740 – 1742 годах по заказу «отца сибирской истории» академика Г.Ф. Миллера. (Вопреки представлению тобольских книжников, Карача – не имя собственное, а обозначение высшей административной должности – везира – в Сибирском ханстве. К началу легендарной казачьей эпопеи эту должность занимал Кадыр Али бек. Как читаем в летописце, уцелевшем в принадлежавшей историком и публицисту академику М.П. Погодину рукописи конца XVII века, этот советник Кучума «любим ему был, делал царю пансыри и колчюги, и всякую ратную збрую».)

Ещё в одном «помяннике», заключающем «Повесть» владычного дьяка Саввы Есипова (1636 год), – самую раннюю из дошедших о нас сибирских летописей, лишь упомянуто, что Иван Кольцо и сорок его казаков, отпущенные по всеобщему «совету» в став-

ку татарского мурзы, «тамо вси избиении быша».

В Есиповской летописи, завершённой в первые месяцы пребывания на «святительском» престоле в Тобольске архиепископа Нектария, вдобавок к синодику сказано, что послы Карачи, к тому времени ушедшего от разбитого ермаковцами Кучума и обосновавшегося в верховьях Иртыша, между реками Тарой и Омью, у Юлымского (Юлмынского) озера, явились в казачий стан в 1582 или следующем году, – тогда, когда на помощь немногочисленной «дружине», сумевшей выгнать хана из его столицы, подоспел направленный Иваном Грозным отряд воеводы князя Семёна Болховского и головы Ивана Глухова, а пленённого казаками сибирского царевича Маметкула повезли в Москву. Если верить Савве Есипову, Иван Кольцо (это прозвище – наверняка сокращение фамилии волжского атамана Кольцов) и сорок его соратников внезапно были перебиты, когда показались в стане Карачи. Узнав об этом, Ермак со своим «товарством» «рыдаху на мног час (это – популярное в средневековой русской книжности выражение), аки о чадах своих», а «кучумляне» начали «во многих местех казаков побивати... по волостем по улусам»; Карача же с наступлением Великого поста осадил город Сибирь и стоял возле его стен до первых дней лета, но не добился успеха и «со срамом» отступил.

ИВАННА КОЛЬЦА

Позднейшие летописцы дополнили повествование софийского дьяка лишь отдельными подробностями, не всегда достоверными, а подчас и маловероятными.

Например, в «Сказании о стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии» (раннем виде летописца из собрания знаменитого мецената графа Н.П. Румянцева) утверждается, будто казачий отряд был уничтожен в «городке» Карачи. Его послы, как узнаем из «Сказания о Сибирском царстве и о взятии» (другой разновидности того же сочинения), клялись «никакова дурна над казаками не содеяти». В Погодинском летописце сообщается, что ермаковцы отправились к Караче «перед воеводцким приходом» (а не позже, если следовать «гистории» Есипова) и «с вогненным боем» (эта часто попадающаяся в документах формулировка обозначает

огнестрельное оружие, точнее, пищали), «и вси», но, оказывается, обманом, «избиени быша» — повторяет с оговоркой редактор за дьяком Софийского дома. Тот вид Есиповской летописи, который получил название по рукописи из богатейшего собрания А.А. Титова, в изображении интересующего нас трагического эпизода прославленного зауральского похода мало примечателен: там можно прочесть, что Ермак «с товарищи», получив вест об убийстве «проклятым и лукавым татаринном» Карачей своих сподвижников — сорока «избранных казаков», «рыдаху горко по многи дни». (Эта цифра, кстати, наводит на мысль, что раз, по указанию Есипова, «русский полк», двинувшийся с Волги в Сибирь, насчитывал пятьсот сорок человек, «дружина» Ивана Кольца, объединившегося с Ермаком для похода за «Ка-

мень», состояла из четырёх десятков казаков, и до выступления, как им думалось, на выручку Караче она не понесла потерь. В 1581 году на переправе через Волгу у Сосного острова «воровской» в глазах московских властей атаман «Ивашка» Кольцо напал на возвращавшегося из Ногайской орды царского посланника Василия Пелепицына. На Волге с Иваном, в канун похода угрожавшим Максиму Строганову расстрелом «по клоку», действовали и Никита Пан, Савва Болдыря, которые затем сражались с «кучумлянами». Возможно, у них были собственные «станции» примерно такой же, как у Кольца, или меньшей численности.)

В «Летописце тоболомском», единственная рукопись которого принадлежала известному сибиреведу XIX века Н.А. Абрамову, рассказывается о том, что посланцам Карачи, прибывшим в бывшую резиденцию Кучума в 1584 году, Ермак приказал «по правде шерьть давать», обязавшись «никакова зла и дурна на государских казаков не мыслить, и в том шерьть дали». Посоветовавшись, казаки выбрали «из войска своего лутчих людей храбрых» и вооружёнными отпустили их с посланцами Карачи. В стане этого «думного» Кучума всех сорок казаков «побиша невозбранно», то есть они не оказали сопротивления, о чем Ермак узнал через несколько дней. Ещё в одной вторичной редакции Есиповской летописи, Лихачевской («Слове о

Послы Ермаковы — атаман Кольцо с товарищами бьют челом Ивану Грозному Царству Сибирским. Гравюра XIX в.

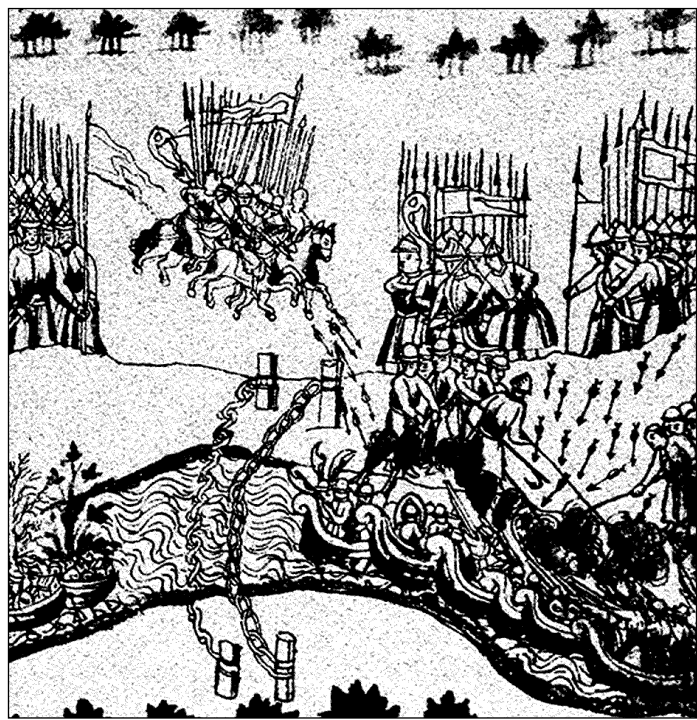
Сибирской стране» из коллекции рукописей академика Н.П. Лихачёва), сообщается об отправке предводителем знаменитой экспедиции к просившему защиты Караче «40 человек казаков добрых, удалых молотцов». Так книжник последних десятилетий XVII века, хорошо знакомый с казачьим фольклором и возникшей в Прикамье Строгановской летописью, оценивает ермаковцев и ранее: «добрые молотцы», «удалые молотцы». Атаманы и казаки, решившие откликнуться на просьбу Карачи, – с горечью сетует автор, – «не благ совет сотвориша и не помянуша реченного (сказанного): «Не всякому духу веруйте, не искушайте, сие (это) от Бога есть или от диявола». Они же, – говорит безвестный «списатель» о Ермаке «з дружиною», – «сотвориша лукавая и злая и предаша атамана (Ивана Кольца) с казаками врагом, в руки нечестивым». Поздние редакторы сочинения Есипова «Сибирское царство и княжение, и о взятии, и о Тоболске граде» писали также о «лестном шертовании» явившихся в казачий стан посланцев Карачи, убийстве ермаковцев в его «улусе», неких вестниках, сообщивших «наставнику» бесстрашных «воев» о судьбе их товарищей.

По словам старшего современника Петра Великого – тоболяка Семёна Ремезова, обладавшего разносторонними дарованиями сочинителя «высокохудожественной» (в оценке Е.К. Ромодановской) «Истории Сибирской», обманчив послол, который «шертовал по своей вере», очутился в расположении казаков 10 сентября 1583 года, и Ермак поверил «безбожию их». В записи синодика тобольского Софийского собора, переданной Ремезовым, а позднее доступной Миллеру, было сказано, что обманом Карачи «льстиваго» Ивана Кольца «с товарищи» убили 17 апреля.

В московском «Новом летописце» 1630 года упомянуто

об участии Ивана Кольцова в походе по Вагаю – как казалось погибшему тогда Ермаку, навстречу бухарским купцам. На взгляд современной Санкт-Петербургской исследовательницы В.Г. Вовиной-Лебедевой, это оригинальное известие, скорее всего, имеет устное происхождение. Пытаясь примирить столь любопытную версию с воспроизведённым им прежде сообщением Есиповской летописи, автор одной из поздних её редакций (Головинской – по фамилии воеводствовавшего в Тобольске в 1686–1689 годах боярина Алексея Петровича Головина, брат которого Михаил владел древнейшей рукописью памятника) стал утверждать, что татары перебили тридцать восемь казаков, а двум и их атаману удалось бежать; затем он наряду с Ермаком возглавил поход, во время которого русские достигли Атбаша и, не встретив бухарцев, повернули назад. Эти строки, – справедливо рассудила Н.А. Дворецкая, – запечатлели «фольклорную традицию». Ведь гораздо более ранние синодики и летописи не оставляют сомнений в гибели Ивана Кольца и всего его отряда после того, как войсковой круг «приговорил» отправить их на помощь Караче.

Тем самым, – полагал Г.Ф. Миллер, – Ермак рассчитывал, пользуясь влиянием знатнейшего из татарских мурз во владениях Кучума, склонить на свою сторону хотя бы некоторых приближённых хана, войско которого было ещё весьма многочисленным. Но, как быстро выяснилось, Карача обратился к атаману «притворно только с таким намерением, чтоб казачью силу порознь разде-

Тобол, перегороженный цепями

лить», дабы уничтожать один отряд за другим; так затем произошло и со сборщиками ясака. Г.Ф. Миллер, однако, признавал неверным показание синодика о времени, когда были перебиты Иван Кольцо и его «товарищи», ибо согласно открытой выдающимся ученым Ремезовской летописи, ещё 12 марта 1584 года войско Карачи окружило город Сибирь. Такое решение, впрочем, неоспоримо, ведь большинство датировок «Истории Сибирской» может считаться произвольным. К примеру, как уверяет Ремезов, посланец Карачи явился в лагерь Ермака 10 сентября, и в тот же день, но пять лет спустя, тобольский воевода Данила Чулков отправил в Москву пленённых накануне князя Сейдяка (Сайид Ахмад бека), казахского султана Ораз-Мохаммада и самого «зломысленного» Карачу. Видный знаток сибирской истории XVI–XVII веков А.Т. Шашков, однако, определил, что в действительности эта «посылка» состоялась по меньшей мере годом раньше.

Н.М. Карамзин упрекал Ермака, выделившего Караче отряд казаков, в легковерии и неосторожности. (Попутно

заметим, что указания писавшего два столетия тому назад прославленного «историко-графа» на многолюдность тарского «улуса» Карачи и отправку им даров «храброму смладе» атаману не находят подтверждения в летописях, а утверждение автора «Истории Государства Российского» о ногах, грозивших бывшему ханскому «думчею», явно противоречит сведениям Саввы Есипова и редактировавших его повествование «слогателей»). «Сия горсть людей отважных, – восклицал Н.М. Карамзин, – могла бы двумя или тремя залпами разогнать тысячи дикарей... козаки шли к мнимым друзьям без всякого опасения и мирно стали под нож убийц;

с татарами на берегах Волги, а возможно, и Яика, были поголовно истреблены, вероятно, даже не сопротивляясь?

В двух синодиках, напомним, поимённо названы, кроме своего атамана, три казака из состава «дружины», приглашённой Карачей якобы для защиты от воинственных казахов. Очевидно, к моменту появления «помянника» (при возникновении в 1621–1622 годах Тобольской архиепископии) ветераны «Сибирского взятия» уже запамятовали, кто, помимо Владимира, Василия и Лукьяна, не вернулся вместе со «сверсником» Ермака из злосчастного похода. Они, надо полагать, перечислялись в сочинённом со слов остававшихся в живых ермаковцев «написании», «како приидоша в Сибирь, и где у них с погаными бои были, и где казаков и какова у них имянем убили», отданном на владычный двор. Эта казачья «скаска» и позволила кому-то из приближённых первого тобольского «напрестольника» Киприана составить синодик, по которому ежегодно в Неделю православия «кликали» вечную память в Софийском соборе «начальнейшего града» Сибири «велеумному» атаману и его павшим от рук «кучумлян» соратникам.

Иван Кольцо со своими казаками унесли в могилу тайну гибели, и приходится только гадать, как о ней стало известно Ермаку. Быть может, страшную весть принёс в занятый казаками полтора года назад город Сибирь кто-то из них, собиравший ясак неподалёку от «улуса» вероломного Карачи. Не исключено, как и на Абалаке, куда направилась рыбачить «станция» есаула Богдана Брызги, или в устье Вагая, где утонул Ермак

Тимофеевич, его «товарыщи», явившиеся во владения прежнего ханского «думчего», заснули, не выставив охраны («почиша без стражи»), и были умерщвлены. Известие раннего синодика о смерти казаков Ивана Кольца «в плену» наводит на мысль, что коварному Кадыр Али беку удалось каким-то образом захватить пищали, бердыши и сабли казаков. Возможно, наконец, русский отряд попал в засаду где-то на подступах к ставке татарского мурзы, решившего воевать с ермаковцами самостоятельно, без помощи своего бывшего повелителя.

Вопреки представлениям известного петербургского ученого Р.Г. Скрынникова, нет сведений о том, что в честь Ивана Кольца Карача устроил пир, но сразу убил атамана, так что доверчивость казаков, не взявших заложников (аманатов), «обернулась катастрофой». Утверждение другого современного историка К.Кабдулвахитова, будто недавний приближённый Кучума обманом заманил Ивана Кольцо в засаду и обезглавил его, если принимать во внимание сохранившиеся свидетельства, следует признать домыслом.

Заметно ослабленные потерей «дружины» Ивана Кольца, они, однако, сумели удержать город Сибирь, а Карача едва ли не вынужденно присоединился к Сейдяку, мечтавшему, пользуясь неудачами Шейбанида Кучума, вернуть себе Сибирский «юрт» (где совместно правили отец и дядя возвратившегося из Бухары на родину князя из династии Тайбугидов).

Яков СОЛОДКИН,
доктор исторических наук,
профессор, заведующий
кафедрой истории России
Нижевартовского
государственного
гуманитарного
университета

г. НИЖНЕВАРТОВСК,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Убийство Кучума ногаями

первый Герой Ермаков и воины его, львы в сечах, пали как агнцы в Тарском улусе!».

Как же случилось, что четыре десятка хорошо вооружённых казаков, успевших за два года сибирской эпопеи приобрести немалый опыт борьбы с «кучумлянами», а прежде, надо думать, часто бившихся

ГОСУДАРСТВЕННИК

Впервые я эту фамилию услышал, а вернее прочитал, в 1956 году. После аспирантуры я стал вузовским преподавателем, встав за кафедру Костромского педагогического института им. Н.А. Некрасова перед студентами 1-го курса. Мне было 25 лет. В это время вышел трёхтомник ИМЛИ «История русской литературы». Среди авторов были Палиевский, Гачев, Кожинов и др. Я тогда и не знал, что они были такими же молодыми, как я. Для меня эти три тома были настоящим открытием, откровением и большим подспорьем. Я только начинал серьёзно заниматься литературой и читал первокурсникам курс теории литературы.

О том, что я буду близким человеком Кожинова, я даже помыслить себе не мог. Впервые познакомился с ним на защите кандидатской диссертации Елены Владимировны Ермиловой, его жены. Он мне позвонил и предложил быть одним из оппонентов. Я уже переехал в Ленинград и к тому времени заведовал кафедрой русской литературы пединститута им. А.И. Герцена. На этой защите и особенно после мы познакомились и подружились. Он меня удивил и восхитил уже внешне. Красивого, аскетичного облика. Свитер и пиджак никому так не шёл, как ему. Его знаниям, эрудиции, работоспособности я поражался от встречи к встрече. Тогда он

Николай СКАТОВ

был кандидат наук, кандидатом наук и остался, по-видимому, не придавая этому никакого значения, хотя направо и налево защищали докторские, становились докторами наук и профессорами. При встрече однажды я спросил его об этом. Он сказал, что не хочет терять время, его у него мало, имея в виду бумажную защитную волокиту.

Он писал книгу за книгой. Сегодня, как и вчера, это выдающиеся книги. Он занимался настоящим творчеством. Теме «Россия и её история» он посвятил всю свою жизнь.

Однажды, будучи у нас в гостях, он обратил внимание на 10-томное собрание «Памятники литературы Древней Руси» под редакцией Лихачёва. Долго смотрел на мои книжные полки и сказал: «Я отдам любые книги за эту серию». В Москве её было купить трудно, а в Ленинграде она распространялась в лавке писателей строго по спис-

Портрет В.В. Кожинова из книги «История Руси и русского Слова. Современный взгляд»

С супругой

ку. А я промолчал в ответ, не хотелось говорить, что я сам под его влиянием увлёкся этой темой «Древняя Русь» и хотел серьёзно ею заняться. Он вскоре позвонил из Москвы и сказал, что «достал» этот 10-томник. Сейчас-то я понимаю, что она ему была нужнее, чем мне.

Я часто бывал в его московском доме. Самая большая комната была его кабинетом. Книг не только в кабинете, но и в доме было огромное количество, и удивительно, что все они были в постоянной работе. Хозяйкой дома была Елена Владимировна, не только замечательный человек, но и талантливый учёный. Она всегда принимала гостей гостеприимно и хлебосольно. Там всегда было тепло, уютно и интересно. В доме Кожиновых я познакомился со многими выдающимися людьми. К нему многие московские интеллигенты, включая писателей, поэтов, учёных, инженеров, певцов с гитарой, тянулись, как мотыльки к огню.

По своей сути он всё-таки был кабинетным учёным. Всю жизнь сидел за письменным столом. Но он же был и публичным человеком. Очень любил аудиторию, не боялся её, всегда с охотой откликался на выступления, пусть даже самые острые. Если разговор начинался с заданной темы, он всё более и более расширялся. Круг его интересов и знаний был безграничным. Ему можно было задать любой вопрос, он на все мог ответить. Все, кто слушал его лекции из моих знакомых, до сих пор вспоминают с восторженностью.

Вадим Валерианович был государственным в самом высоком смысле этого слова. Мне вспоминается случай. В цветущую эпоху перестройки со мной разговаривали о перспективе работы в Министерстве культуры страны. Я, встретившись в Москве с Вадимом, поделился этой новостью, а вернувшись домой в Ленинград, получаю от него письмо с программой для меня как будущего вероятного министра. Вот отрывок из письма: «...Коля, ты, наверно, понимаешь: Кожинов прежде всего человек, который стремится чему-то помочь, а не ищет помощи себе; кроме того, речь ведь идёт о деятельности, которая в общем не затрагивает литературу. Да, речь идёт о том, чтобы описать базовые институты,

библиотеки, музеи, консерватории – самые разнообразные культурные учреждения, театры, киностудии и т.д. Спасать и направлять в истинное русло. И я не знаю, кроме тебя, человека, который имел бы такие способности и взгляды, каковы здесь необходимы...» Письмо было длинным, подробным, с советами и заканчивалось так: «...Мне представляется, что если ты откажешься – откажешься тем самым от предназначенного именно тебе удела, к которому ты так или иначе двигался всю свою зрелую жизнь. Именно сейчас совершается перелом в общественном сознании, в результате которого все деловые люди в сфере культуры сплотятся вокруг тебя. И, думаю, единственная трудность – добиться, чтобы тебя со всех сторон окружали достойные и преданные исполнители (непосредственно окружали, так сказать, в штате...). Словом, заклинаю тебя возложить на себя этот крест, который ты, вне всякого сомнения, будешь нести достойно, и потому он станет достойным тебя. Братски обнимаю. Вадим». Но этот крест я на себя не отважился возложить, но в перспективе в перестройку мне, как и моему другу, очень хотелось верить.

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Юрий Кузнецов и Вадим Кожинов

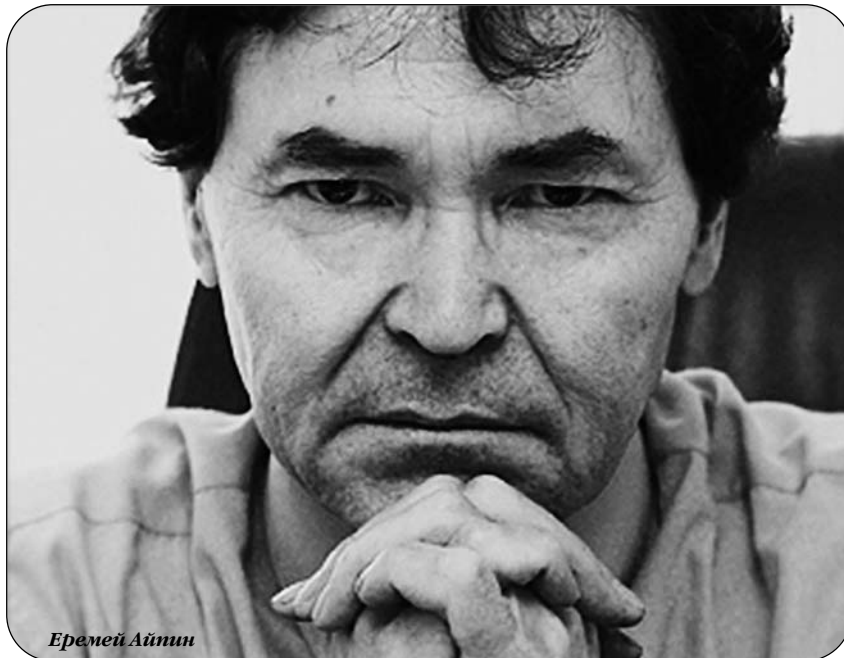
ЕРЕМЕЙ АЙПИН И ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО

Большинству читателей Еремей Данилович Айпин известен своими выдающимися литературными достижениями, в основном посвящёнными тому, как его народ, ханты, с достоинством и стойкостью борется, встречая вызов двадцатого столетия. В его романах и рассказах глобальные исторические веяния, такие, как становление советской власти или Гражданская война, индустриализация русского Севера, освещаются через опыт индивидуальных лиц – хантыйских мужчин и женщин вроде Демьяна из «Звезды Утренней Зари» либо Матери детей из «Богоматери в кровавых снегах». Айпин пишет исходя из их точки зрения, воссоздавая для нас их надежды и радости, смутнение и ужас, тогда как сами они взывают к силе традиций для защиты своей жизни, семьи и земель.

В известной мере такая авторская стратегия знакома писателям во всём мире – тем из них, кто принадлежит к этническим меньшинствам, которые испытали внешние давления, чьи культуры были выхолащены трансформирующими институтами мажоритарного общества, постоянно стремящегося их ассимилировать. Меньшинство ассоциируется с традицией, а большинство – с модернизацией. Рождающееся при этом повествование омрачено чувством неизбежного рока, который должен неумолимо привести к исчезновению Благородного Туземца, чей уход оплакивается, но лишь до тех пор, пока он не обретает шанс защитить собственное достоинство и напомнить нам о нашем собственном варварстве.

В советском дискурсе, связанном с национальными меньшинствами, в недрах которого вырос Айпин, это напряжение между традицией и модерностью было особенно острым и проблемным. Оно

НЕОБХОДИМОСТЬ

Еремей Айпин

КОМПРОМИССОВ

было особенно острым, поскольку советский идеологический дискурс был сфокусирован на понятии всеобщего материального прогресса и предполагал, будто все народы, невзирая на различия, пойдут единой тропой к общей цели. Предполагалось, что, хотя народы могут отправиться в путь с различных исходных точек и будут двигаться с разной скоростью, всё же существует уверенность, что они придут к одной цели. Обеспечить такую эволюцию должна была революция 1917 года. При всём утопизме подобной логики, революция поддерживала важнейшие достижения советского периода в области жилищного строительства, здравоохранения, образова-

ния, экономики. Особенно проблематичным в подобном мышлении было допущение, что, хотя ценности у всех народов одни и те же, лишь некоторые в состоянии воплотить эти ценности в жизнь. Обычно лицо, облечённое властью, вместо того, чтобы запросить мнение лиц, властью не обладающих, просто априорно предполагало, что если у него (неё) имеется власть для осуществления какой-либо программы, ему (ей) и лучше знать, что нужно лишенным голоса и власти людям.

В 1999 году Ольга Балалаева и я сопровождали главу общины юганских хантов в Ханты-Мансийск для встречи с губернатором, чтобы обсудить проект создания защи-

щённой зоны для юганских хантов Сургутского района. После этого мы встречались с Н.А. Сергеевой, в обязанности которой входила координация в сфере экономического использования природных ресурсов округа. Когда мы втроём начали описывать проект, подчёркивая, что традиционная охотничья и рыболовецкая экономика продолжает поддерживать у юганских хантов привлекательный образ жизни, Сергеева взорвалась тирадой: «Неужели вы полагаете, что они действительно хотят жить в этих грязных избах? Считаете, что они хотят только охотиться да рыбачить? Думаете, им и в самом деле нравится их образ жизни? Им нужен прогресс, как и всем остальным, – магазины, электричество, телевизоры, нормальные квартиры! А это значит – нефть! Для этого нужны нефтяные деньги!» Несомненно, она отчасти права: некоторые из хантов, как и люди повсюду, и раньше, и сейчас уступают соблазнам потребительства, хотя большинство не столько стремится поменять лес на городскую квартиру, сколько привнести удобства городской жизни в свою юрту. Но куда больше тирада Сергеевой, от которой все, кроме неё, ощутили досаду, явилась уничижительной демонстрацией того, как идеология прогресса продолжает применяться для оправдания экспроприации земель и насильственного переселения всех жителей во имя тех, «кто знает лучше», нежели они сами. И было неважно, что её комментарии продемонстрировал к тому же незнание истинного материального положения юганских хантов, что те выразили свою волю в виде прошения, или даже что в подтверждение наших доводов перед нею стоял глава хантыйской общины. Необходимо было получить от неё одобрение проекта, а его-то, как выяснилось, ожидать было напрасно.

Пример Сергеевой иллюстративен и в том плане, что он

показывает, в каком окружении протекает деятельность Еремея Даниловича Айпина и как писателя, и как интеллигента коренного происхождения, но что особенно важно – как депутата Думы автономного округа Ханты-Мансийск–Югра, где он возглавляет особую группу из трёх делегатов, представляющих коренные народы, именуемую Аборигенной Ассамблеей. Вследствие моего собственного более чем пятнадцатилетнего участия в судьбе хантов Сургутского района, более об Айпине-депутате, нежели об авторе, я и хотел бы написать, поскольку моя интерпретация его политической деятельности помогла мне выше оценить его романы – в том, как они отражают борьбу за сохранение хантыйских земель и культуры в состязании Традиции с Модерном.

СОХРАНЕНИЕ ХАНТЫЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ И ОБРАЗА ЖИЗНИ

Как писатель коренного происхождения и депутат Думы, Айпин сыграл важную, хотя и не всегда успешную роль в борьбе за сохранение хантыйских земель. Признавая масштабность разрушений, нанесённых интенсивным развитием нефтедобывающей промышленности, подстёгиваемое русскими учёными и природозащитниками, Советское правительство в 1982 году вынесло постановление о создании Юганского заповедника (Strict Nature Preserve) на территории, образуемой двумя рукавами рек Большого и Малого Югана, для сохранения части великолепного, уникального центра Западно-Сибирской таёжной экосистемы. Учреждение заповедника оторвало многие семьи юганских хантов от их традиционных территорий зимней охоты, которые им пришлось перенести на противоположные берега этих рек. К концу 1980-х эти области вновь оказались в опасности вследствие нефте-

добычи, развернувшейся по всей Западной Сибири. Имей юганские ханты возможность участвовать в обеспечении собственного будущего, им важно было бы сохранить на какое-то время земельную базу, от которой зависела их современная организация, до поры, пока собственная политическая структура и более широкое социальное, экономическое и законодательное окружение разовьются в такой степени, чтобы эффективно участвовать в процессе принятия решений. В противном случае, вовлечённые в процесс быстрого уничтожения природного окружения, с перспективой экономического краха, юганские ханты оказались бы доведены ошеломляющими внешними факторами до состояния крайней зависимости. В 1987 году Владимир Когончин, глава общины юганских хантов, предложил обратиться в Верховный Совет, чтобы провозгласить её территорию в качестве «зелёной зоны» приоритетного землепользования. Общественность других областей полностью их поддержала. В соответствии с идеей Когончина Айпин включил предложение о «зелёной зоне» в свою книгу, и именно Айпин донёс его до Ельцина. Но хотя Айпин имел несколько бесед с Ельциным, ничего из этого не вышло, идея застопорилась. И всё же активная роль Айпина является не только показателем его статуса, но и преданности делу сохранения хантыйских земель.

Существование Юганского заповедника создало возможности для сохранения земель юганских хантов в качестве биосферного запаса ЮНЕСКО – территории, находящейся под защитой национального законодательства, управляющего взаимодействием природных и людских ресурсов путём создания буферной зоны вокруг природного запаса, предназначенного исключительно для человеческой деятель-

ности, особенно осуществляемой коренными этносами. К концу 1990-х годов идея «зелёной зоны», поддержанная Айпиным, реанимировалась, на сей раз в виде плана создания охраняемой территории на землях юганских хантов как биосферного запаса. Пересмотренный план призывал к созданию охранный зоны, состоявшей из семейных охотничьих территорий вдоль по рекам Большому и Малому Югану, с охранным

2003 году идея о предоставлении Югану статуса защищённой территории умерла окончательно. В расширенном контексте постсоветского развития России борьба за сохранение Югана виделась малым делом местного значения, и не единственным. В конце 2004 года Всеволод Степаницкий, недавно покинувший пост управляющего системой природных ресурсов, привлёк внимание общественности к тому факту, что в

ском округе Айпин и члены Национальной Ассамблеи бессильно взирали на то, как их российские коллеги в Окружной Думе приняли закон, сокращающий число коренных представителей с четырёх до трёх. Так началась вторая Декада Коренных Народов Мира, провозглашённая ООН, столь публично и помпезно отмеченная российским президентом Владимиром Путиным и его министром иностранных дел Сергеем Лавровым.

К 2005 году терпение Айпина начало иссякать, поскольку легальный статус хантских земель по-прежнему оставался ущербным. В марте того же года Айпин вошёл в состав делегации членов Ассамблеи Коренных Народов Думы ХМАО, посетившей индейские резервации США. Всем известна пропаганда о том, что индейцы «заключены» в резервации. Члены делегации были изумлены тем, что у индейцев имеются собственные выборные правительства, издающие законы на территории резервации, свои суды и полиция, при одновременном сохранении контроля над своими базовыми ресурсами, включая леса, воды и ресурсы недр, такие как уголь, нефть, газ и уран. Важнее всего, что племена контролировали землю и бюджет; а резервация навахо, по величине равная Ирландии, распоряжается бюджетом в 400 миллионов долларов, причём почти половина денег поступает от продажи их собственных природных ресурсов. В июне 2005 года Айпин и другие члены Ассамблеи, Татьяна Гоголева и Надежда Алексеева, собрали рабочую группу в Ханты-Мансийской Думе для обсуждения нового закона, который Айпин сам набросал. Этот закон имел целью воспользоваться новым федеральным законом о местном самоуправлении и сгруппировать посёлки хантов и манси, разбросанные по рекам округа, в тридцать два межпоселковых

Заповедник «Юганский»

статусом, предоставленным Ханты-Мансийским автономным округом. Пакеты документов были представлены в сургутскую региональную администрацию, которая рассмотрела их и переправила в губернаторскую службу. Тогда-то и состоялась вышеописанная встреча с Сергеевой.

В декабре 2001 года ХМАО, в качестве субъекта федерации, привёл в соответствие свои законы с пересмотренным земельным кодексом, аннулировав исходный окружной декрет о родовых угодьях хантов. Планируемый окружной закон о коренных территориях традиционного природопользования (ТПП) находился в стадии подготовки, но рост цен на нефть позволил считать, что не стоит спешить с предоставлением землям хантов легального статуса. К

России с 2000 года не было учреждено ни одного заповедника федерального значения (РИА Новости, дек. 29, 2004 г.). Коллега добавил, что тенденция была как раз обратной, заметив, что за последние несколько лет предпринимались неоднократные попытки незаконно передать часть тринадцати действующих заповедников под промышленную разработку. В январе 2006 года Федеральная Дума, основываясь на многочисленных заявках крупных компаний на использование подпочвы, приняла за поправки к Лесному кодексу, чтобы узаконить «временное использование нелесных земель в целях, отличных от леснических» — иными словами, для добычи нефти и газа на лесных территориях национального значения. А в Ханты-Мансий-

этнических территориальных объединения. Фактически, законодательным путем создавались тридцать две резервации с реальным, хотя и ограниченным, самоуправлением. Однако перед тем как представить его рабочей группе, Айпин сократил масштаб своего предложения, ограничившись идеей создания, в качестве эксперимента, одной такой территории на Югане.

При всей своей благонамеренности предложение Айпина имело мало перспектив стать законом. Примерный текст закона был резко раскритикован законодательным советом округа, поскольку в федеральном законодательстве не нашлось никакой легальной базы для создания подобной структуры. Мечта Айпина потерпела полный крах под давлением законодательного совета при службе губернатора, причём в открытой форме, публично, в присутствии представителей аборигенных общин, приглашённых в Ханты-Мансийск Айпиным исключительно для того, чтобы послужить свидетелями осуществления проекта. Несмотря на столь открытый уничижительный отпор, Айпин отказался до конца расстаться с юганской инициативой. Летом 2006 года он попытался пробить план федерально защищённой территории для Югана на основе федерального закона о ТТП, что было возможно при условии прямого обращения к премьер-министру; четыре общины коренного происхождения уже сделали это и добились успеха. Но в конце концов этот план также был блокирован из-за вмешательства окружной администрации.

Тем временем задержанный закон округа о ТТП, по крайней мере трижды претерпевший существенную правку, наконец был принят Думой в декабре 2006 года. В предварительной форме он недвусмысленным образом предлагал в качестве ТТП систему

зон, позволявших правительству округа единолично отчуждать участки земель в пределах ТТП под промышленные разработки, без согласования и без компенсаций хантам как держателям прав на природопользование. Оба эти условия находились в явном противоречии с федеральным законом о правах коренного населения. Ханты и манси к тому же не могли быть представлены ни в каком органе, принимающем решения или регулирующем конфликты, хотя попутно стоит заметить, что федеральный закон о статусе допускать аборигенное представительство в правительственных органах, пусть и не настаивая на таковом. Несмотря на недостатки, Айпин и члены Ассамблеи от безысходности поддержали прохождение нового закона о ТТП, поскольку он являлся единственным законодательным признанием того, что коренные народы имеют какие-то особые права, пусть слабые и ограниченные, на пользование определёнными земельными территориями.

Возможности Айпина и Ассамблеи коренных народов Думы ХМАО оказывать позитивное влияние ограничены по двум причинам. Во-первых, в качестве третьей палаты Думы Ассамблея не имеет права вето на законопроекты, выдвигаемые в двух верхних палатах (где доминируют представители нефтедобывающей промышленности), и даже на законодательство, напрямую связанное с землями или обычаями коренных народов. Более того, поскольку бюджет администрации округа формируется в основном от поступлений, связанных с нефтедобывающей эксплуатацией земель коренных народов, Ассамблея, внося какие-либо предложения, приходится действовать очень осторожно. Если политика представляет собой искусство возможного, постепенно проясняется тот факт, что для Айпина и его коллег в Думе

остаётся всё меньше возможностей. Роковое ощущение неизбежности, возникающее порой у читателя при знакомстве с прозой Айпина, даже гневная реакция, реализуемая через героев, в немалой степени имеют своим неизбежным истоком эти постоянные поражения. Однако, несмотря на эти поражения, видимые лишь немногим, встречая лицом к лицу немислимые препятствия, Айпин продолжает удерживать свои рубежи.

ТРАДИЦИЯ, МОДЕРНОСТЬ И СОХРАНЕНИЕ ХАНТЫЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ещё один проект Айпина помогает понять, насколько проблематична концепция Традиции в политическом контексте, окружающем работу и жизнь Еремея Айпина. Летом 2002 года Айпин и Ассамблея Думы коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа попросили нас подготовить закон, который обеспечивал бы сохранение Медвежьего Праздника – центрального компонента обско-угорской культуры. В продолжение нескольких лет Айпин подумывал включить Медвежий Праздник в список Всемирного Наследия ЮНЕСКО, но этот проект не встретил горячего энтузиазма. Озабоченный возможностью утраты этого древнего пласта хантыйской культуры, Айпин решил попытаться использовать свою причастность к законодательству для защиты и сохранения этой традиции.

Сама идея защиты или сохранения какого-либо ушедшего культурного наследия является порождением современного общества, а на Западе она возникла в конце XVIII века. Модерность характеризуется в обществе подъёмом промышленного капитализма, распространением республиканской демократии, развитием широкой социальной сферы политической и

культурной активности и возникновением риторики личностной и индивидуальной свободы. Такая модерность стимулировала формирование контрастной европейской модерности с её отчуждением от социальной сферы, столь характерной для элитарной культуры конца девятнадцатого и начала двадцатого веков. Наконец, возникла «колониальная модерность», неразрывно связанная с этими прочими видами модерности, именно поскольку сочетание факторов, обозначенных выше, основывалось на экономике империализма, зависевшей от колониальных рынков, естественных и людских ресурсов. Вследствие этого социальная модернизация западных наций и государств повлекла за собой смешение индивидуальных и общинных идентичностей, что нелегко регулировать путём иммиграции, натурализации и прочих законов, основанных на идентичности, и нелегко нейтрализовать либо стереть, постулируя равенство перед законом.

Законодательные институты западных наций, в рамках которых сегодня предпринимается культурная консервация, являются последствием этих смешений, и Россия не является тут исключением.

«Традиционность» является категорией, определяемой модерностью и по отношению к модерности.

Она является результатом исторических различий между возникающими современными обществами и теми обществами, которые они переместили в категорию «других», сегодня именуемых «традиционными». В расхожем представлении, отражённом в фильмах и художественной прозе, традиция видится как инвентарь неизменных нормативных форм, пассивно наследуемых от предыдущих поколений. Если же исследовать предмет поглубже, окажется, что вместо этого традиция предстаёт

как ощущение прошлого, которое активно создаётся в настоящем посредством соединения различных факторов (аборигенных, научных, правительственных, публики, журналистики и так далее) с самыми различными целями. И было бы особенно недальновидным удивляться тому, что коренные народы не способны научиться извлекать политическую пользу из понятия «традиционности», коль скоро в реальности большинство населения современных наций-государств, создавших категорию «традиционного», пользовались этим понятием в собственных экономических и политических целях на протяжении почти трёх столетий.

Условия, диктуемые модерностью, влияют на сохранение традиционных, устных культур, по крайней мере в трёх областях, которые напрямую влияют на проект сохранения культур. Первая касается современного, светского гражданского государства, которое определяет своих членов, всё больше отвлекаясь от сущностных различий. Хотя гражданственность, предполагается, маргинализирует все прочие различия, такие как религия, этничность, язык, гендер, раса и родство, полагая их чуждыми (или по крайней мере не обязательными) для функционирования общества, они-то как раз и являются теми идентификационными категориями, которые считаются самыми значимыми в «традиционных» обществах, подобных хантам. Знание и управленческая деятельность часто узакониваются и описываются именно таким образом. Во-вторых, современные общества исторически строились на промышленной капиталистической основе. Классическая модель промышленного капитализма предполагает общий доступ к природным и людским ресурсам, открытую конкуренцию и целеустремлённость, исходящую из личного экономического инте-

реса. Можно было возразить, что если капитализм не вполне сотворил современное понятие о собственности как передаваемом потреблении, то он уж точно переоформил его, дабы подчеркнуть отчуждаемость собственности, сократив, по крайней мере в этом, различие между недвижимостью, природными ресурсами и личной собственностью. С другой стороны, «традиционные общества», вроде хантов Айпина, не стремятся поддерживать потребленчество земли и ресурсов, как и индивидуальных прав на владение. Таким образом, современное общество отличается от традиционного тем, что подчёркивает личную автономность, которая облегчает неограниченную потребительскую циркуляцию в целях максимизировать возможности индивидуума для достижения богатства. В-третьих, механическое воспроизведение культурных форм привело к потребительству культуры и информации, к отчуждению как артиста/исполнителя, так и аудитории/потребителя от момента перформанса. Вследствие своего происхождения традиции невозможно было приписать какому-либо индивиду, и они считались общим литературным достоянием. Поскольку только личный акт индивида мог превратить традицию в потребляемый товар, то только индивид и мог претендовать на потребительский товар, и таким образом общины эффективно лишались прав, поскольку их притязания объявлялись безосновательными. Если устные традиции невозможно превратить в товар, их ценность не поддаётся учёту, а если так, то их нет и смысла сохранять. То же можно распространить и на их творцов.

Федеральный Закон 1999 года о «Гарантиях прав коренных малых народов /т.е. меньшинств/ Российской Федерации» (№ 82-FZ от 30 апреля 1999 г.), так называемый закон о «статусе», про-

должал культивировать всё то же статичное и окаменелое представление о традиции. Этот закон, считающийся основным для последующей законодательной деятельности, содержал ряд важных черт, включая признание прав коренных народов на формирование общинных ассоциаций (общин), на владение землёй, на участие в развитии землепользования, в том числе природные и этнологические позиции, и получать компенсации за ущерб, нанесённый земле в результате индустриализации. Однако, выделяя коренные народы в качестве «народов, проживающих на территории традиционного проживания их предков», закон игнорировал историю под видом её утверждения. И признавая, что коренные народы обладают правом «безвозмездно владеть и пользоваться в местах традиционного проживания и экономической деятельности малых народов землёй различных категорий, необходимой для традиционного способа хозяйствования и традиционных промыслов», закон привязал любые права на землю к опасно внешнеисторическому и проблематичному понятию «традиционности» и к хозяйствованию, которые с развитием промышленности быстро уничтожались.

Если современное законодательство не является проводником для защиты фольклора, то же относится к научным специалистам в области фольклора и антропологии, которые испытывают тревогу оттого, что любые средства, используемые таким образом, способны нанести больше вреда, чем пользы. Материальные предметы, вроде этнографических коллекций или священных мест, требуют охранительных стратегий, направленных на сохранение их материальных форм. Между тем фольклор существует только в процессе исполнения. Никакая исполнительская запись, в любой форме – фильма, ви-

део, аудиозаписи, фотографии, письменного текста, – нельзя смешивать с самым исполнением. Точно так же, никакой из этих видов текстуализации не способствует сам по себе сохранению живой традиции, поскольку живая традиция существует посредством своих многочисленных вариаций, а не через единичный пример, и передаётся посредством исполнительства. Тревожно то, что применение стратегии культурной консервации, пригодной для материальных форм, к динамичным формам вроде фольклора способно фиксировать или оценивать его формы таким образом, что это остановит само развитие вариативности, придающей традиции её жизненность. Стремление к «утверждённым версиям» укоренилось в предписанных сценариях фольклорных ансамблей бывшего Советского Союза и в фольклорном движении, охватившем Европу в 1970-е, но оно было подкреплено ревитализационными усилиями в области культуры в постсоветский период, когда исполнение фольклора является управляемым воспроизведением, предписанным заранее.

Для администрации округа и широкой публики, так же как и для многих представителей интеллигенции коренного происхождения в Ханты-Мансийском округе, «фольклор» представляется в виде отобранного перечня небольшого количества качественно маркированных форм (особенно танец и музыка и кое-какие «этнографические» элементы материальной культуры, такие как костюм, корзины и бисерные изделия), демонстрируемых в особых слу-

чаях. Эти люди не понимают, что фольклор, а точнее то, что стали именовать «народной жизнью», охватывает диапазон навыков, промыслов и поведенческих моделей. Они не обязательно требуют особого, «публичного» случая для самооправдания. На самом деле хант, проживающий расширенной семьёй где-нибудь в глубинке, способен провести утро, органично сочетая некоторые или все действия следующего рода: расшивая бисер, плетя корзинку, загадывая загадку, рассказывая поучения, настораживая и наживляя ловушку, коптя рыбу или напевая песню в процессе починки нарты. Большая часть некоренного населения округа не в силах себе представить, что все эти вещи связаны практической и интеллектуальной связью, так что лишение контекста либо отрыв от него ради конкретных демонстраций, не только искусственны, но сводят к нулю их исходные ценность и смысл. В результате полагают, будто, сохранив костюмы и танцы для демонстрации на фестивалях, они спасли и сохранили фольклор своей общины. Часть задач, стоявших перед нами, состояла в том, чтобы

найти программные формы правительственной поддержки, которые способствовали бы передаче и воспроизведению культурных форм в их исходных общинных контекстах, и добиться этого без создания «официальных» и «утверждённых» форм, способных остановить инновации, необходимые для развития живой традиции.

Айпин и другие члены Ассамблеи коренных народов совместно с интеллигенцией коренного происхождения, в большинстве своём работающей в финансируемых государством структурах, сидящей на зарплате в сфере образования или администрирования, желали общественного признания культурного наследия и механизма, способного привлечь внимание к определённым, ярко выраженным формам. Такая мотивация, в числе прочих, стоит за стремлением возвысить Медвежий праздник до окружного значения и предпринять шаги к его сохранению. Распознаваемые, общественно значимые культурные формы придают смысл представлениям о конкретной этнической идентичности. В ХМАО, как и в других основанных на национальном

признаке политико-административных единицах бывшего Советского Союза, «этническая культура» остаётся политическим понятием огромного значения. Интеллигенция коренного происхождения обладает властью определять административные приоритеты, учреждать механизмы и продвигать широкомасштабные, долгосрочные финансовые проекты в той степени, какая индивидуальным членам аборигенных общин (или порой даже всей отдельно взятой общине) недоступна. «Национальная политика» – большой бизнес в аборигенном сообществе ХМАО, включающий множество общественных институтов в Ханты-Мансийске и по всему округу, учреждённых силами и в интересах интеллигенции коренного происхождения, соперничающей за долю бюджетного пирога в области культуры. Тем не менее Айпин протолкнул закон, претерпевший несколько существенных изменений, и вот 18 июня 2003 года закон по Ханты-Мансийскому Автономному Округу за № 37-03 «О фольклоре коренных малых народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономно-

го округа», уникальный для Российской Федерации, вступил в силу.

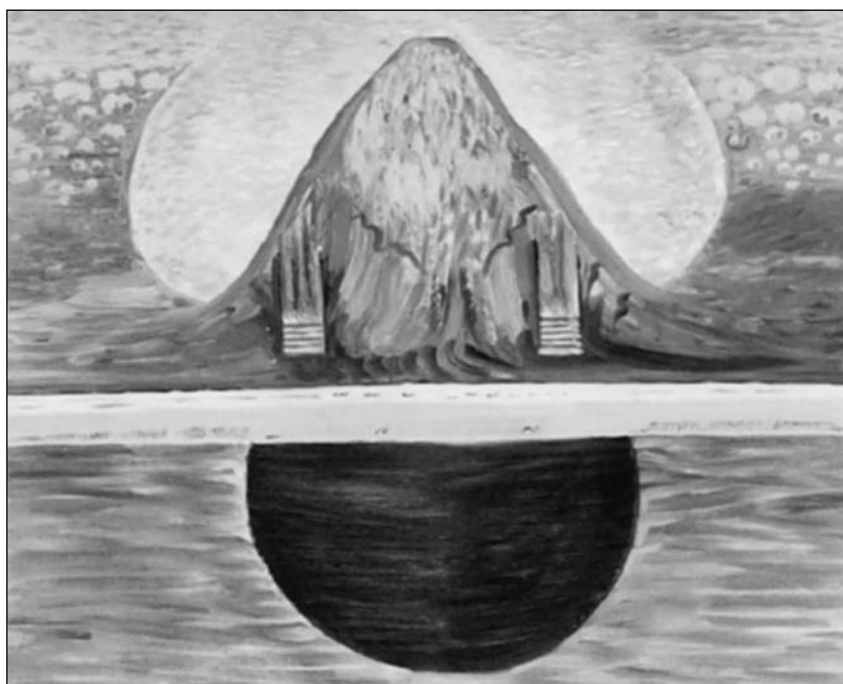
Во многих отношениях – благодаря своему образованию, политическому статусу и литературной известности – Айпин есть явление весьма нетипичное, он живёт жизнью, весьма отличной от жизни хантыйского оленевода и охотника. По этой причине читатель может счесть, что его сюжеты представляют собой дидактические притчи о благородных туземцах или идеализацию доиндустриальной Сибири времён его детства, памятью, ныне воскрешаемой в виде художественной прозы. Возможно, это и так. Но если и так, они представляют собой нечто гораздо большее. Сложность заведомо простых характеров отражает сложность ситуации, характерной для жизни самого Айпина. Вступать в переговоры и совершать компромиссы во имя того, чтобы чего-то добиться, продолжать надеяться и трудиться на общее благо пред лицом промышленных препонов, упорствовать в своей вере, потому что альтернативы слишком страшны, постоянно мечтать о большем, смиряясь с меньшим, ибо сегодня это «меньшее» всё же больше по сравнению со вчерашним, и делать шаг вперёд – вот суть политики Айпина, так же как и его искусства – искусства возможного.

Как говорит он сам: «Не хочется верить в кончину моего рода. В кончину Земли. В кончину народа. Поэтому я взялся за перо и написал эти строки».

**Эндрю УИГЕТ,
профессор англоязычной
и сопоставительной
литературы,
Университет штата
Нью-Мексико**

г. Лас Крусес, Нью-Мексико,
США

**Перевод с английского
Александра ВАЩЕНКО**

Геннадий Райшев. Серии «Древняя Югра»

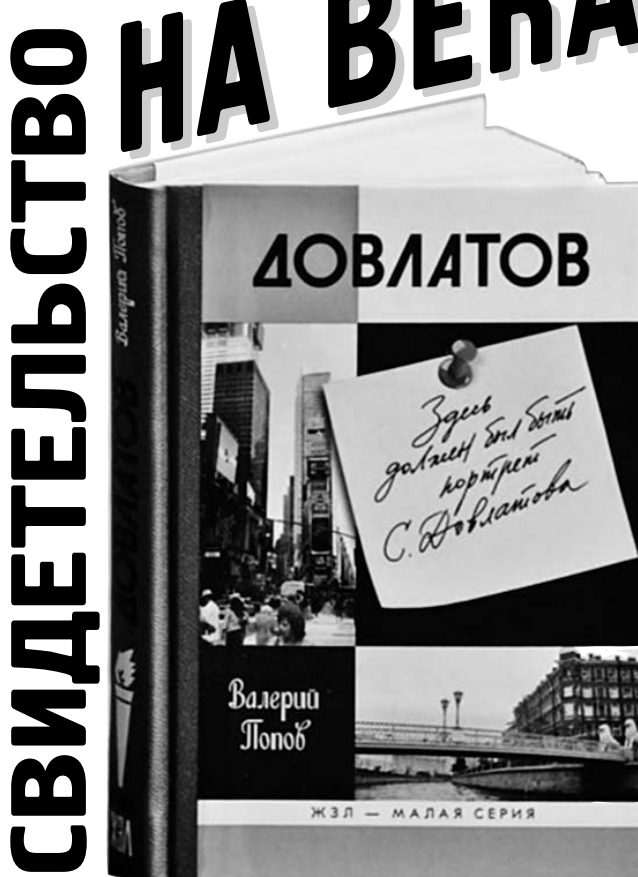
История трагикомическая, довлатовская. Уж если дадено человеку с юности епиходовское клеймо «двадцати двух несчастий», то и тянется за ним всю жизнь – даже, как выясняется, и посмертно. Даже когда грянула посмертная слава. Казалось бы, о чём и мечтать: блестящий прозаик Валерий Попов, из когорты или «списка», как они говорили, питерских гениев шестидесятых годов, близкий друг и приятель Довлатова, берётся о нём написать нечто в популярную серию. Гром победы раздавайся, готовь многократную допечатку тиража... Ан, не тут-то было. Кто-то напел родственникам и потомкам, у коих права, что готовится «разоблачение» кумира, к тому же с посягновением на кошелек. И посыпались в издательство грозные письма с обещанием по судам затаскать и разорить, ежели хоть что-нибудь будет опубликовано без согласований (отчасти совершенно бредовых). Итог: впервые за столетнее существование серии выпущенная в её рамках книга вышла без фоторяда и даже на обложке вместо привычного изображения того, о ком писано, помещено (в виде приколотой к стене записки): «Здесь должен был быть портрет С.Довлатова». И смех и грех.

И совершенно замечательную книгу свою автор вынужден был не раз перекраивать, вымарывая цитаты, например из переписки Довлатова с Ефимовым, также родственниками запрещённой. Хотя она сравнительно недавно опубликована и вполне доступна. Вместо того чтобы сосредоточиться на композиции своего упоительного повествования, В.Попов занят был перекраиванием и перелицовыванием текста – надо было ведь как-то восполнять неожиданно возникшие лакуны. Так что

Валерий Попов. Довлатов. – М.: Молодая гвардия, 2010

некоторые повторы и тавтологии, в этой книге наличествующие, очевидно, не плод небрежности, но результат стороннего и весьма грубого вмешательства.

И всё равно: писательский дар автора столь велик, что получилась одна из лучших книг серии. В каком-то смысле даже образцово-каноническая. Один талантливый автор пишет о другом столь же

одарённом, вся молодость которого прошла у него на глазах, все персонажи биографии которого автору лично знакомы, все обстоятельства жизни которого им так или иначе пережиты – это ли не счастливейший случай для подобного сочинения? А то, что автор иногда как будто увлекается, «заигрывается», начинает писать, по сути дела, художественную прозу, так ведь и это идёт на пользу предприятию, ибо образность и великолепный меткий язык лишь способствуют пущей наглядности повествования. Для поколения Довлатова, то есть ныне поколения

семидесятилетних, трудно найти более замечательное чтение, чем эта книга; для людей помоложе интерес обеспечит качество изумительной прозы, вобравшей в себя великое множество характерных деталей и ярко креативных персонажей той, вроде бы недавней, но уже канув-

шей в Лету и на редкость живописной эпохи. Читаем же мы уже полтора века с неослабевающим интересом «Былое и думы» Герцена – «Довлатов» Попова в этом ряду. Книга, даже выбивающаяся из ряда, – как гигант и красавец Довлатов всегда выделяется на многочисленных групповых фотографиях, хорошо известных по другим изданиям, но, увы, миновавших этот ёмкий очерк. Бесспорно, лучший из всего потока лите-

ратуры о Довлатове, хлынувшего после того, как свалилась на него посмертная мировая слава.

Лучшая, самая убедительная проза Валерия Попова всегда была в значительной степени мемуарна. Так что ему и карты в руки. А тут и во все судьба ему сдала одни козыри – нам, читателям, на радость и превеликую пользу. Былой «список» будущих гениев себя оправдал в полной мере. Найман об Ахматовой, Лосев о Бродском, Попов о Довлатове – всё это свидетельства на века.

Юрий АРХИПОВ

На Камчатке в селе Ковран каждый год проходит традиционный ительменский обрядовый праздник очищения от грехов и благодарения природы «Алхалалалай». Его возродили из пепла национальные лидеры: Борис Жирков, Олег Запороцкий и близкие им по духу люди.

марафоне и других мероприятиях. Среди земляков ительмены с удовольствием встречают эвенов из национальных посёлков – Эссо и Анавгай.

В этом году в гостях в празднике участвовала руководитель эвенского народного коллектива «Нургэнэк» Лилия Банаканова.

НЕ РАСТВОРИСЬ

В МЦМАЖЕ

Лилия БАНАКАНОВА

Сегодня в Ковран не все могут добраться, слишком дорогие билеты на местных авиалиниях. В Ковране праздник проходит в кругу односельчан.

Такой же «Алхалалалай» начали проводить в национальной деревне Пимчах, специально построенной для этого, недалеко от Петропавловска-Камчатского. Его основатель – человек уникальный, самобытный – Вера Ковейник.

В Пимчах (недалеко от села Сосновка) съезжаются гости, чтобы поучаствовать в обряде очищения от грехов, в конкурсах по разделке рыбы и нерпы, в 15-часовом танцевальном

Когда-то преподаватель в музыкальном училище увидел в девушке с раскосыми глазами – Лиле – ту искорку, которая потом разгорится и вспыхнет ярким фейерверком. В ней будут искриться талант артистки, танцовщицы, режиссёра, юмориста, руководителя эвенского национального танцевального ансамбля «Нургэнэк», активного национального лидера, умного образованного человека.

Сегодня Лилия Банаканова рассказывает о себе, своей семье, традициях и обрядах эвенов, о том, что тревожит и что радует.

Бескровные жертвы Огню

Как-то во время кочевья мы шли караваном верхом на оленях. Впереди – мужчины, потом мама, я – за ней. Неожиданно на нас начал медленно наползать туман. Я не знала этого явления. Вижу: впереди люди стали по одному исчезать, скрываться в тумане. Думаю: боже, неужели мы с мамой тоже исчезнем? Сажу на олене и боюсь, вдруг мы остались одни, а всех уже давно нет здесь! Когда туман начал постепенно рассеиваться, люди потихоньку стали проявляться. Как будто возникали из небытия. Я тогда подумала, что мы прошли через загадочное таинственное место...

Время от времени у меня возникает депрессивное состояние, в такие моменты я всегда вспоминаю тот случай и думаю: никогда нельзя допустить в жизни того, чтобы постепенно «раствориться в тумане». Надо радоваться жизни, мечтать и творить.

С детства не люблю печенье. Крекер, галеты с удовольствием ем, а печенье даже дети мои не любят. У меня есть сестра Надя – на два года моложе. Ей был годик, она ещё грудь сосала. Я очень ревновала её к маме. Это же было «моё» и вдруг «отдано» сестре.

Когда мама уходила в лес за трухой, которую клали в люльку вместо подгузников, она брала меня с собой. Для сестры на это время делала соску: натолчёт печенье, в марлю завернёт и даёт ей сосать.

Если я оставалась дома, всегда у сестры воровала эту соску. Все остатки вместе с марлей, с этими торчащими нитками в рот засовывала. Ночью сестра проснётся, соски нет. Мама ищет-ищет в настиле из кедрача (в юрте настилают кедровый стланик, своего рода временный пол), нет нигде «соски». Посмотрит мама на меня: я сажу и это печенье сосу. Она мне как даст подзатыльник, соска выскочит. Я

эту историю часто детям рассказываю, они хохочут. До сих пор ощущаю привкус того печенья и марли.

Один писатель мне недавно сказал: «Кто помнит себя хотя бы с трёхлетнего возраста, у того есть склонность к писательству. Этот шанс надо использовать».

Я родилась 2 июня 1961 года. Думаю, возраст нужно подчеркнуть: только с годами приходит мудрость, и многое, что было непонятно раньше, доходит до тебя. По национальности я эвенка. Родом из села Анавгай Быстринского района Камчатского края. Я представляю уягинский род (уяинки) эвенов, которые проживают на нашем полуострове с 1852 года.

В конце XVIII века на Камчатке случилась страшная эпидемия тифа. Люди начали вымирать целыми семьями. Коряки, чтобы спастись, ушли на север Камчатки. Эти места стали для них проклятыми, и они здесь больше не жили.

В 50-е годы XIX века первый губернатор Камчатки Василий Завойко предложил нашим предкам ламутам обосноваться в Большерецком остроге, а нынешний Быстринский район входил в территорию острога. Мои предки заявили официально, что хотят обосноваться в этих местах. Так здесь начался наш род.

Как наше село образовалось? Оленеводы пасли стада на этой территории и водили оленей по определённому кругу. Главным местом, где все встречались, обсуждали события, решали проблемы, был Анавгай. Это – корякское название. Анаун – листовница, Най – гора, то есть – Листовничья гора.

В 1926 году в наши края пришла советская власть. На месте встречи оленеводов был образован Анавгайский туземный Совет, в который входило шесть хозяйств, 50 мужчин, 51 женщина. Населённый пункт состоял из

стойбищ Романа Солодякова, Степана Черканова и Андрея Адуканова, но вскоре на первом родовом съезде оленеводов было предложено объединиться в один род – Быстринский. Так был образован Быстринский ламутский туземный район.

Сейчас в нашем районе два села – Эссо и Анавгай.

В Эссо считают, что мы, анавгайские, слишком воображались, активные. Но ведь мы родились здесь, наши родители, наши дети тоже. Мы родом отсюда, и в нас присутствует чувство хозяев своей малой родины.

В Эссо люди не такие. Большинство жителей – приезжие, а местных привезли из других сёл – Тваян, Быстрая, Лаучан. Они не успевали обосноваться в тех сёлах, как их закрывали. Посёлок Эссо был как перевалочная база. Эвенов туда привезли, когда сёла закрыли, и старшее поколение даже сейчас не чувствует себя здесь как на родине.

Когда революция пришла на Камчатку, в Эссо открыли школы, туда стали приезжать строители, учителя, врачи русские. Теперь в посёлке очень много русскоязычного населения.

Наши ламуты с самого начала испытывали в Эссо дискомфорт. Их поселили в совхозных домах, они начали работать в оленеводческих звеньях. То место, где они поселились, сразу стали называть микрорайоном Шанхай. Они оказались без родины. Сейчас важно, чтобы второе и последующие поколения эвенов Эссо чувствовали, что здесь их родина.

Предложи мне жить в Петропавловске-Камчатском. Не смогу. Не моё это. Приеду на неделю, на месяц, а жить?.. Надо переламять себя, приспособиться к городской жизни.

С годами я начала изучать материалы о нашей истории, происхождении, обрядах, традициях. Думаю, все мы связаны невидимыми нитями

ми, несмотря на то, что представляем разные национальности, имеем разные взгляды, отличаемся по внешнему облику, по типу лица.

Однажды мы ждали в Анавае группу немецких туристов. Они для нас – неплохая возможность заработать. Мы ставим для них концерты,

мол. А эта туристка очень скромно сказала: у нас отмечается этот праздник по сей день. Её земляки странно отреагировали на это высказывание: «Надо же, приехали на Камчатку из далёкой Германии и узнали о традициях своего народа у местного населения, да ещё такие совпа-

продаём свои сувениры, изделия из бисера, оленьей кости, дерева.

Племянница готовилась к их встрече. У неё есть диск с энциклопедической информацией о разных народах мира. Стала она читать про немцев и нашла, что 21 июня они отмечают праздник огня: с 21 на 22 июня перепрыгивают через огонь, «сжигая» всё плохое. А у нас, по эвенскому календарю, также с 21 на 22 июня проходит национальный праздник – встреча Нового года. Эвены «сжигают» проблемы, болезни, трудности. Для этого мы подкладываем ветки можжевельника в огонь и, перешагивая через него, как бы перешагиваем через все невзгоды. После этого нужно пройти обряд очищения души – перешагнуть через второй огонь.

Когда приехали немцы, я у них спросила об этом обряде. Северные немцы оказались более активными в общении, чем их землячка с юга. Однако они переглянулись в недоумении: не знаем,

деня обнаружили». Между нами сразу налачился контакт. Тогда я подумала: значит, очень многое взаимосвязано в этой жизни.

С детства мне запомнился эпизод из индийского фильма. Проходит национальная индийская свадьба. Горит огонь, и жених идёт вокруг него. Потом жениха и невесту связывают между собой куском красивой ткани – у него ткань привязана к подолу верхней одежды, у неё – к сари. Оба босиком. У него какие-то бусинки на ногах сверкают. Не помню, как назывался фильм, но это чётко отложилось в памяти. Даже цвета помню: желтоватые...

Кто живёт от зарплаты до зарплаты, кто – от сессии до сессии, а я – от праздника до праздника. Каждый раз хочется подготовить и провести его по-новому, ярко, незабываемо.

Однажды в апреле приходит ко мне молодая пара Герман Долган и Жанна Гуркова.

– Нам надо с вами погово-

– Что, хотите эвенскую свадьбу справить? – спрашиваю.

– А как вы догадались?

– Не знаю. Просто задумала провести национальную свадьбу, и мне нужна пара.

Так странно: в апреле ко мне пришла эта идея, в этом же месяце появились они, а в июне мы уже играли их свадьбу.

Готовясь к эвенскому свадебному обряду, я перво-наперво пошла к маме. Она 1934 года рождения, родилась здесь, на Камчатке.

– Мама, что-нибудь помнишь из детства?

– Ничего не помню, – ответила она.

Имя у мамы революционное – Октябрина, хотя к революции ни она, ни её родители не имели никакого отношения. Когда на Камчатку пришла революция, здесь появились красноармейские отряды, и всё национальное запрещалось под страхом смерти, поэтому перестали проводить обряды и ритуалы.

Через несколько дней мама вдруг говорит: «Помню один момент: сижу маленькая в юрте, народу много. Все веселятся. Оживление. Костёр в юрте горит. Жених обходит вокруг огня. Потом появилась рядом его невеста. Я уже знаю: они будут вместе жить с сегодняшнего дня. Их связали верёвкой между собой, и теперь они идут вокруг юрты вместе, потом – три раза вокруг огня обходят».

Я стала искать описание этого обряда и нашла в одной книге: молодым надо вокруг юрты обойти три раза по часовой стрелке, и, прежде чем войти в жилище, им под ноги бросают красивую оленью шкуру. Они входят внутрь и проходят три раза вокруг огня. Это мама запомнила очень хорошо. Когда я готовилась провести обряд, не покидала мысль: откуда мне это известно, где я это видела? Через несколько дней вспомнила про тот индийский фильм. Так ещё раз подтвердилась мысль о том, что все

народы связаны между собой невидимыми нитями.

Как-то зашёл разговор о том, что эвены начали свой поход на Камчатку и в другие районы России из Северного Китая в XIII веке. Есть такая версия. Смотрю на карту этой страны, поднимаю взгляд выше – Север Китая. А Индия-то рядом! Господи! Что тут мудрить. Были мы как-то в Италии на фестивале. Организатор его будто невзначай сказал: «Давайте завтра организуем обряд Огня. У вас же у всех есть обряд поклонения Огню». Вечером на улице собрались вместе эвены Камчатки, новозеландцы, мексиканцы, австралийцы. И хотя все мы разные по цвету кожи, по разрезу глаз, в этот вечер выражение лиц у всех было одинаковое – особое, торжественное. Это надо видеть. Когда проводишь обряд, все его участники становятся совершенно другими: серьёзными, собранными, с замороженным взглядом. Так происходит всегда, когда человек смотрит на огонь.

Эвены проводят обряд жертвоприношения огню. Сегодня он достаточно упрощён. Для нас – обычное явление: всё, что у тебя на столе – щепоточку соли, сахара, хлебushка, заварочки, сигареточку, – всё дать огню, угостить его. Ты ничего особого не делаешь, не танцуешь, просто молча бросаешь всё это в огонь и сразу определяешь, хорошо он принял твой дар или нет. Если хорошо, он вспыхнет, если нет – будет с ленцой обволакивать твои дары...

Я думала, все проводят такой обряд. В 1993 году мы впервые приехали на праздник «Алхалалай» к ительменам в Ковран. Повезли они нас на берег Охотского моря уху варить. Мой земляк Кирилл Ичанга начал собирать со стола всего понемногу: для нас это в порядке вещей, обычная история. А ительмены смотрят, наблюдают за нами: что мы такое диковинное делаем. Поначалу как всегда

шутили, смеялись. Кирилл – артист, ему надо повообразить. Он «кормил» огонь так артистично, у него такой взгляд серьёзный был. Конечно, привлёк к себе внимание. Одна ительменка спрашивает: «Что он такое делает?» Я в ответ: «Это наш обряд. Приношение Огню. А вы что, не проводите?». «Нет, мы в первый раз видим это...». Я удивилась: считала, что все народы приносят бескровную жертву Огню.

Огонь – как Солнце. Так же пылает, светит, греет, а вокруг него разные планеты движутся. Всё это перекликается с тем, что происходит в нашей юрте. Ведь у всех коренных народов круглое жилище: у киргизов, у чукчей, у ненцев, у коряков. Даже в русской избе печь стоит в центре, чтобы обогревала весь дом. Вокруг Солнца всё крутится, значит, возле Огня, значит, Огонь должен быть в центре.

Бубен – национальный музыкальный инструмент разных народов, и он везде по-разному называется, но всегда делается круглым и символизирует Солнце (мы ведь тоже часто задумываемся о Космосе, о взаимосвязи вещей во Вселенной). У бубна есть свои точки, и как человек играет, по пению бубна можно определить, какое у этого человека настроение. Раньше такое гадание было распространено среди эвенов. Если играющий бьёт по центру, звук один, если он ударяет где-то снизу – бубен совершенно иначе звучит. Бубен – это своего рода Вселенная: как ты бьёшь по нему, с каким настроением, от этого будет зависеть голос инструмента, его музыка. Положительная или отрицательная энергия будет распространяться вокруг, это влияет на окружающих, лечит их или наоборот – угнетает.

Сотворение Земли

В мифах и сказаниях коряков и ительменов есть Творец Земли – Кутх, Куйкинйак – Ворон. У эвенов нет творца

Земли. Я начала задумываться: а у эвенов есть Творец земли? Стало даже завидно. Однажды попалась книга, в которой я прочитала, что эвены Орла не убивают. Почему? Эта мысль не давала мне покоя.

Может быть, Орел и есть Творец земли у эвенов? По-эвенски орёл – Эвки. Попалась мне однажды такая легенда: везде была вода, суши не было вовсе, и Бог-Эвки позвал Орла Гүшэтэ. Бог-Эвки говорит: «Слтай туда-то и принеси землю. Орёл летал-летал и всё приносил землю в клюве. Так появилась Земля».

Я начала искать фольклорные источники. Как всегда, спросила у мамы. Она знает многие приметы, народные сказания, легенды, и мама ответила: «Действительно, есть такая легенда про Орла». В тот день я с сожалением подумала, как много из эвенского национального фольклора, обычаев и обрядов ушло на века вместе со стариками. Молодёжь всегда думает: «Будет время, успеем записать».

Однажды я поехала в Петропавловск по делам, а из дома пришло печальное известие: ушла из жизни уважаемая в селе старожилка – тётя Домна. Я с горечью поняла, что ничего нельзя откладывать на завтра. Тётя Домна не раз говорила: «Лиля, зайди, я хочу тебе сказки рассказать, песни напеть на эвенском языке, я знаю, что тебе это пригодится».

Тётя Домна – Солодякова Домна Григорьевна – была нашей воспитательницей. Мы росли и взрослели у неё на глазах. Родители в табуне работали, потом мама вышла замуж, стала с отчимом жить, и они тоже в табун уехали.

Помню, как здоровалась тётя Домна: первой протягивала руку, будь то женщина или мужчина. У эвенов такой обычай принят и среди женщин. Когда мы здоровались с тётей Домной, она пожмёт мою руку и сверху положит свою. Руки её мягкие, тёплые. Мы разговариваем на улице или воз-

ле крыльца, и она долго держит мою руку.

Позже я узнала, что у эвенов есть и такой обычай: пожать руку и сверху положить вторую. Я в это время должна положить свою руку снизу. Так наши руки как будто переплетаются, значит, ничего плохого друг другу не желаем, у нас в руках ничего нет, мы из-за пазухи не вытащим вторую руку, чтобы причинить друг другу зло, у нас нет ни камня, ни ножа.

...Когда я узнала, что тётя Домна ушла от нас, быстро свернула свои дела в городе и первым же рейсовым автобусом уехала домой. На похороны попала. Стояла у её гроба и думала: «Не успела. Ведь она сама хотела мне рассказать». Наших аборигенов редко раскрутишь на то, чтобы они всё тебе рассказывали. Даже своим не всем душу раскрывают. Мне была оказана такая честь – всё записать, и я ею не воспользовалась.

Мама теперь внукам рассказывает о детстве, юности, чтобы знали и передали потом своим детям. Кое-что очень важное она рассказала и мне. Например, о приметах из древности, связанных с тундровыми воронами. Вот самая страшная, как я думаю, примета: если тундровый ворон пролетает и кричит: «Карх-карх» или если в Анавгае услышишь такое карканье, это не к добру. Страшно становится. Значит, что-то случилось.

Стойбище «Мэнэдэк»

Аппапель в переводе с корякского – священное место. Сейчас я знаю, где у нас на Камчатке есть Аппапели.

Раньше думала, такие места только в окрестностях Анавгая. Врезался в память один разговор из детства, хотя не помню ни лиц, ни между кем и кем шёл разговор. Кто-то из моих братьев принёс со священного места колечко и рассказал, что ещё видел там сломанную стрелу. Коряки, видимо, проходили здесь и оставили эти предметы. Мама

тогда брату на эвенском сказала: отнеси это колечко, нельзя ничего брать со священных мест.

В 70-е годы геологи взорвали в наших краях Аппапель – Каменную Бабу. Теперь она влияет на нашу жизнь здесь, невзгоды нас преследуют. Брат мой Николай в том месте был и рассказывал, что видел отломанный кусок от Каменной Бабы. В тех местах находится исток реки Анавгай, которая возле нашего стойбища «Мэнэдэк» протекает.

Не так давно начали вести разговор о том, что там про-

ложат дорогу, что появятся рабочие места, там будет база отдыха, рабочие смогут ездить купаться в горячих источниках. Земляки недоверчиво к этому относятся. Много ли наших ездят купаться на источники?

Предположим, построят там дорогу, нароют золота, проведут работы, уедут. А дорога – 60 км отсюда – останется никому не нужной. Этой территорией наши охотники уже и так не могут пользоваться. Это – охотозащитный, и принадлежит он заявителю, который арендовал его на 49 лет. Он скажет

нам: что вам здесь надо? Это – моя территория, я заплатил за аренду, плачу каждый год налоги. Пустит ли он вообще нас туда?

Если начнутся разработки, горячие источники в этих местах могут уйти куда-нибудь. Были у нас в Анавгае горячие источники. В 1972 году термальную воду здесь открыли, начали выкачивать, источники ушли под землю. С другой стороны, не нашли бы их и не начали бы выкачивать, у нас не было бы горячей воды и круглогодичного отопления.

На любые новые разработки и новое строительство проводится экологическая экспертиза. Но у нас в России я этому не верю. К примеру, построили в Быстринском районе миниГЭС. С одной стороны, хорошо – есть свой постоянный источник энергии, но с другой – вред она нанесла непоправимый. В наших местах протекает нерестовая река Быстрая. Но мы теперь не ходим на рыбалку каждую весну. Рыба до нас не доходит!

У нас ни в чём нет золотой середины. Берём одно, теряем другое, хотим пользоваться благами цивилизации, а сохранить природу вокруг себя не всегда умеем.

Шесть лет назад у нас возникла идея создать свой этнографический уголок – национальное эвенское стойбище «Мэнэдэк».

4 сентября 2004 года в двух километрах от села Анавгай, на поляне, специально расчищенной для этого, мы планировали открытие нашего стойбища. Пригласили очень много гостей, и 3 сентября все уже были в сборе. Неожиданно пошёл сильнейший дождь, просто ливень. Идёт и не прекращается. Все спрашивают: «Лиля, как же праздник?!».

«Всё будет нормально, не переживайте», – ответила я. Сама переживаю. Пошла за советом к маме. «Мама, что мне делать?». Она говорит: «Пускай женщины сходят в туалет и повернутся к восходу

солнца». Прихожу на стойбище. Дождь хлещет. Неприятно. В юрте костёр горит, через дымовое отверстие на него дождь сверху льёт как из ведра. Крутом дым. Сидеть невозможно. Я подошла к одному пожилому мужчине. По национальности он – коряк. В прошлом был оленеводом. «Дядя Яша, какая есть примета у коряков, чтобы остановить дождь? Уже люди съезжаются, праздник не отменишь». Дядя Яша отвечает: «Надо набрать пепла из костра, потом найти некрещёного ребёнка. Он должен обойти вокруг юрты, разбрасывая пепел направо и налево, и пусть повторяет: «Чтобы не было дождя...»

Мальчика нашли. Им оказался сын моей двоюродной сестры. По годам он был ещё маленьким, а ростом вышел с богатыря. Его надо было раздеть донага и обвести вокруг юрты. Так и сделали. Я шла вместе с мальчиком. Он, бедняга, дрожит. Зуб на зуб не попадает. Холодно. Парнишку, конечно, жалко, но обряд прошёл, как положено. Когда зашли в юрту, его сразу быстро обтёрли, одели, ближе к очагу посадили, налили горячий чай.

Но дело до конца-то ещё не сделали. Теперь очередь за женщинами. «Давайте, землячки, идите в туалет в кусты, а потом разворачиваемся задом на восход солнца». Эту процедуру пришлось повторить несколько раз за вечер.

Уже вечереет, а дождь не хочет утихнуть. Ложимся в юрте спать. Я с детства любила слушать, как дождь по палатке хлещет. Начала вспоминать: мы с младшим сынишкой Дениской всегда накануне дождя спешили схватить спальники из дома и... на стойбище, в юрту. Лежу сейчас в юрте в спальнике и думаю: «Господи-Эвки, ты же есть на свете, сделай так, чтобы была хорошая погода». А дождь всё стучит, мощный такой! Под его шумный говор я сладко заснула. Проснулась на рассвете. Тихо. Птички поют. «Неужели дож-

дя нет?» Выглянула из юрты: светает, солнце вот-вот из-за сопки появится, дождя как не бывало. Первый луч солнца озарил небо, отражение его упало на землю: лиственница, берёза – всё в росинках и всё блестит как новогодняя ёлка.

Я еле сдержала свои эмоции: «Рота, подъём, птички поют!»

В 12.00 запланировано начало праздника. Люди начали потихоньку выбираться из юрты. По траве ступают, на ней роса – жирная. Тут же всё посбивали, но полюбоваться успели: «Надо же, вчера такой ливень был, а сегодня – чудо!» Народу много, фотографируются. Всё закрутилось. На костре в чанах варится оленьё мясо: его специально достали на праздник (в другие дни оленьёго мяса у нас днём с огнём не найдёшь). Пока мясо варится, чай уже вскипел. Люди пьют чай и обсуждают, как дождь сменился такой чудной погодой. Я радуюсь: «Исполнилась примета. Не зря мы всё это проделали».

Никакой праздник в селе не обходится без концерта. Мы их часто проводим на природе. Был однажды случай, когда всё вокруг говорило: концерту не даст начаться пурга. Небо затянуло пасмурные тучи. Сельчане спрашивают: «Лиля, как быть?» Я в ответ: «Да всё нормально будет. Погода наладится, солнце вы-

глянет, и концерт состоится». Так и случилось.

Однажды проводили праздник в детском садике. Отчётный концерт. Опять небо хмурилось, но непогода отступила на время: только закончился праздник, с неба начали падать жирные капли дождя, молнии засверкали.

Сама себе режиссёр

С детства мама шила мне и младшей сестре Надежде платья. В 12 лет я начала шить сама. Шила себе и сестре фартуки, когда мы, как и все дети оленеводов, учились в интернате. Главная идея была – не быть похожей на всех!

Наша мама – мастерица на все руки. Кое-что мне от неё досталось. Когда в совхозе «Анавгайский» начали разводить тепличное хозяйство, впервые появилась плёнка: ею покрывали теплицы. Мама насобираала обрезков и на машинке настрочила нам плащики. Такие чудные получились! Думаем: «Скорее бы дождь начался!» Через неделю заморосило. Мы надели свои плащики, а они сшиты по всем правилам: кармашки, поясочки. Надо было под эти плащи ещё красивые платья подобрать: ведь насквозь просвечивают! Мы бегали под дождём, воображая перед подружками. Вот было счастье!

Шить мне всегда нравилось. Я набирала отовсюду журналы моды, комбинировала,

фантазировала, моделировала и уже дома шила себе платья на маминой машинке.

Наверно, желание быть особенной, не как все, возникло не спонтанно. Я родилась в далёком северном селе, в семье оленеводов, выросла, можно сказать, в кочевье. Потом нас забрали в интернат. Когда вместе с последним танцем на выпускном вечере закрылись двери школы-интерната, перед нами встал вопрос «Что делать дальше?»

Учительница сказала: «Поступай, Лиля, в Биробиджанское училище на учителя черчения и рисования».

«Какой из меня учитель», – подумала я тогда. У меня всегда была заниженная самооценка. Лучшая подруга предложила: «Поехали лучше в швейное училище поступать, будем швеями». Документы отправили, потом сами поехали. Тогда ещё я не знала, кем хочу быть.

В течение жизни много профессий нафантазировала. Мысленно «примеряла» к себе разные, но однажды поняла, что больше всего хочу быть артисткой. В детстве мама говорила: «Приберёшься дома, сварить обед, а я приду домой в час и посмотрю». Так не хотелось мне заниматься хозяйством: надо было в трёх комнатах убираться, на кухне, крыльцо помыть. Так не хотелось, но надо. Я – старшая из девочек в семье.

Вот тогда я начала представлять себя артисткой, будто меня снимают в кино. Тут швабра пускалась в пляс в руках под ритм песни, которую я напевала. Я и двигалась не как уборщица, а как танцовщица. Нож в руках оживал, когда я разделявала рыбу или чистила картошку. Я представляла себя на сцене: вокруг софиты, разноцветные подсветки... зрительный зал. Могла ли я тогда подумать, что это случится в жизни на самом деле, что буду выступать на больших сценах: сначала в своём родном Анавгае, в Петропавловске-Камчатском. А потом в Москве, в Италии, в Канаде, в Японии, на Аляске...

Но тогда моей сценой была домашняя кухня. Откуда я вообще знала про сцену? Наверно, видела в кино. Я была не только артисткой на домашней сцене, а ещё старалась режиссировать свой спектакль. До сих пор двоюродные сёстры, племянницы, подруги вспоминают, как я их усаживала в ряд и почти силой заставляла смотреть представление. Но я всегда готовилась к этим домашним спектаклям: учила стихи, шила костюмы. Дома в дверном проёме в мамину комнату висели шторы, которые у меня превращались в занавес, и я красивым жестом закрывала и открывала его. У нас были даже билеты на представление, которые выдавал «кассир».

«Зрители» сидят на кроватях (диванов в то время ещё не было) и ждут. Я объявляю: «Хлопайте перед концертом». Они хлопают, но артистка почему-то не появляется. Хлопают ещё раз, громче. Как сёстры мне подчинялись, ведь все старше меня были! Но подчинялись ведь.

Вот я на сцене. Пою, стихи читаю, танцую, исполняю мелодии собственного сочинения. Реквизит оживает: чемоданы, одеяла, полотенца. Кажется, всё домашнее имущество заговорило и задвигалось. Мне было, кого копировать. Иногда до Анавгая добирались столичные артисты, например, Махмуд Эсамбаев.

Со временем спектакли становились всё сложнее. Я нашла других «актёров» и начала ставить на домашней сцене «Незнайку».

Мне 17 лет. Мысли будоражат сознание: как перевернуть этот мир, как сделать жизнь в Анавгае интереснее? Однажды в руки попала газета «Камчатская правда». В ней – объявление: «Камчатское музыкальное училище объявляет дополнительный набор на отделение культпросветработы по специальности «режиссёр клубных мероприятий».

Режиссёр! Это слово было для меня магическим. Сколько раз смотрела фильмы (я обожала кино), и всегда в титрах читала: режиссёр, помощник режиссёра. Слова эти завораживали. Представляла в титрах своё имя.

Всё! Профессия найдена: я буду режиссёром. Быстро собрала документы и умчалась...

Вот он, город, вновь я здесь! От аэропорта надо ехать на автобусе. В него я вошла, а обратно выйти не знаю как – впервые в жизни еду. Вспомнила героиню фильма Фросю Бурлакову, как она приехала в Москву в артистки поступать. Водитель объявляет нужную остановку. Услышав знакомое слово, я как рвану вперед вместе со своим огромным чемоданом: «Отойдите, мне надо выходить, это моя останов-

ка!» Хорошо, на Камчатке люди спокойные. Какая-то женщина почти по-матерински сказала: «К выходу надо заранее готовиться». Но было поздно. Одну остановку пришлось проехать. Так я добиралась со своим чемоданом до училища, на меня все смотрели как на дикарку: будто из тундры сбежала.

Первый вступительный экзамен. Фильм «Карнавал» с Ириной Муравьевой в главной роли – мой любимый. Там происходило почти всё то же самое, как и в Камчатском музыкальном училище. Абитуриенты готовятся к экзамену по специальности. На лестничной площадке одна девушка танцует, другая села на шпагат, на ступенях один парень декламирует стихи, другой на гитаре что-то бренчит. Все такие талантливые! «А я-то куда лезу?» – безнадёжно думаю я.

Абитуриентов запускают по четыре человека в аудиторию и каждому дают задание. В дверях появляется завуч, присаживается рядом с другими педагогами. И вдруг он так выразительно посмотрел на меня, что у меня дрожь по коже пробежала. Я вся напряжена, успеваю заметить, что завуч наклонился к педагогу и что-то ей шепчет, не отрывая взгляда от меня. «Точно, говорит, что надо выгнать меня отсюда. Здесь же одни русские, одна я как иностранка со своими эвенскими раскосыми глазами». А преподаватель, наверно, говорил, что Камчатке нужны свои национальные кадры. Даже если я бестолковая, всё равно надо меня зачислить!

Я читала стихотворение «Баллада о седых», нашла его в книге «Пять тысяч любимых строк», которую мне подарили на день рождения: «Говорят, нынче в моде седые волосы...» – казалось, я так выразительно читаю, ведь через свою душу эти стихи пропустила в прямом смысле слова: сама с пятого класса мечтала быть седой, думала: как это красиво, солидно.

Потом прочла басню «Заяц во хмелю», размахивая во все стороны руками. У меня такое дикое желание поступить, неужели приёмная комиссия этого не заметила?! Сочинение и историю даже не помню, как сдала.

Меня зачислили. Начались занятия. Но свободолобивый характер не давал покоя. Меня снова потянуло домой.

Сбежала. На этот раз был другой повод: хотелось похвалиться, показать родственникам и подругам свой студенческий билет, зачётную книжку: святое дело...

В Анавгае застряла на месяц... Когда вернулась, меня чуть не отчислили, но дали шанс.

На занятиях по актёрскому мастерству упражнение на артикуляцию: надо изобразить Аллу Пугачёву: «Занимаюсь на трубе, синхрофазотроне...» В то время в Анавгае телевидения ещё не было. Только раз в аэропорту увидела я по телевизору певицу, она пела: «Лето, ах лето...» – в длинном белом платье и шнур вертела в руках.

Все 24 студента начали изображать Аллу Пугачёву. Подошла преподавательница и ухмыляется: смогу ли? Студенты уже привыкли друг к другу за месяц, не стесняются. На меня устремились 23 пары глаз: вот наша пропавшая пришла, ну-ка, что она нам покажет. Я шла как на виселицу. Иду и думаю: «Я должна сделать, должна, иначе меня выгонят. Как я вернусь в Анавгай? Мне будет стыдно, все станут ухмыляться. Мол, уехала учиться и не долго там пробывала. Я должна приехать через два года с дипломом специалиста, меня в клуб возьмут работать».

Я вышла на сцену точно так же, как Алла Пугачёва. Слов не знаю, но двигаюсь, как она. Как давай невидимый шнур «крутить». Мне даже захлопали. В первый день занятий я получила пятёрку. У меня был ещё месяц, чтобы догнать сокурсников. Я переписывала огромные лекции, вникала, поднимала руку, старалась

изо всех сил, чтобы меня заметили.

Я начала проявлять всю свою активность: лезла во все этюды, сочиняла, придумывала. Не заметила, как заболела звёздной болезнью. Уже через год, на втором курсе, начала капризничать: мол, я такая артистка талантливая... Меня быстро на место поставили: что это ты тут? Нашлась звезда. Я призадумалась. Хорошо, что «переболела» ещё тогда.

Недавно у меня кто-то спросил: ты бы повторила свою жизнь от начала до конца, что-нибудь бы изменила? Я подумала и ответила: Во-первых, глупо задавать такой вопрос: жизнь не повернёшь вспять. Я могу сказать, что сожалею о каких-то вещах, что делала ошибки по молодости.

После училища я вернулась домой. У меня ведь были младшие братья и сёстры. Надо помогать семье.

Меня зачислили художественным руководителем Дома культуры, а вскоре – директором. У меня даже в мыслях не было карьеру делать. Надо, так надо. Советское время было, подход другой! Было строго с дисциплиной. Каждый понедельник – планёрки в сельсовете. Была взаимопомощь между предприятиями. Мне надо в клубе окно застеклить, – иду в совхоз на склад, там мне стекло выдадут. Попросишь кого-нибудь, он тебе быстро всё сделает. По понедельникам надо было отчитываться: что твой коллектив сделал за неделю. В моих отчётах были, например, такие пункты: сколько фильмов киномеханик показал, какие: советские, зарубежные, патристические, индийские...

Сейчас этого нет. Каждый руководитель предприятия или учреждения бьётся за свой коллектив сам, как может.

Люди-великаны

Однажды летом 1972 года в Анавгай приехали ительменский писатель, поэт, музыкант, композитор Георгий Германович Поротов и пре-

подаватель Ленинградского пединститута имени А.И. Герцена Татьяна Петровна Петрова-Бытова. Они остановились в интернате, а наш дом находился рядом. Поротов часто ездил по табунам, он знал хорошо моего отца и маму. Я его тогда дядей Гошей называла. В тот раз он приехал с дочкой Галкой. Мы – ровесницы, нам – одиннадцать лет. Поротов пришёл к нам, попросил яйца сварить и чайник поставить: плитки то у них в интернате не было. Моего отца тоже дядей Гошей называли. Они с Поротовым сядут, выпьют, очками поменяются. Нам с Галкой смешно на них смотреть. Я хорошо помню: шла домой, и дождь проливной начался. Я немного замёрзла. Подхожу к дому. На улице никого нет, и такие красивые звуки из форточки льются. Шаг убавила, прислушалась: форточка открыта: Георгий Германович на баяне играет. Красивая мелодия...

Мне Поротов казался огромным человеком: такой грохочущий, почти Маяковский, но тот грубее, а дядя Гоша – добрый, у него щёки чуть надутые, и он так необычно разговаривает...

Петрова-Бытова не была похожа ни на кого из наших. Питерская интеллигенция в самом хорошем смысле этого слова. Мы удивлялись, как она наряды меняла каждый день. В возрасте уже была, но у неё всегда причёсочка, одета необычно для нас: в юбке, с сумочкой. Как инопланетянка. Мы с Галкой тайно следили за ней и хихикали. Знали бы тогда, что эта женщина оставит очень яркий свет в нашей жизни. Георгий Германович дал нам задачу: мол, таскайте, девочки, её по окрестностям, за ягодкой, за грибами. Мы всё облазили вокруг села. В то время здесь начали термальные источники откапывать. Она заставляла нас пить минеральную воду и всегда очень много нам рассказывала. Тогда для меня Ленинград казался каким-то сказочно-

нереальным, фантастическим городом.

Впервые я приехала в Ленинград, минуя Москву, в 1984 году – через двенадцать лет после встречи с этой удивительной женщиной. Я тогда загадала: первый свой отпуск проведу в Ленинграде. Я помнила все её рассказы: про Казанский, Исаакиевский соборы, про мосты над Невой, про Музей этнографии. С тех пор Петербург люблю больше, чем Москву, как первый в моей жизни большой город. Всегда, если есть возможность, я стараюсь туда поехать.

Поротов и Петрова-Бытова в тот раз не с праздной целью приехали в Анавай. Они собрали женщин, мужчин, среди них и мама моя, и девочки-старшеклассницы были. Взрослые днём работали – кто на поле, кто в садике, кто в школе. Каждый вечер в старом клубе они собирались и репетировали. Татьяна Петровна показывала им движения и училась у них. Она ходила по домам, изучала и записывала танцы, мелодии.

Мы с Галкой сидели в зале развалившись, в руках – по баночке с ягодой. Время от времени раздавался голос Татьяны Петровны: «Так, встать, продолжаем...» И по новой, одно и то же. Мы посмотрим-посмотрим и уходим. Каждый день одно и то же: «Стоп! Сначала! Вот здесь вы сделали не так, здесь надо вот так... здесь у тебя, Любаша, так, а у тебя, Зиночка, так...»

Тогда я думала: что за работа такая дурацкая, охота ей этим заниматься? Неужели нравится?

Сейчас я провожу такие же репетиции, так же по сто раз повторяю одно и то же, так же делаю замечания или хвалю. Теперь это моя работа, потому что я художественный руководитель эвенского национального ансамбля «Нургэнэ».

В этой жизни ничего не делается просто так. Фактически Петрова-Бытова и Поротов создали наш коллектив.

Они сумели собрать женщин вместе и вывести их на сцену. «Нургэнэ» вырос из танцевального фольклорного ансамбля. Я всегда говорю об этих удивительных людях с уважением и благодарностью. Тогда же у наших первых артистов началось шествие по Камчатке: В Петропавловск поехали на фестиваль, выиграли, затем часть их вернулась домой, другая полетела в Хабаровск. Я тогда думала: какой-то Хабаровск... ещё даже не знала этого города.

Они поехали в Хабаровск вместе с ансамблем корякского танца «Мэнго» (сегодня – государственный академический). В то время «Мэнго» был для нас недостижимым, почти поднебесным. Ансамбль выступал на «Голубом огоньке» в Москве, артистов показывали по телевидению. У нас не было телевидения в то время: мы смотрели их фотографии: Екатерина Гиль, Татьяна Романова, Иосиф Жуков – сегодня это заслуженные и народные артисты России. Мы читали в интернате на доске объявлений вырезки из газет: где они гастролировали, куда поехали, откуда вернулись. Мы гордились ими, гордились тем, что наша Камчатка в лице «Мэнго» гастролирует по миру. Сейчас это для ребят из «Нургэнэ» воспринималось бы как, например, группа «Тодес» под руководством Аллы Духовой.

В 1982 году накануне Дня оленевода к нам вновь, десять лет спустя, приехал Георгий Поротов. Мы с ним репетировали, он играл на балалайке. Его приезд стал как благословение на дальнейший творческий путь. При нём надо было волей-неволей возвращаться к своим истокам.

В 1985 году в Петропавловске проходил первый фестиваль «Золотые родники». На нём появился Борис Жирков с ительменским ансамблем «Эльвель». Борис при всех его заслугах художественного руководителя всегда прост в общении, никогда не манерничает и не степенничает. Я уви-

дела, какая у ительменов сильная танцевальная школа. У Бориса за плечами огромный опыт: он – один из первых артистов ансамбля «Мэнго». У «Эльвеля» начался подъём: поездки во Вьетнам, Германию, в Москву, ансамбль стал визитной карточкой журнала «Северные просторы». Они танцевали, а я смотрела на них, восхищалась. Потом смотрела на женщин в нашем ансамбле: они могли вечером выпить, а наутро я их расталкивала. Однажды подумала: «Чем я хуже Бориса Жиркова, ну и что, что он в «Мэнго» работал. Чем мои артисты хуже его артистов! Возможно, это были амбиции, но думаю, очень здоровые: они толкали на творческий прорыв, на новые постановки. Мы не хуже и тоже сможем встать на их ступень. Задавшись этой целью, я просила Бориса: «Возьми меня в свой коллектив, хочу пройти твою школу». А он в ответ: «Нет, поезжай к себе в Анавгай».

Теперь он всегда напоминает мне: «Хорошо, что я тебя тогда не взял». Он даже гордится этим, ведь мы не утратили своё лицо. «Нургэнэк» – эвенский национальный коллектив. В 2002 и 2004 годах на «Золотых родниках» нам вручили Диплом первой степени. Я тогда подошла к Жиркову: «Ну как ты?» Он в ответ: «Ты меня обошла на полтора шага, вырвалась вперёд, я слишком возомнил, что единственный, неповторимый, что «Эльвель» – лучший. Я расслабился. Оказывается, надо работать всё время». А я ответила Борису: «Спасибо тебе, мне мнение других даже менее важно, чем твоё».

Возможно, я утешила своё самолюбие столетней давности, ведь я когда-то себе сказала: а чем мы хуже?

Мы родом из России

За последние сто лет мы многое приобрели и многое потеряли. Мы утратили названия наших эвенских родов, потеряли строку в паспорте о своей национальной принадлежности, кто-то не по своей воле лишился малой родины.

Но хотя бы сейчас родители должны заложить в детях, что если они живут на земле предков – это их малая родина, если живут в России – это их большая родина.

Живут же китайцы в Америке, а привезли их туда как де-

шёвую рабочую силу во время «золотой лихорадки». Они там обосновались, американизировались и считают эти места своей родиной.

Я в Америке с одним индейцем познакомилась. Начали мы рассуждать о национальном самосознании, он говорит: «Лиля, представь себе, что ты берёшь в руки яблоко. Сверху оно красное, разрежешь, а оно внутри – белое. Индейцы сейчас такие же по обличью: внешне – краснокожие, а внутри у них уже душа белого человека. Они не так думают, как предки, не так размышляют, не так сопоставляют».

Сейчас все народы идут к глобализму, теряя свои национальные культуры. Иногда к нам приезжают гости из Петропавловска, из Москвы, русскоязычные. Мы собираемся на посиделки. Чай попьем, а потом: «Ну давайте споём». «Что споём?» – улыбаются они. – «Ой, мороз, мороз».

Первый куплет знают, потом спотыкаются. Мы сидим – узкоглазые – и поём. Потом мы в ответ: «Давайте Норгали (национальный танец народов Камчатки) станцуем». Показываем им движения, они танцуют. «Теперь давайте русский перепляс». А они не могут, не знают. Я понимаю: это – горожане. Они оторваны от природы; в русских деревнях, наверняка, и поют, и танцуют, и слова песен старинных знают. Надо сёла, деревни поддерживать, потому что это и есть настоящая Русь – душа России.

**Записала
Наталья БОГАЧЁВА**

с. АНАВГАЙ,
Камчатский край

Вячеслав
ОГРЫЗКО

ПОСЖУПЫЛАСЬ

ЖИЗНЬ НА ЗЛАТО

Родина Октябрины Вороновой – становище Чальмны-Варрэ, в переводе с саамского означающее «глаза леса». В прошлом это было одно из самых красивейших мест Лапландии со своей уникальной историей. Там до сих пор можно встретить лежащие со времён неолита гранитные плиты с необычными петроглифами, которые насчитывают четыре тысячи лет. Уже в зрелом возрасте, вспоминая родные края, Воронова написала о Чальмны-Варрэ такие проникновенные строки:

*Горкой сложены здесь камни,
То – такая старина!
На камнях резьба видна мне,
Чаще – ёлка иль сосна.
Здесь когда-то наши предки
Коротали зимний час.
И оставили нам метки:
Продолжайте, мол, рассказ!*

(Перевод Леонарда Кондрашенко)

Однако в конце пятидесятых годов минувшего века история древнего саамского села на Поной-реке прервалась. Нашлись горе-начальники, которые решили Чальмны-Варрэ ликвидировать как селение неперспективное. Десятки саамских семей вынуждены были разъехаться по всему Кольскому полуострову.

Здесь хоть несколько слов надо сказать о родословной саамской поэтессы. Её мама – Клавдия Матрёхина – принадлежала к древнейшей фамилии саамских охотников, которые помимо всего прочего на Кольском полуострове славились также великолепным знанием саамского фольклора. Достаточно обратиться к одному из самых фундаментальных сборников «Саамские сказки», составленному в 1962 году Владимиром Чарнолуским. В обширных комментариях к этому изданию составитель поместил справки сразу о трёх сказителях Матрёхиных. Вот что он сообщал, в частности, об Илье Семёновиче Матрёхине (1856–1938): «Хорошо знал

свой край (Иоканга), умел предсказывать погоду, лечить. Знаменитый охотник на дикого оленя». Всего Чарнолуский привёл в своём сборнике записи от одиннадцати сказителей, и почти все они – близкие родственники Матрёхиных. Тут ещё

можно вспомнить сказительницу Марию Ивановну Матрёхину, которая в 1960 году была информантом у крупнейшего исследователя финно-угорских языков Георгия Керта. Кстати, все записи Ма-

Октябрина Воронова

рии Матрёхиной учёному расшифровала и перевела Тамара Матрёхина, а выверила эти материалы её родная сестра и будущая поэтесса – Октябрина. Это, если в двух словах, о роде Матрёхиных.

Про отца саамской поэтессы – Владимира Распутина – известно, что он вышел из семьи ловозерских православных священников. Дед Октябрины по отцовской линии был последним в Ловозере настоятелем Богоявленской церкви, но в 1932 году он угодил под каток репрессий и впоследствии был расстрелян. Владимир побоялся продолжить миссионерскую деятельность и довольно-таки рано подался в пастухи, записавшись в Мурманский оленеводческий совхоз. Однако чекисты и там достали парня. Аресовали Владимира Распутина 11 марта 1933 года. Но он сумел легко отделаться: ему дали всего два года, причём условно. Чтобы запутать чекистов, Владимир Распутин сразу после женитьбы предпочёл взять фамилию жены и стал Матрёхиным.

Позже у Матрёхиных родились три дочери. Октябрина была старшей. Точная дата её появления на свет 6 октября 1934 года.

Ещё в детстве мать внушала дочери, что саамы издавна отличались уникальной культурой. Стремление к письменности у северян всегда было в крови. Так, до создания азбуки они активно пользовались петроглифами. Отбитая в камнях многовековая история храброго оленеводческого народа впоследствии подсказала Октябрина в стихотворении «Рисунки на камне» воссоздать историю саамской речи. Она рассказывала:

*Серый и тяжёлый, словно туча,
Камень наклонился над рекой.
Хмурясь у волны её певучей,
Он хранил безмолвье и покой.
В грусти, что накоплена веками,
Думу передумав не одну,
Серый камень,
Мхом заросший камень
Всё глядел в речную глубину.*

*А река звенела и журчала,
Впитывая талые снега,
И тепло и радость излучала
На леса,
болота
и луга.*

*Светлая, как ясный день весною,
Не чинила никому обид.
И однажды трепетной волною
Камень был обласкан и обмыт.*

*И как будто ожил он, вздыхая,
Отходя от векового сна.
И, на лбу широком проступая,
Древние открылись письмена:
Человек преследовал оленя.
А олень летел, что было сил.*

*И шаман усталый
на коленях
Прямо к солнцу бубен возносил...*

*Давней жизни строгие творенья
Сохранили в камне времена.
И река притихла на мгновенье,
Этим волшебством поражена.
И застыли на граните сосны.
И с высот бездонно голубых
Загляделось
нынешнее солнце
На рисунки пращуров моих.*
(Перевод Владимира Смирнова)

В 1951 году чиновники Мурманского областного отдела народного образования выдали Октябрина Матрёхиной направление в Ленинград на двухлетние подготовительные курсы в пединститут имени А.И. Герцена. Там после бесед у профессора Михаила Воскобойникова у саамской студентки появилось страстное желание зафиксировать сказания родного народа. Старый северовед, занимавшийся в основном эвенкийским фольклором, познакомил её с исследователем из Петрозаводска Георгием Кертом, который в 1955 году записал Октябрину в свою саамскую экспедицию, и она потом всё лето записывала от не пожелавших покидать Чальмны-Варрэ стариков волшебные сказы (часть из них в 1980 году включила в сборник «Саамские сказки» Евгения Пация).

После окончания в 1958 году Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена Октябрина Матрёхина нашла приют в селе Ловозеро Мурманской области. Её взяли в школу преподавателем русского языка. Конечно, она хотела вести и занятия по родному языку (хотя бы устный курс), но органы народного образования ей это категорически запретили. Кто-то наверху решил, будто саамский язык свою историческую миссию давно уже выполнил и изжил себя и всё саамское население Кольского полуострова обязано общаться исключительно на русском языке. Кстати, подобная политика проводилась также в Норвегии, где численность саамов составляла почти 40 тысяч человек (в 20 раз больше, чем в Советском Союзе). Власти соседней страны вплоть до 1965 года всё делали для того, чтобы местных саамов «онорвежить».

Однако полностью выкорчевать саамское слово из жизни северян не удалось ни одному государству северо-западной Европы. Первые попытки создания саамской письменности были предприняты в Швеции ещё в начале семнадцатого века.

В России очень долго бытовало мнение, будто кольские саамы, или, как их тогда называли, лопари, свой фольклор утратили чуть ли не в далёкой древности. Первым эту точку зрения в нашей литературе попробовал опро-

вергнуть писатель и путешественник Василий Иванович Немирович-Данченко. В книге «Страна холода» он, вспоминая свою поездку на Мурман в 1873 году, признал: «Одна из причин, почему меня особенно интересовала мурманская лопь, было усвоенное нашими учёными мнение, что у лопарей нет преданий, нет народной поэзии». Кстати, против таких оценок не возражали и сами лопари. «Когда я сам поехал в Кильдинский погост, – писал Немирович-Данченко, – лопари заявляли положительно, что песен своих нет у них, а сказки забыли и припомнить не могут». Но олениводы, как выяснил путешественник, лукавили. Всё они прекрасно помнили. А не рассказывали старые предания первым встречным потому, что, видимо, или стеснялись древних обычаев, или боялись чужаков. Немирович-Данченко потом записал в разных погостах множество сказок и песен лопарей, вкрапив их тексты в несколько собственных книг. Но он, к сожалению, нигде не указал имён своих информантов.

Более честно по отношению к олениводам поступил православный священник Константин Прокопьевич Щеколдин, который в последней четверти девятнадцатого столетия служил среди нотозерских лопарей.

Об этом миссионере известно до обидного очень мало. Он родился в 1845 году, в 1867 году окончил Архангельскую духовную семинарию, через год был рукоположен в священники в Сретенской церкви Печенгского прихода и ещё через шесть лет стал настоятелем церкви Бориса и Глеба на левом берегу реки Паз.

Когда Щеколдин узнал, что ему надо в том числе окормлять и саамов, он взялся за изучение лопарского языка. Его первыми учителями стали Федотовы из Пазрецкого погоста. Кроме того, большую помощь ему оказали носители нотозерского говора С. Герасимов и В. Летов. Они продиктовали ему первые лопарские предания.

Очень многое Щеколдину дала встреча с молодым этнографом Николаем Харузиным. Этот учёный, по его рассказу, «летом 1887 года был командирован Императорским Обществом Любителей естествознания, антропологии и этнографии в Олонецкую губернию в Кольский уезд губернии Архангельской». «Посвятив первую половину лета изучению юридического быта населения Пудожского уезда Олонецкой губ., – писал Харузин, – я вторую половину пробыл в Кольском уезде, знакомясь с этнографическими чертами быта русских лопарей <...> Ввиду того, что неоднократно смешивали воедино русских лопарей со скандинавскими, я счёл долгом в изложении указывать на точки сходства и различия между обеими группами лопарей». На Коле Харузин впервые познакомился с Щеколдиным, который показал ему свои записи по фольклору лопарей. Позже эти материалы учёный положил в основу раздела «Народное творче-

ство у лопарей» и включил в свою монографию «Русские лопари», опубликованную в 1890 году.

Харузин словно открыл Щеколдину второе дыхание. Он убедил миссионера в необходимости продолжения собирательской и просветительской работы среди олениводов. Уже 8 февраля 1888 года священник открыл для детей Пазрецкого лопарского погоста первую церковно-приходскую школу. Затем через два года в журнале «Живая старина» напечатали его лопарские сказки. Но главное – в 1895 году он издал на нотозерском диалекте первую азбуку для детей кольских саамов. Правда, широкого распространения этот учебник так и не получил. Умер просветитель саамов в 1916 году.

После Щеколдина сказки у кольских саамов записывали также писатель Михаил Пришвин и будущий исследователь Арктики В. Визе. Известно, что Пришвин работал в основном с семьёй Летовых на Белой Губе, с которой до этого в конце девятнадцатого столетия тесно общался Щеколдин. А Визе большинство своих записей сделал в 1912 году уже среди имандрских и пулозерских лопарей. Его главными информантами были Василий Бархатов, Пётр Сорванов, Калина и Аграфена Архиповы и Астафий Сверлов.

Проблема заключалась в другом: и Пришвин, и Визе языка кольских саамов не знали и все записи делали исключительно на русском языке. Создание письменности для небольшого олениводческого народа царские власти признали делом бесперспективным. Государство вернулось к этому вопросу лишь после гражданской войны. И здесь в первую очередь надо вспомнить имена Василия Алымова и Владимира Чарнолуцкого.

Василий Кондратьевич Алымов родился 4 апреля 1883 года в деревне Ручьи Тосненского уезда Новгородской губернии. По первой профессии он был изыскателем-геодезистом. В юности его увлекли идеи революции. Кажется, ещё в 1904 году Алымов примкнул к меньшевистскому крылу РСДРП. Но потом он в меньшевизме разочаровался. Уже в 1913 году его послали изыскателем в Персию на строительство железной дороги. Впоследствии геодезист переквалифицировался в экономиста.

В начале 1920-х годов Алымов приступил к разработке на Кольском Севере основ планового хозяйства. Это, кстати, он создал Мурманское статистическое бюро. Но более всего бывший геодезист развернулся на посту председателя Мурманского комитета Севера.

В 1927 году Алымов составил генеральный план развития олениводства на Кольском полуострове. Затем под его руководством был разработан проект по созданию газеты и журнала для советских саамов. Одновременно он взялся за изучение языка, фольклора и культуры саамов. За свои этнографические работы

учёный потом получил Малую серебряную медаль Всесоюзного географического общества.

Алымов считал, что дальнейшее развитие саамской культуры невозможно без письменности. Его очень огорчало, что народ с огромной историей не имел единого литературного языка. Он писал: «Лопари, живущие в Мурманском округе, говорят на четырёх диалектах: 1) Кильдинско-Ловозерском, 2) Нотозерском, 3) Бабинском и 4) Терском. На первом говорят лопари погостов: Кильдинского, Пулозерского, Ловозерского, Воронежского и Семиостровского, очень близки к нему диалекты Екостровских и Мотовских лопарей. На Нотозерском говорит лопарское население Нотозерского туземного сельсовета, живущее в бассейне реки Туломы, Нотозера и Гирвасозера. На диалекте Бабинском говорят только лопари Бабинского погоста. На Терском диалекте говорят жители погостов: Иокангского, Лумбовского, Каменского и Сосновского. Самый распространённый диалект – кильдинско-ловозерский; на нём говорят около 850 человек, или 49% всего лопарского населения СССР. На Нотозерском говорят около 400, или около 23%, на Терском – около 350, или 20%, на Бабинском – 75 чел. (4%). Остальные (4%) – фильманы, утрачивающие свой родной фирмаркенский диалект и заменяющие его финским языком (суоми). При таком положении до сих пор не удалось ещё выработать единого лопарского литературного языка. Да правду сказать, и не пытались. Год назад Мурманское общество краеведения и Мурманский комитет содействия народностям севера возбуждали вопрос о необходимости выработки лопарского букваря и книг для чтения на лопарском языке. Делу дан был ход, но вопрос попал в какую то «комиссию» в Ленинграде, и разрешение его затянулось. Но по другой линии – по «Московской» – он уже направился по пути практического разрешения: Комитет Севера при ВЦИК поставил в план 1931 года издание букваря на лопарском языке. Удачное разрешение вопроса о едином лопарском языке и о лопарской письменности явится одним из важнейших актов культурной революции у маленького лопарского племени» («Карело-Мурманский край», 1930, № 11/12).

Но Комитет Севера отнёсся к созданию саамской письменности во многом формально. Преподаватели Ленинградского института народов Севера собрали студентов – носителей всех четырёх диалектов – и предложили им поискать общие слова. Но так, чисто механически, единый литературный язык, понятный всему народу, не формируется. Алымов предложил другой ход: воссоздать протосаамские слова. Некоторые лексические образцы он потом продемонстрировал в своей статье «О былом единстве хозяйственного быта «гиперборея» и южан», которая была в 1932 году опубликована в журнале «Карело-Мурман-

ский край». Но опытные лексикографы отнеслись к методу энтузиаста с большими сомнениями.

11 сентября 1933 года Мурманский окружной ВКП(б) по настоянию Алымова принял постановление о создании Комитета нового алфавита и утвердил практические мероприятия по внедрению саамской письменности. Но партийное вмешательство также проблему не решило.

Со временем у Алымова появилось ещё одно увлечение – сказки. Он очень хотел опубликовать свои фольклорные материалы. В 1938 году Алымов, хлопоча об издании книги саамских сказок, писал П.Н. Лукницкому: «Удалось записать ещё немного. Ну и перлы! Большое удовольствие доставляет узнавать всё новые и новые образцы». Но к этому времени над Алымовым самым сгустились тучи. Книга с его фольклорными материалами так и не вышла. В советское время рукописи учёного хранились в музее-архиве Северного филиала Географического общества (фонд № 49). Где они теперь находятся, неизвестно.

Арестовали Алымова 27 февраля 1938 года. Дело против него инициировал начальник Ловозерского отдела НКВД И.М. Михайлов. Но расследование вёл другой следователь – оперуполномоченный 4-го отделения Мурманского окружного отдела НКВД сержант госбезопасности В.П. Школин. На первом допросе некто Шабаловский поставил Алымову в вину срыв коллективизации. Действительно, кольские саамы весьма неохотно в конце 1920-х и в 1930-е годы вступали в оленеводческие колхозы. В отличие от пришедших на Колыму ещё в конце девятнадцатого столетия ижемских коми им это было невыгодно. Многие саамские семьи имели в личном пользовании большие олени стада и хорошо управлялись

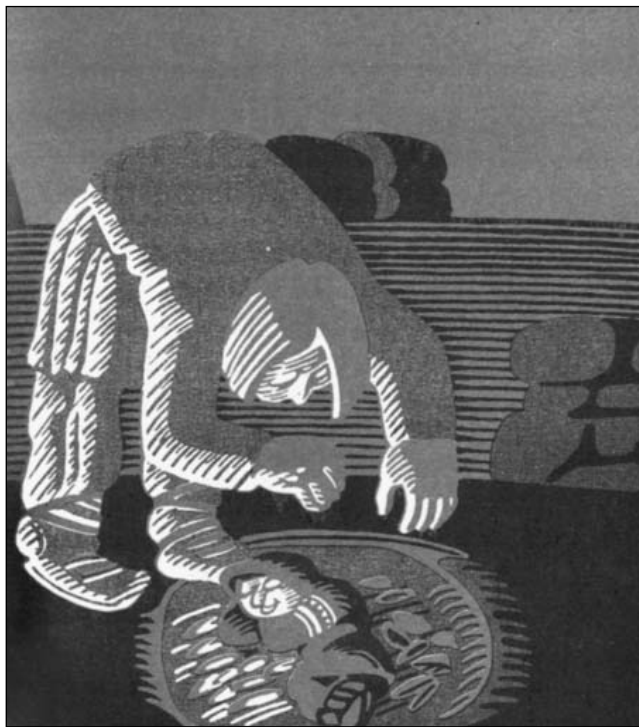
со своим хозяйством безо всякого вмешательства извне. Но при чём тут был Алымов? Разве только в том, что он, зная особенности лопарского быта, предупреждал власти о том, что силой загонять саамов в колхозы нельзя. Тем не менее Шабаловский решил, что Алымов наравне с руководителями Ловозерского района был причастен к большому падежу оленей и лесным пожарам.

Второй допрос Алымова 10 марта 1938 года проводил уже другой следователь – младший лейтенант госбезопасности А.Я. Тощенко.

Он стал добиваться от учёного признаний в участии в повстанческой организации, целями которой являлись создание Лопарской республики и вхождение в состав Финляндии. Алымов сначала утверждал, что это бред. Но Тощенко применил физическое воздействие. И учёный сломался. После пыток он подписал показания, что вступил в контрреволюционную националистическую организацию якобы ещё в 1935 году. Следователь тут же выстроил следующую цепочку: «якобы в Ленинграде профессор Д.В. Бубрих завербовал сотрудника Академии наук З.Е. Чернякова и преподавателя Института народов Севера А.Г. Эндюковского. Черняков в свою очередь завербовал Алымова, а тот – саамских интеллигентов».

21 марта Алымова привели на третий допрос, теперь уже к сержанту П.В. Терехову. Учёный больше ничему не сопротивлялся. 7 апреля Школин подписал обвинительное заключение и распорядился этапировать Алымова в Ленинград. Учёный до последнего надеялся, что друзья его спасут. Но за него никто так и не вступился. Все спасали свои шкуры. Расстреляли Алымова 22 октября 1938 года в Ленинграде. Добавлю, что в 1940 году органы НКВД пересмотрели дело о «саамском заговоре» и признали, что оно было высосано из пальца.

Несколько иначе сложилась судьба Владимира Чарнолуского. Он родился 31 мая (по новому стилю 12 июня) 1894 года в Санкт-Петербурге. Его отец – Владимир Иванович – в своё время основал журнал «Вестник народного образования». Политика ему долгое время была безразлична. Всё изменилось после поражения России в войне с Японией. Старший Чарнолуский зажёгся революционными

идеями и вскоре угодил в ссылку к помодам Архангельской губернии. Зато свой ровный характер сохранила мать Чарнолуского – Екатерина Матвеевна, писавшая детские книжки. Кроме Владимира, в семье Чарнолуских воспитывались также две младшие дочери: Татьяна и Христина (но Христина потом, в 1918 году в возрасте шестнадцати лет погибла). Да, жили Чарнолуские неплохо, у них в Черниговской губернии даже было своё небольшое имение.

Окончив в 1914 году Санкт-Петербургское

восьмиклассное коммерческое училище, Владимир Чарнолуский, посещавший ранее классы живописи и рисунка Штиглица и студию Зайденберга, собирался продолжить образование в Академии художеств. Однако тут началась война с германцами. Чарнолуский добровольно записался в санитары. Вскоре его назначили начальником обоза по оказанию помощи раненым. На фронт же он попал лишь в 1916 году, его взяли в армию в качестве санитаря. Но потом он был направлен на фронт и дослужился до командира взвода пулемётной роты.

После войны Чарнолуский, не найдя себе места в Петрограде, отправился поближе к бывшей родовой усадьбе и устроился в Новозыбкове в отдел народного образования. Там он женился на сельской учительнице Екатерине Смирновой, которая 1 мая 1922 года родила ему сына Владимира. Брак этот, однако, оказался неудачным. Супруги вплоть до своего развода в 1934 году предпочли жить врозь.

Сразу после свадьбы осенью 1921 года Чарнолуский поступил на этнографическое отделение в Петроградский географический институт. Под влиянием бывших народовольцев Льва Штернберга и Владимира Богораза он после первого курса отказался от каникул и уехал к ненцам полуострова Канин изучать северное оленеводство. А потом был Крым и работа над путеводителем «Южный берег Крыма».

Ближе к защите диплома над семьёй Чарнолуских нависла новая угроза. Отцу молодого исследователя дали понять, что власть не забывала про его метания до 1917 года между большевиками, меньшевиками, кадетами и эсерами. Поэтому, дабы замести следы, старший Чарнолуский предпочёл переехать из

кипящего Ленинграда в тихое и уютное Подмосковье, посоветовав своему же сыну на время убраться куда-нибудь на Север.

Владимир Чарнолуский был не против. Ещё в институте заведующий отделом славяно-финской этнографии Русского музея Давид Золотарёв привил ему интерес к лопарям. Сам Золотарёв впервые соприкоснулся с этим народом летом 1914 года, проводя антропологические исследования среди великорусского населения на нижнем течении Северной Двины. Ему тогда удалось совершить кратковременное путешествие на реку Паз. Но что можно было сделать за несколько дней? После гражданской войны Золотарёв не раз обращался в Главнауку с просьбой выделить средства для экспедиции к лопарям. Однако чиновники каждый раз ограничивались одними обещаниями. По этой причине набивавшийся к Золотарёву в ученики Чарнолуский после получения диплома фактически остался без работы и вынужден был устроиться в почта-льоны.

Разрешение на экспедицию пришло осенью 1926 года. Деньги дало Государственное Русское Географическое общество. Золотарёв попросил Чарнолуского заранее выехать в Мурманск и подготовить необходимую для учёных базу. И уже 12 января 1927 года Чарнолуский встречал своего научного руководителя, а также врача Ф.Г. Иванова-Дятлова на станции Пулозеро. А дальше начался 80-километровый переход на оленьих упряжках в сторону Ловозера.

Позже молодой выпускник этнографического факультета Ленинградского университета в своей последней книге «В краю летучего камня» рассказывал: «Утром, чуть только забрезжит рассвет, мы начинали свою работу. Блеснут первые лучи, и мы уже заносим на бумагу цифры точных обмеров саамов. Описание каждого человека производилось по особой антропометрической карточке. Руководитель экспедиции профессор Д.А. Золотарёв производил измерения, и его показания заносились на карточку. Я дополнял её сведениями о брачности и рождаемости, после чего карточка поступала к врачу Ф.Г. Иванову-Дятлову». Измерения проводились до обеда. Потом, как рассказывал Чарнолуский, начиналось собирание материалов к описанию саамских жилищ. «Эту работу, – писал учёный, – вёл я, хотя не был к ней подготовлен и взялся за неё с неохотой. Современные лопарские тупы и избушки были малоинтересны. Я мечтал встретить и описать древнее кочевое жилище саамов – вежу».

Весной 1927 года Золотарёв вернулся в Ленинград, а Чарнолуский с врачом продолжили собственные исследования. Позже молодой учёный влился в академическую Кольскую экспедицию. Летом он совершил второе, уже пешее путешествие к иокангским саамам. Задача перед ним стояла прежняя: подробно

описать жилища оленеводов восточной части Кольского полуострова. Однако Чарнолуский к тому времени заинтересовался также языком и фольклором северян. Уже в 1962 году он в книге «Саамские сказки» вспоминал: «Прознося вслух записанные по-саамски тексты, я улавливал своеобразие стиля сказителей, что и старался передать впоследствии при обработке сказок. Каждый из них имеет свои речевые особенности, приёмы и манеру сказывания. У каждого своя интонация. У одного стиль сказывания словно свысока – он рассказывает о больших людях маленьким, тон часто повелительный (М.И. Титов). Н.С. Матрёхин улыбается. У.П. Тарунова всегда вела сказ лаконично. В.В. Койбина, наоборот, очень любила интонации, она бранила или осуждала своих героев, и все они у неё словно бы кукольные».

Вернувшись в Ленинград, Чарнолуский закончил работу о номадизме саамов и собрался уже к мотовским оленеводам. Ему сильно помог Алымов. Беда пришла с другой стороны. Подвело руководство Академии наук, которое приняло решение все этнографические изыскания в Кольской экспедиции свернуть. Вдобавок во вредительстве был обвинён любимый учитель учёного – Золотарёв.

Золотарёва забрали 12 декабря 1930 года. Его обвинили в причастности к «делу краеведов», осудили на три года и отправили на Беломорканал. Чарнолуский избежал ареста, видимо, только потому, что вовремя успел перевестись в Мурманскую землеустроительную экспедицию, откуда его потом взяли в ВАСХ-НИЛ. Несколько лет он вынужден был заниматься не своим делом – изучать оленеводство. Но и там ему не повезло. Его исследования поморских промыслов на Тёрском берегу Белого моря никто не оценил, и в январе 1935 года он попал под сокращение.

От полной нищеты Чарнолуского спас выдающийся фольклорист Борис Соколов. По его предложению Союз советских писателей в конце 1935 года командировал опального учёного к мончегорским саамам. Потом в ученика Золотарёва поверил Детгиз. Ему заказали книгу о культуре саамов и пообещали опубликовать роман «Оттар».

Всё рухнуло в 1938 году. Чарнолуского приговорили к пяти годам лагерей. Срок он отбывал сначала в Каргополе, потом на Урале, а сразу после освобождения его призвали в трудармию в Куйбышевскую область. Только в 1944 году он сумел перебраться к своим родным в Подмосковье. Однако по специальности работы для учёного нигде не оказалось. На хлеб он вынужден был зарабатывать оформительским трудом. Лишь в конце 1950-х годов ему удалось пристроиться в Институт этнографии.

В 1961 году Чарнолуский совершил последнюю поездку к саамам. Спустя год в Москве у него вышла книга саамских сказок.

Умер он 16 марта 1969 года в подмосковном Пушкино.

Что касается саамской письменности, то этой проблемой в конце 1920 и в 1930-е годы занимались в основном Захарий Черняков и Александр Эндюковский.

О Чернякове известно, что он родился в 1900 году в Белоруссии в городе со звучным названием Пропойен. Отец его много лет представлял в Санкт-Петербурге интересы одной из польских текстильных фабрик.

Раннее детство Чернякова прошло в Лодзи. Затем его перевезли в Петроград. Вплоть до революции он каждое лето проводил на Карельском перешейке в финском местечке Линкахови. Там мальчишка быстро выучился финской разговорной речи.

После окончания гимназии в 1917 году Черняков поступил в Петроградский политехнический институт, откуда уже через два года добровольно ушёл в Красную армию. Воевал он на Украине и в Крыму. Но в каких частях, толком неизвестно. Одни говорили, что недочувшийся студент был комиссаром. Другие утверждали, что в юности он служил в органах ВЧК. Тем не менее именно ему в 1923 году Петропрофобр доверил создание первого педагогического рабфака при пединституте им. А.И. Герцена (он был сначала председателем оргкомитета, а затем заведующим рабфака).

В 1924 году Черняков поступил в Петроградский географический институт. Спустя год на средства Института по изучению Севера при ВСНХ он совершил первую экспедицию для обследования кольских лопарей. В 1926 году его оставили ассистентом на кафедре этногеографии у профессора В.Г. Богораза.

Под влиянием своего преподавателя Черняков обратился к социологам. Уже в 1926 году у него вышла первая монография «Социология в наши дни». Вслед за Богоразом молодой учёный попытался посмотреть на прошлое с точки зрения этнографии. Но в отличие от Богораза он показал весьма поверхностное знание всемирной истории. Поэтому научный мир его монографию не признал.

Куда больше Чернякову повезло в статистике. Во всяком случае, больших претензий к его части материалов Приполярной переписи 1926–1927 годов ни у кого не было.

Маленькая деталь: саамы звали Чернякова «Сахкре Ефим альк», что означало – Захар Ефима сын. За подписью «Сахкре» он регулярно печатал в местных газетах Мурманского края в 1920–1930-е годы статьи и заметки по саамской проблематике.

В 1929 году Черняков составил рукописный саамский букварь из девятнадцати страниц, сочинив тексты на саамском и русском языках. По этому пособию саамы занимались в 1929/30 и 1930/31 учебных годах. Потом он помог своему ученику Тимофею Дмитриеву отредактировать текст первой саамской пьесы «Председатель Совета» (её в одном из ле-

нинградских клубов поставило лопарское землячество). Затем в 1933 году учёный при участии студентов Ленинградского института народов Севера Никона Герасимова, А.Т. Осиповой, Якова Осипова и И.Матрёхина подготовил к печати новый саамский букварь. Кроме того, он составил также грамматические таблицы по саамскому языку и программы по изучению этого языка в школе.

Осенью 1933 года Черняков вновь был командирован на Мурман. Секретариат Мурманского окружкома ВКП(б) 11 сентября утвердил его в должности ответственного секретаря Окружного комитета нового алфавита. А уже через двенадцать дней ему предложили отправиться в инспекцию по Полярному району. Позже в своём отчёте учёный сообщил: «23 сентября я прибыл в сопровождении саамов Антонова О. и Фёфелова Г.Е. в сел. Ваенгу в Кольской губе. С 24 по 28/IX закончил перевод на саамский язык учебника арифметики Поповой (4 печ. листа), проверил саамский букварь на воронежском наречии и выехал в село Полярное. В Полярном пробыл до 5/X, закончил перевод на саамский язык брошюры Валерштейна «Что такое индустриализация страны» (1 1/4 печ. листа), проверил выборочно брошюру «Что дала Октябрьская революция трудящимся саамам» на воронежском наречии. 5/X выехал на боте в СЛО и 7/X высадился в станок. Титовка в Мотовском заливе. 8/X был на песках (колхоз «Тундра»), прошёл пешком до дер. Титовка, где познакомился с работой школы. 9/X проверил букварь на мотовском наречии. Записал тексты на мотовском, пазрецком и фильманском наречиях. 10/X выехал на боте в Западную Лицу в колхоз «Тундра». 11/X остановился в М.Лице, познакомился с работой школы, провёл пробный урок саамского языка по букварю. Записал небольшой текст на фильманском наречии. 13/X посетил сельдяной промысел в Б.Лопатке. 14/X выехал на карбасе в Б.Лицу. На собрании саамов колхоза «Тундра» проверил брошюру «Что дала Октябрьская революция и проч.» на мотовском наречии. 15/X возвратился на карбасе в М.Лицу. 19/X выехал в Мурманск на тральщике с заходом в Сайда-Губу. Попутно с основной работой я ознакомился с мероприятиями по организации районного Комитета содействия НА, работой школ и колхоза «Тундра» («Материалы по развитию языков и письменности народов Севера в Мурманском округе», Мурманск, 1934, вып. 1).

Командировка показала, что в большинстве саамских сёл обучение детей оленеводов продолжалось в основном по русским и иногда финским учебникам. Черняков высказал идею о целесообразности создания нескольких школ именно для саамов. Одну из них он предложил открыть, в частности, в посёлке Б.Лица, хотя реально в ней могли заниматься около десяти человек (при этом в 25 километ-

рах от Б.Лица уже имелась школа в деревне Титовка, где обучались 15 ребят, в том числе 4 саама).

Как убедился Черняков, саамский язык в национальных посёлках продолжает оставаться востребованным. В своём отчёте о командировке он писал, что проведённый им в Западнолицкой национальной финской школе пробный урок по саамскому букварю «вызвал большой интерес со стороны саамских и даже финских ребят, присутствовавших на уроке. В течение полутора часов было прочитано 37 стр. букваря и проработаны первые 20 стр. Ученики второй и третьей группы довольно бойко писали отдельные слова на доске. После урока ребята спрашивали о начале регулярных занятий на саамском языке. Тов. Суомалаиен [учитель финской школы в посёлке М.Лица. – В.О.] разъяснил детям, что занятия в саамской группе начнутся сразу по получении из Мурманска саамского букваря».

В ходе поездки по Полярному району Черняков пришёл к выводу, что его букварь понятен носителям почти всех диалектов. Он писал: «В Полярном районе представлены два наречия саамского языка – кильдинское наречие, на основе которого создаётся литературный саамский язык, и мотовское наречие. Последнее соприкасается и близко стоит к туломскому наречию. Проверка букваря произведена на кильдинском, воронежском и мотовском наречиях. В результате проверки оказалось, что букварь в настоящем виде, несмотр-

я на имеющиеся несовпадения по диалектам, в полной мере может обслужить вышеназванные наречия. Имеются несовпадения в произношении <...> Приведённые примеры в значительной степени исчерпывают расхождение между литературным языком и местными наречиями. В основном букварь вполне доступен для каждого из указанных наречий. Общая оценка букваря на собраниях колхозников обычно выражается словами: «букварь хорош» (Чапоров Пётр – колхоз «Тундра»), «хорошо, не плохо» (Антонов О. – колхоз «Саамь»), Sýgli («хорошо»), «мне понятно всё из этого букваря» и т.д. Проведение занятия по букварю в М.-Лицкой школе показало, что букварь вполне пригоден для мотовского наречия».

Но Черняков сильно заблуждался. Его букварь оказался крайне несовершенен. Всё-таки он в большей мере был даже не этнографом, а скорее социологом, но никак не лингвистом.

Позже Ян Алькор (Кошкин) отозвал Чернякова в Ленинград, где чекисты уже готовили разгром Института народов Севера. Известно, что имя саамоведа фигурировало сразу в нескольких делах. По одной из версий, Черняков оклеветал Алымова. По другой – на него тоже было дано немало показаний. В частности, специалист по нивхам Ерухим Крейнович на следствии заявил, будто Черняков входил в действовавшую в стенах Института народов Севера контрреволюционную организацию. Тем не менее Черняков остался на свободе,

Алымова в 1938 году расстреляли, а Крейнвича упекли на Колыму.

Сам Черняков, прожив 97 лет, очень не любил вспоминать события конце 1930-х годов. Я знаю, что многие североведы после сталинских чисток его сторонились и боялись.

После разгрома Института народов Севера Черняков в спешном порядке из Ленинграда перебрался в Москву. В 1940 году он при кафедре этнографии организовал в МГУ группу карт народов, которая после начала войны перешла под контроль военно-топографического управления Генштаба, но потом, в 1943 году, её включили в состав Института этнографии. Я знаю, что впоследствии к нему за помощью обращались специалисты из Центрального статуправления, готовившие всесоюзные переписи населения в 1959 и 1970 годах, а также руководство НИИ национальных школ. Но бывший создатель Ленинградского педагогического рабфака умел только травить байки о своём героическом прошлом.

Умер Черняков в 1997 году. Спустя год в Финляндии, в Рованиели, издали его небольшую книжку «Очерки этнографии саамов», которая, по свидетельству специалистов, никакой научной ценности не имела (многие помещённые в ней материалы давно устарели).

В отличие от Чернякова о его коллеге Эндюковском до сих пор почти ничего не известно. Знаю только, что в начале 1930-х годов он занимался языками коренных жителей Мордовии, а к кольским саамам он впервые попал лишь летом 1933 года.

Позже об этой поездке на Мурман Эндюковский составил подробный отчёт. Он сообщил: «Научная командировка (по линии научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера на средства Комитета нового алфавита продолжалась с 15 июля по 17 сентября 1933 года. Маршрут был осуществлён в следующем виде: Ленинград–Пулозеро–Ловозеро–Воронежский погост–Карозеро–Териберка–Мурманск–Ленинград. В Пулозеро прибыл 17/VII. 21/VII выехал на автомобиле в Ловозеро, куда прибыл 25/VII. 7/VII выехал на лодке в Воронежский погост, куда прибыл 9/VIII. 13/VIII вышел пешком с проводниками на Карозеро (приблизительно в 60 км от Воронежского погоста), куда прибыл 14/VIII. 8/IX вышел пешком с проводниками па Териберку (приблизительно в 80 км от Карозера), куда прибыл 10/IX. 13/IX выехал на пароходе в Мурманск, куда прибыл 14/IX. 15/IX выехал в Ленинград».

Результаты работы Эндюковского были следующие: 1) Перевод на саамский язык (Кильдинский диалект) книги для чтения для 1-го года обучения (128 рукописных страниц с контрпереводом на русский яз.), 2) перевод на саамский язык книги Савельева «Как на земле ездят» (53 стр.), 3) грамматический очерк Пулозерского говора (47 стр.), 4) грамматический очерк Ловозерского говора (21

стр.), 5) грамматический очерк Воронежского говора (31 стр.), 6) грамматический очерк Кильдинского говора (48 стр.), 7) фольклорные и иные тексты на Пулозерском, Ловозерском, Воронежском и Кильдинском говорах (около 140 стр.), 8) специальный словарь новейшей социально-технической терминологии (около 800–900 слов, взятых в контексте, 47 стр.). Кроме того, сверх намеченного плана составлен грамматический очерк Нотозерского (Туломского) говора (44 стр., диктор – студент ИНСа А.Герасимов, работавший в Ловозере политпросветработником), а также грамматический очерк Каменского говора Иоканьгского диалекта (17 стр., диктор – жена председателя Ловозерского РИК'а Явтысова П.В., уроженка Каменского погоста).

Не имея возможности подробно коснуться в настоящем кратком отчёте на деталях сделанных наблюдений, ограничусь несколькими беглыми замечаниями общего характера.

Пулозерский и Ловозерский говоры близки друг к другу, причём в Ловозерском сохранились остатки двойственного числа в глаголе (напр., *tij sarnebe* «вы говорите вдвоём», в отличие от формы *tij sarnbete* «вы говорите» (когда говорящих больше, чем двое). Замечательно, что в других наблюдаемых говорах форма двойственного числа не обнаружена.

Воронежский и Кильдинский говоры, пожалуй, ещё более близки друг к другу, нежели Пулозерский и Ловозерский, но между Воронежским и Кильдинским говорами, с одной стороны, и Пулозерским и Ловозерским, с другой, – довольно заметная разница, не препятствующая, правда, хорошему пониманию друг друга представителей вышеназванных говоров.

Особняком стоит Нотозерский говор Туломского диалекта, обнаруживающий существенные особенности в своём грамматическом строе (не говоря уже о словаре). В частности, в Нотозерском говоре чрезвычайно развиты притяжательные формы имён существительных, чего не наблюдалось по другим говорам.

Каменский говор Иоканьгского диалекта отличается как от Нотозерского, так и от перечисленных выше говоров Кильдинского диалекта (Пулозерского, Ловозерского, Воронежского, Кильдинского).

Тем не менее между всеми наблюденными говорами имеется много общих черт, делающих возможным образование единого литературного языка саамов (лопарей).

Наибольшие расхождения между различными диалектами лежат в области словаря.

20/IX 1933 г.».

Как видим, подходы Чернякова и Эндюковского к созданию письменности для Кольских саамов сильно отличались. Оно и понятно. Черняков действовал в основном как политик, а Эндюковский был прежде всего лингвистом, для которого наука всегда стояла на первом месте.

Вернувшись в Ленинград, Эндюковский уточнил правила саамской орфографии, довершил работу над книгой для чтения на саамском языке и взялся за составление словаря саамского языка. Представляя книгу для чтения, он отмечал: «В основу саамского оригинала «Книги для чтения» положен принятый за литературный кильдинский диалект языка кольских саамов. В данной книге делается первая попытка выдержать единую систему орфографической транскрипции для саамского текста, разработанной на основе учёта состава фонем во всех диалектах кольско-саамского языка, и в первую очередь кильдинского».

В контрпереводе своего учебника, изданного отдельной книжкой, Эндюковский выразил «горячую благодарность саамам Антонову Олимпию Алексеевичу (бывшему курсанту ИНСа, уроженцу Кильдинского погоста), с которым сделана большая часть «Книги для чтения», а также Яковлеву Захару Аввакумовичу (из Пулозера) и Хачейковой Наталии Григорьевне (из Воронежского погоста)».

Через год учёный повторил путешествие на Мурман. Он собрал уникальные фольклорные материалы, которые до сих пор не разобраны и не изданы.

Ещё я хотел бы отметить статью Эндюковского «Саамская литература», которую он подготовил для десятого тома «Литературной энциклопедии». В ней учёный обрисовал общую картину состояния литературы у саамов Швеции, Норвегии и Финляндии. Получалось, что советские саамы в этом плане сильно от своих зарубежных сородичей отстали. Впрочем, чекисты нашли в энциклопедии много и другой разной крамолы. Поэтому уже на стадии вёрстки десятый том из типографии был изъят. Следующая многотомная литературная энциклопедия у нас вышла через несколько десятилетий. Но в ней саамской литературе места и вовсе не нашлось.

Последнее, что успел сделать Эндюковский, это перевести саамскую письменность с латинской графической основы на кириллицу. Он даже издал новый букварь. Но тут чекисты стали раскручивать дело о фальшивом саамском заговоре, и учёного арестовали.

Что конкретно Эндюковскому было вменено в вину, до сих пор неизвестно. Кончилось всё трагически. В 1938 году учёного расстреляли.

Для меня осталось загадкой: почему, когда началась реабилитация жертв сталинизма, бывший соратник Эндюковского – Черняков – занял выжидательную позицию, практически ничего не сделав для восстановления памяти о своём коллеге.

Ещё одна важная деталь: власти долго не могли определиться с тем, где всё-таки должны были вестись основные работы по созданию письменности для кольских саамов: в Ленинграде или на Мурмане. Некоторые учёные склонялись к тому, чтобы всё передать в веде-

ние мурманских специалистов. Создавая в Апатитах новый научный центр, государство поставило перед руководством Кольской базы Академии наук СССР также задачу изучения экономики, быта и языка коренного населения Кольского полуострова (саамы, ижемцы, поморы). Однако из-за отсутствия квалифицированных кадров Кольская научная база к гуманитарным исследованиям в двадцатом веке так и не приступила.

После изъятия в 1938 году букваря Эндюковского власть признала язык кольских саамов бесперспективным. До войны его научным изучением занимался лишь ленинградский лингвист А.Емельянов. Но в блокаду все саамские материалы учёного пропали. Кроме того, в войну, как вспоминал поэт Аскольд Бажанов, в кольских школах существовали строгие запреты на использование саамской речи. За рассказы о саамской жизни можно было получить серьёзное наказание.

Возобновились исследования языка кольских саамов лишь в 1954 году. Особую настойчивость в этом деле проявил лингвист из Петрозаводска Георгий Керт. Он буквально по крохам собирал в уцелевших саамских погостах образцы саамской речи. Но пойти дальше, попробовать создать новый вариант саамского букваря, издать книги для чтения учёный не рискнул. Следуя официальным установкам, он заявил, что своя письменность саамам не нужна, «поскольку все они свободно владеют русским языком. Кроме того, создание единого литературного языка для саамов затруднено в силу грамматических, а также значительных фонетических и лексических различий между диалектами и вследствие территориальной разобщённости народа» (Г.М. Керт. Образцы саамской речи. Л., 1961).

Из кольских саамов первой публично против волюнтаризма власти выступила выпускница Ленинградского пединститута Октябрина Матрёхина. Устроившись в 1958 году в Ловозерскую школу, она начала с того, что предложила своим ученикам разучить саамские песни. Молодая учительница исходила из того, что через песню легче пробудить интерес ребятишек к саамской речи. Но другие преподаватели в Ловозере её не поддерживали. Возможно, свою негативную роль сыграла зависть коллег к первым успехам энергичной саамской певуны.

В 1960 году Октябрина Матрёхина вышла замуж за русского парня Вячеслава Воронова, родив ему потом дочь Лену и сына Алексея. Но в Ловозеро молодым ничего не улыбалось. Муж уговорил Октябрину переехать к нему на родину, на Новгородчину, в Боровичи. Они надеялись, что в Боровичах начнут жизнь с чистого листа. Но не получилось. Они оказались слишком разными людьми. И в 1967 году Октябрина вернулась на Север.

Воронова мечтала жить литературой. Но она долго не могла определиться, на каком

языке ей творить: русском или саамском. По-саамски до неё писали лишь в Скандинавии. Здесь можно вспомнить, к примеру, автобиографическую книгу Йохана Тури «Саамская земля» и роман «Рассвет» Андерса Ларсена. Но проблема заключалась в том, что кольские саамы на языке оригинала эти сочинения так и не поняли. Слишком большая разница оказалась в диалектах. Народ одного корня, по сути, говорил на нескольких разных языках (причём как в Скандинавии, так и в России). Не подошёл Вороновой литературный опыт её зарубежных соплеменников и по другой причине. Большинство саамских литераторов Норвегии, Швеции и Финляндии исповедовали лютеранство, а кольские саамы со времён Фёдора Кольского и Трифона Печенгского, то есть на протяжении почти пяти столетий, были близки к православию. Это обстоятельство тоже наложило свой отпечаток на мировоззрение разных этнических групп саамов.

Земляки советовали Вороновой повторить опыт нотозерского саама Аскольда Бажанова, который ещё в юности начал слагать стихи на русском языке. Но Воронова считала, что Бажанов, прекрасно знающий обычаи сородичей, в своих русских сочинениях многое упростил и усреднил. Она понимала, что это была его не вина, а беда. Просто так сложились обстоятельства, что к 1960-м годам поэт в чём-то разучился говорить по-саамски, при этом так и не освоив многие нюансы русского языка.

В общем, Октябрина Воронова поневоле стала, по сути, основоположницей литературы кольских саамов. В 1971 году она вместе с матерью и сестрой Тамарой перевела и опубликовала в сборнике «Прибалтийско-финское языкознание» на саамском языке «Сказку

о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина. Потом ей посоветовали поступить в заочную аспирантуру НИИ национальных школ. Однако этот институт ничего поэтессе не дал. Языковые исследования данный НИИ никогда не вёл. Экспедиции в районы проживания народов Севера были прекращены ещё в конце хрущёвской оттепели. Ставка в институте делалась лишь на методику преподавания родных языков в национальных школах. Но из-за отсутствия квалифицированных кадров этот участок работы в НИИ был доверен эвенкийской журналистке, которая ни дня не работала в школе, да бывшему инспектору министерства просвещения России, признававшему один русский язык. Получилось так, что Воронова в аспирантуре не столько сама училась, сколько приглашённым лингвистам помогала выверять словарные материалы, другими словами – пахала на чужих тётъ. Как поэтессу Октябрину Воронову чиновники от науки и образования по-прежнему не признавали ни в Москве, ни в Мурманске. Печататься по-саамски она так и не могла.

Почему? Ведь языковая политика в нашей стране начала в корне меняться ещё в 1970-е годы. Саамы Кольского полуострова даже получили тогда новый букварь, который составила учительница русского языка ловозерской школы Александра Антонова. Что же случилось? Кто остановил продвижение саамской письменности?

Как оказалось, в 1970–1980-е годы процессы языкового строительства затормозили уже не власти, а недобросовестные приезжие учёные, которые, не имея фундаментальных знаний, решили под прикрытием защиты саамских интересов сделать головокружительные карьеры и любой ценой добиться академиче-

ских званий. Эти временщики попытались монополизировать все исследования в области языка кольских саамов и отодвинуть в сторону часть несговорчивой саамской интеллигенции. И началась бесконечная волокита.

Роль главного монополиста на себя взяла Римма Куруч. В своё время она получила филологическое образование в Бельцком педагогическом институте. Ей довольно рано, всего в тридцатилетнем возрасте, удалось защититься по методике преподавания русского языка. После получения в 1968 году статуса кандидата педагогических наук Куруч переехала в Черновцы. Но там её продвижение почему-то затормозилось. Видимо, поэтому она в 1975 году перевелась на Север, став завкафедрой русского языка в мурманском пединституте.

К этому времени в деле образования детей северян произошла радикальная революция. Благодаря настойчивости нивхского писателя Владимира Санги правительство России официально признало отказ в хрущёвский период от преподавания в начальных школах языков коренных малочисленных народов ошибкой и поручило академии наук и министерству просвещения составить алфавиты, буквари и книги для чтения для ранее бесписьменных народов. Но как всегда всё упёрлось в кадры.

В Министерстве просвещения России сделали ставку на создание авторских коллективов. Правительственные чиновники выпустили директиву, согласно которой к изданию могли быть рекомендованы только те учебники, что были написаны лишь в тандеме учёно-теоретика и учителя-практика. Работы квалифицированных энтузиастов-одиночек даже не рассматривались. Эта директива привела к полной неразберихе. Ведь что получалось? Министерство прямо с порога отмахивалось от любых предложений лучшего специалиста страны по кетам Г.Вернера. Функционеры от образования требовали, чтобы великий учёный обязательно нашёл и взял к себе в соавторы кого-нибудь из учителей. Но парадокс заключался в том, что в районах расселения кетов ни один учитель кетским языком не владел. Привлечь в соавторы можно было только нянечек из детского сада, которые прекрасно говорили по-кетски, но не отвечали другому условию чиновников – не имели высшего педагогического образования. Получался какой-то замкнутый круг.

С этой порочной системой тогда же столкнулись и саамские подвижники, но с той лишь разницей, что они нашли хорошего учителя-практика – Александру Антонову, способную грамотно составить букварь саамского языка, но долго не могли определиться с тем, кого им пригласить в авторский коллектив из теоретиков. Безусловно, самой лучшей кандидатурой из числа профессуры считался выдающийся финно-угровед Георгий Керт. Но учё-

ный сразу предупредил, что в силу многих причин (возраста, загруженности, некоторых старых обид и прочее) он мог бы согласиться лишь на роль консультанта.

Я не буду сейчас перечислять все трудности, с которыми Антонова столкнулась, когда составляла свой вариант саамского букваря. Кто только не рецензировал её рукопись. Наконец, учебник поступил в школы. А дальше начался саботаж уже со стороны уязвлённых коллег. Особенно была недовольна заведующая кабинетом национальных школ Мурманского областного института усовершенствования учителей Нина Афанасьева. В интервью корреспонденту ТАСС В.Белому она уже в 1989 году заявила, что учебник Антоновой якобы «оказался несовершенным. И хотя Минпросвет РСФСР утвердил его, внедрение букваря на местах шло медленно. Причина, по-моему, довольно веская: автор – А.А. Антонова – не сумела передать в предложенном ею алфавите всей глубины и особенностей строения этого языка» («Советская Россия», 1989, 26 июля).

Афанасьева настаивала на том, чтобы все работы по созданию саамской письменности и составлению учебников для саамских школ были бы отданы на откуп команде Риммы Куруч. В своём интервью Белому она говорила: «Наша творческая группа, которую вот уже десять лет возглавляет Римма Дмитриевна Куруч – заведующая Мурманским сектором лингвистических проблем финно-угорских народностей Крайнего Севера Института языкознания АН СССР, предложила экспериментальный букварь основных диалектов саамского населения Мурманской области, созданный в результате длительного научного исследования. В ходе работы нам удалось выявить звук, на который раньше исследователи не обращали внимания. Но это как раз тот звук, который помог объяснить суть диалектов, подойти к определению основ общего для всех саамов языка. Вариант алфавита, предложенного нашей творческой группой, проанализирован с помощью лингвистической лаборатории АН СССР. С ним ознакомлены ведущие специалисты, занимающиеся проблемами языкознания малых народностей Севера. Отзывы не были однозначными, но в большинстве из них признавалось глубокое научное обоснование поднятой нами проблемы и содержались рекомендации по внедрению этого алфавита в начальных классах тех школ, где учатся дети саамов. Экспериментальный букварь одобрил и исполком Мурманского областного Совета народных депутатов. Однако к тому времени уже был издан букварь Антоновой, а потому в российском Министерстве просвещения наш коллективный труд не признали. Два года наш учебник лежал под сукном в министерстве, пока московские специалисты собрались его изучать. А поскольку не при-

жился и букварь Антоновой, то остались дети саамов без учебника».

Но Афанасьева явно лукавила. Учебник Антоновой в школах не прижился ведь не потому, что он плохо передавал особенности саамской речи. Проблема упиралась в другое: к семидесятым годам прошлого века выросло несколько поколений саамов, которые никогда не слышали саамской речи. Для них саамский язык оказался равносителен иностранному языку. Нужна была совершенно другая методика преподавания родной речи. Однако для Куруч и Афанасьевой более важными, видимо, оказалась иная проблема: вопрос приоритета, кто первым вернул кольским саамам родное слово.

По сути, непомерные амбиции Куруч привели к расколу всю саамскую интеллигенцию. По идее, консолидирующую роль в этой конфликтной ситуации могли бы сыграть первые саамские профессиональные поэты – Аскольд Бажанов и Октябрина Воронова. Но команда Куруч сразу стала искать у этих литераторов слабые места. Бажанов был обвинён в незнании саамского языка (хотя на бытовом уровне он саамскую речь понимал лучше иных приезжих кандидатов педагогических наук). Сразу два «недостатка» обнаружили и у Вороновой: во-первых, её отец имел русское происхождение, во-вторых, она говорила не на придуманном Куруч литературном языке, а на во многом уже утраченном иокангском диалекте. Диалективные различия стали главной причиной, из-за которой Воронову в 1970-е и 1980-е годы не хотели печатать на саамском языке.

Позиция Куруч была крайне примитивна. Мол, кольских саамов всего две тысячи человек. Подавляющее большинство живёт в центре полуострова и группируется в основном вокруг посёлка Ловозеро, где в своё время говорили, как правило, на кильдинском диалекте. Значит, и письменность надо создавать на этом диалекте. По этой логике, саамы, выросшие, к примеру, на Поное, должны были приспособиться к новой языковой среде и поменять свою речь, по сути, на другой язык. Но ведь народы Севера в своей истории это уже проходили, и ни к чему хорошему это не привело. Сколько было случаев в 30-е годы двадцатого века, когда учёные (кстати, куда более образованные и эрудированные, нежели Куруч) тот или иной диалект объявляли основой для создания новых литературных языков, а потом выяснилось, что они совершили ошибки. Литературный язык, как известно, далеко не всегда формируют теоретики. Зачастую последнее слово оставалось за писателями. Но Куруч эту очевидную истину всегда игнорировала.

Справедливости ради замечу: из-за неправильной языковой политики в 1970-е и 1980-е годы настрадалась не только Воронова. Я помню, сколько мучилась на Чукотке Зоя Нен-

люмкина. Ленинградские теоретики тоже в своё время исходили из чисто арифметического подсчёта и хотели, чтобы литературный язык для эскимосов создавался на базе самой многочисленной этнической группы этого народа – чаплинцев. А Ненлюмкина была носителем практически вымершего на-уканского диалекта. Но ей потом помог Юрий Рыхтэу. Он убедил издателей, что язык формируют не кабинетные учёные, а поэты. Много мучений испытал и нивхский писатель Владимир Санги, который категорически отказался подчиняться директивам министерства просвещения России и так и не перешёл на якобы литературный амурский диалект, продолжив писать свои поэмы на родном сахалинском говоре. Знала обо всём этом Куруч? Да. Тем не менее её позиция в отношении Вороновой всегда оставалась неизменной. Куруч на полном серьёзе предлагала, чтобы саамская поэтесса поменяла диалект. Другими словами – изменила своё мышление.

Перелом произошёл накануне горбачёвской перестройки. Осенью 1984 года одна из самых влиятельных тогда газет страны – «Советская Россия» – напечатала заметки молодого журналиста Артёма Боровика. В них с упоением рассказывалось о переменах в жизни малочисленного саамского народа. Боровик с пафосом сообщал:

«В тундре сейчас пахнет не только душистыми ягельниками. Здесь пахнет XXI веком. Что же касается нынешнего столетия, то оно началось в тундре не в 1900 году, а семнадцатью годами позже. Именно тогда жизнь здесь стала меняться стремительно и бесповоротно.

Октябрина Владимировна Воронова, работающая библиотекарем в посёлке Ревда, – поэтесса. Родилась в тундре, где саамы не только стихов никогда не читали – книг не видели. Девочка росла странной. С детства шептала стихи. Рифмы срывались с губ. Пугались родители. Плакала то ли от страха, то ли от счастья она сама. Словом, бог дал девочке талант, да позабыл инструкцию приложить. Что делать с ним, она не знала. Никто не знал. Поэзия была для саамов таким же чудом, как радио или телевизор.

*Поутру, по январю,
Снег укрьл дома.
Я тебя благодарю,
Снежница-зима.
Вот за эту белизну
Над лесной грядой,
За зелёную сосну,
Ставиую седой,
За просторный светлый мир
В снеговом лету,
За дарёную на миг
Эту красоту.
За резные кружева,
Павишие с небес,*

*И за добрые слова,
Что шептал мне лес.*

Это стихотворение Воронова назвала «Снегопад». Но мне кажется, оно совсем о другом.

Инструкция нашлась...

Одно дело – дать письменность северному народу, насчитывающему десятки тысяч человек. Но во сто крат сложнее создавать письменность для небольшой народности, окружённой со всех сторон русским населением и владеющей русским почти как родным».

Поскольку газета «Советская Россия» тогда была органом ЦК КПСС, издатели сразу взяли под козырёк и тут же отправили в печать две книги Вороновой: в Мурманске – «Снежницу» и в Москве – «Вольную птицу». Но только в переводе на русский язык. По-саамски её печатать пока ещё боялись.

Октябрина Воронова, я знаю, очень сильно переживала, что на родине её усилия по созданию саамской письменности и литературного языка долго не то что не получали никакого признания, а всячески дискредитировались. Сколько раз я видел её рыдающей. Она ведь бурно реагировала на любое проявление несправедливости. В одном из писем к своей подруге – Александре Антоновой – Воронова недоумевала: «Я не понимаю, почему такое случается, что свои ловозерцы, саамы, меня не принимают. Меня приглашают выступать на кораблях Северного флота, я жила в Оленегорске и в других городах Мурманской области, но у себя я не желанна». Видимо, на этой почве у неё потом случился инсульт. Она потом писала в своих стихах:

*Поскутилась жизнь на злато,
Горя выдала с лихвой...
Как длинна эта ночь,
Как мрачна эта темень.*

В самое трудное время поддержали Воронову, увы, не земляки, а братья-писатели из Москвы, Ленинграда и Мурманска. Первым вступился за неё бывший радист атомохода «Ленин» Виталий Маслов, который воскресил в своих романах порушенную жизнь поморов. Потом откликнулся Владимир Санги. В Ленинграде доброе слово в защиту саамской поэтессы сказал академик Дмитрий Лихачёв. Ну а дальше началась цепная реакция. Известный песенник Николай Доризо даже сочинил в честь Октябрины Вороновой стихотворение «Родной язык». Он писал:

*Я не хочу,
чтоб Пушкина язык,
Язык Некрасова,
Тургенева,
Толстого,
Как бы могуч
он ни был
и велик,*

*Заменой стал бы
языка другого,
Того, что с материнским
молоком
Приходит
к малым детям
от рождения.
И пусть
сегодня
говорят на нём
Всего одно, а может, два
Селенья,
Родная речь моя,
я так горжусь тобой,
Обогатившей
род наш человеческий.
Но пусть
веками
мощный твой прибор
Не захлестнёт
слова саамской речи.
Любой язык
по-своему велик –
Бесценное
наследство вековое.
Так берегите
свой родной язык,
Как самое
на свете
дорогое.
Да не угаснет
ваших предков речь!
И я прошу вас,
малые народы,
Не просто
в книге
речь свою
беречь,
А в Красной книге
матери – природы.*

Когда Куруч поняла, что общественное мнение благодаря писателям резко изменилось, и причём не в её пользу, она тут же перешла в контратаку. В ЦК КПСС, Главлит, министерства, другие инстанции полетели всевозможные петиции. Цель была одна: любыми путями остановить выход книги Вороновой на саамском языке. И в какой-то момент власть дрогнула.

Свою роковую роль здесь сыграла Ассоциация кольских саамов. Она 16 сентября 1989 года заявила следующее:

«1. Считать вопросы создания саамской письменности компетенцией высоких научных инстанций, имеющих специалистов, занимающихся данными проблемами.

2. Считать действия Мурманского отделения Фонда культуры оскорбительными по отношению к саамской интеллигенции.

3. Обязать Фонд культуры Мурманской области ознакомить представителей саамского народа с материалами издаваемого сборника стихотворений.

4. Остановить издание сборника стихотворений Октябрьины Вороновой на иокангском диалекте.

5. Допустить, что на иокангском диалекте, не имеющем научного описания и не являющемся базовым для создания письменности, стихотворения Октябрьины Вороновой могут быть изданы как образцы саамской речи в транскрипции».

Власть, видимо, решила, что за Ассоциацией кольских саамов стоял чуть ли не весь саамский народ. В реальности же данная организация выражала личные интересы всего нескольких амбициозных человек, которые претендовали на лидерство в национальном саамском движении, рассчитывая при этом получить поддержку у саамских организаций Норвегии. И эти несостоявшиеся вожди добились своего: типография печатание сборника стихов приостановила. На саамском языке Воронову издали уже после её смерти.

Теперь несколько слов о другой проблеме – о переводах. Вороновой ведь и в этом плане тоже не повезло. С языка оригинала её в конце 1950 – начале 1960-х годов переводил только Георгий Керт, нуждавшийся в образцах саамской речи и текстах саамских сказаний. Поэты же всегда переводили её по подстрочникам, которые Воронова делать так и не научилась. Из-за этого многие редакторы думали, будто основоположница литературы кольских саамов застряла в своём развитии, оставшись на слабом ученическом уровне. Отчасти это обманчивое впечатление попытался разрушить Владимир Санги. Это он в 1980 году свёл в Ялте на втором семинаре писателей Севера в одну компанию двух лингвистов и поэтов эвена Василия Лебедева и юкагира Улуро Адо, бывшую саамскую учительницу Октябрьину Воронову и опытного версификатора из Гурзуфа Леонарда Кондрашенко. Так вот, Лебедев и Улуро Адо слышали в саамской речи Вороновой многие созвучия своим языкам. Они уловили в стихах Вороновой не только какие-то необычные ритмы. Два поэта из Якутии открыли для себя новый характер. Этими своими наблюдениями Лебедев и Улуро Адо тут же поделились с Кондрашенко. Они растолковали ему, что к чему в стихах Вороновой. Беда в том, что Кондрашенко оказался не в состоянии увиденное и услышанное адекватно передать. Он продемонстрировал неплохую технику стихосложения, но так и не понял душу лирической героини Вороновой. Север оказался не его стихией. Ему не хватило полёта фантазии. Переводчик стал заложником своего ремесла.

Потом в Мурманске с Вороновой довольно-таки долго работал Владимир Смирнов. Он был очень хорошим человеком и отлично знал, что такое Север. Только вот поэт из него так и не вышел. Соответственно и переводы у Смирнова были никакие.

Воронова до последнего надеялась, что встретит серьёзного поэта, который поймёт и

адекватно передаст её боль. Однако судьба распорядилась иначе. В середине июня 1990 года поэтессе вдруг стало плохо. Сын вызвал «скорую помощь». Воронову увезли в Апатиты. Но спасти её не удалось.

Воронова умерла 16 июня 1990 года. Похоронили её в Ловозеро.

Сразу после этого беда случилась на Новгородчине. Там неожиданно пропал муж дочери Вороновой: он на минуту вышел из дома и не вернулся. В уголовном розыске оказались бессильны. Человека так и не нашли. А ещё через полгода вдруг уже на Севере трагически погиб младший сын поэтессы. И что за рок обрушился на семью Вороновой, непонятно.

Незадолго до своей смерти Октябрьина призналась:

*Хочу остаться на земле
Хотя бы искоркой в золе,
Хотя б в скутом рассвете дня,
Чтоб дети помнили меня.*

Она осталась стихами и саамскими учебниками.

Художник Николай Ковалёв

Вячеслав Вячеславович Огрызко родился 28 июня 1960 года в Москве. Детство провёл в Магадане. В 1984 году окончил исторический факультет Московского педагогического института имени В.И. Ленина. Автор двухтомного биобиблиографического справочника «Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока», биографического словаря «Североведы России», книг о творчестве хантыйского прозаика Еремея Айпина и чукотской поэтессы Антонины Кымытваль, историко-литературного исследования «Песни афганского похода», других работ. В 2001 году основал серию книг о литературах малочисленных народов Севера. В 2004 году стал главным редактором газеты «Литературная Россия».

ПОТЕРЯВШЕЕ ВРЕМЯ СЧЁТ

ПО ПОВОДУ ИТЕЛЬМЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Скачет, скачет оленями время,
На глазах перелесок растёт.
Где же ты, ительменское племя,
Потерявшее времени счёт?
Где же ты, непокорство познавшее?
Где раставший нартовый след?
Точно листья осенние, павшие,
Племя стынет от горестных бед.
Нелли Суздадова, «Ительменское племя»*

Если говорить об ительменской литературе, то можно сказать, её практически нет. Есть несколько совсем маленьких книжек с ительменскими сказками, стихами по мотивам ительменских преданий. Как, например, Г.Поротова, Т.Лукашкиной, Н.Суздаловой. И лишь две, опять же маленькие, детские книжки К.Халоймовой «Детям Кутха» и Т.Гуторовой «Эльвель». Тексты в последних напечатаны параллельно на русском и ительменском языках.

Георгий Поротов — очень интересный писатель, тонко давший специфику жизненного уклада, особенно в центральной Камчатке. Но не знаю, по каким причинам в его книгах нет и намёка на то, что, например, ительменский язык, а значит, и литература нуждаются в поддержке, сохранении и развитии. В его время это было возможно — ещё было много носителей языка, сохранявших даже оттенки говоров тех мест, откуда они были родом, то есть до укрупнений населённых пунктов в 1950–60-е годы. Он был также одним из тех, кто мог свободно ездить по всему полуострову, собирая фольклор, готовя многие художественные коллективы к смотрам на областном и других уровнях. Я думаю, в большей степени тут вины его нет.

Ительменов, в продолжение политики царской России, в 1926 году «научно обосновав», официально отделили от камчадалов, то есть всех, кто называл себя камчадалами, записали русскими. В 1930-е годы для ительменского языка был создан алфавит на латинской основе, учить же два алфавита для большинства неграмотных было весьма затруднительно. Начиная с 1950-х годов их в очередной раз оторвали друг от друга, закрывая маленькие «неперспективные» сёла. Общение между собой стало невозможным ещё из-за того, что Камчатка всё больше и больше становилась закрытой зоной.

Ительменский язык до конца 1980 годов, т.е. до создания алфавита, когда за основу была взята кириллица с дополнительными буквами, в школах не преподавался. Детей забирали в интернат, даже если их родители жили в том же населённом пункте. Усугубляет ситуацию и то, что многие в России и даже на самой Камчатке часто обвиняют ительменов/камчадалов в том, что они не говорят на родном языке. Учёные при этом пишут слово «утратили», не объясняя, что утрата более 300 лет происходила насильственным путём.

Эти вкратце изложенные факты общеизвестны, но их всегда необходимо держать перед глазами, чтобы понять, почему до сих пор у ительменов практически нет литературы на родном языке.

Разобщённость среди ительменов/камчадалов наблюдается намного чаще и

нагляднее, чем среди других камчатских аборигенов. Может быть, оттого, что мы «хотели как можно быстрее раствориться в новой для нас цивилизации»? Это также не способствует развитию литературы, как это происходит, например, в последние годы у их соседей коряк, чукчей, нивхов.

Но, может быть, свой короткий рассказ я должна была начать с другого?

Например, с того, что ительмены, не имевшие письменности, были большие любители пения, плясок-танцев, комедий, подражания ветру, птицам, рассказов о Кутхе... Это хорошо заметили ещё в XVIII веке С.П. Крашенинников и Г.В. Стеллер: «этот весёлый народ более других склонен к музыке... кантаты Орландо Лассо... по приятности хуже, чем арии ительменов...»

И до сих пор можно не уставая наслаждаться песнями и любоваться танцами ительменов.

Но вернёмся к литературе.

«Поротов был камчатским поэтом» — так выразилась одна ительменка из Коврана. Он писал на русском языке стихи, поэмы, пьесы по корякским, ительменским, эвенским мотивам. Его произведения, в советское время выходившие тоненькими книжками, а в 2003 году собранные в двухтомник, читаются и поются с большим удовольствием на Камчатке. В память о нём проводятся Поротовские чтения в клубах, школах, библиотеках.

И действительно, как только возьмёшься за его книги — не оторваться. Будь то по-

весть в стихах «Ое», или поэмы «Эльвель», «Крылатый Кутх, или Песнь о любви», пьеса «Кутх и мыши»... романы, один из них называется «На околице Руси». У него есть цикл стихов, посвящённый встречам человека с медведем, – и с каким юмором они написаны!

«... Ох ты, паря, и неловкий.
// Дай-ка лапу, помогу! //
Хватъ с размаху и опешил: //
То ль смеяться, то ль реветь?
// Правда, лапу дал Парфеше,
// но не Сеня, а медведь!..»

Или: «Дело было у Шером, //
вышло это летом. // Случай
тот не взять пером, // Будь ты
и поэтом...»

Или: «Румянится Завина¹, //
Вновь Балагидгу² ждёт... // Но
он ушёл на Север // Студить
бродяжью кровь ... // О, по-
свист оголтелый // Просту-
женных ветров // Туманится
Завина, // Темнеют небеса. //
Упала на долину // Из облака
слеза».

Выше я упоминала о двух книжечках на ительменском и русском языках. Одна из них – Клавдии Николаевны Халоймовой «Детям Кутха», изданная в 1994 году Фондом компенсации (в пользу народов Севера). Во вступительном слове А.Белашов пишет: «...издана ПЕРВАЯ книжка на языке ительменов. Автор и издатель с большим волнением опускают первый бумажный кораблик национальной ительменской литературы на родном языке в ручеёк-родничок, который, они надеются, превратится в полноводную реку».

Это же издательство в 1995 году выпустило ительменскую легенду «Эльвель», написанную Татьяной Евстроповой Гүторовой. Красивая легенда! Г.Поротов в своё время был под большим впечатлением от прочитанной легенды и написал поэму в стихах с тем же названием «Эльвель».

В 1995 году Фонд компенсации выпустил книжечку

Нэли Суздаловой «Огненная шаманка», но стихи и сказки написаны автором только на русском языке. Пишет ли она на ительменском, мне неизвестно, но я слышала, что Н.Суздалова ведёт уроки ительменского языка в кружке.

В газете «Абориген Камчатки» в 2002 году было выпущено приложение на ительменском языке «Итэнмэнин крвэлхатас» (да простят меня ительмены за неправильное написание – здесь нужны дополнительные буквы). После большого перерыва в 2009 году в каждом номере газеты эта страничка была продолжена. Здесь печатается словарь с картинками и сказка на русском и ительменском языках. А ведёт её Виктор Рыжков, преподаватель ительменского языка в ковранской школе.

Ительмены, как и многие народы Сибири, славились рассказыванием сказок. Во время экспедиции 1910–1911 годов Вальдемар Йохельсон собрал ительменские сказки, выпущенные в 1961 году в Лос-Анджелесе Д.С. Уортом: «Kamchadal Texts Collected by W. Jochelson», а в 1964 году словарь западных ительменов: Dictionary of Western Kamchadal.

Частично они были переведены на русский язык Александром Павловичем Володиным и изданы в книге «Сказки и мифы народов Камчатки и Чукотки» в 1972 году. Но, к сожалению, они до сих пор не изданы на ительменском языке, потому что носители языка – в основном люди старшего поколения. Им трудно читать тексты на латинской основе.

В 1996 году Джонатан Бобалик из Кэбриджа (США) выпустил самиздатским образом книжечку «Сказки, легенды и рассказы Ительменов Камчатки». Тексты в ней даны на ительменском с подстрочным переводом на русский. Но, я думаю, книжка имеется только у тех, кого Бобалик знает лично.

В завершение мне хочется упомянуть о книге Ливерия Фёдоровича Спешнева «По древней шахме ительменов». В своей книге он доказывает, что «ительмены и камчадалы – это один и то же народ, анализирует попытки разрешения национальной трагедии ительменов, делает предложения о путях вывода ительменского народа из кризисного состояния, возрождения и дальнейшего развития». Он до конца своей жизни (2008 г.) призывал ительменов и камчадалов преодолеть национальный раскол, чтобы породить «народ, который называет себя ласковым и сказочно-красивым именем – ИТЕЛЬМЭНЫ».

Литература

С.П. Крашенинников, «Описание земли Камчатки», 1949

G.W. Steller, «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» Stuttgart 1774, Бонн, 1996

Г.В. Стеллер, «Описание земли Камчатки», Петропавловск-Камчатский, 1999

К.Н. Халоймова, «Детям Кутха», Петропавловск-Камчатский, 1994

Т.Е. Гүторова, «Эльвель», Петропавловск-Камчатский, 1995

Н. Суздалова, «Огненная шаманка», Петропавловск-Камчатский, 1995

D. S. Worth, «Kamchadal Texts Collected by W. Jochelson», Los Angeles, 1961

D. S. Worth, Dictionary of Western Kamchadal, Berkeley and Los Angeles, 1964

«Сказки и мифы народов Камчатки и Чукотки», 1972

«Абориген Камчатки», 2002: № 1, 2009: №№ 1–6, Петропавловск-Камчатский

Л.Ф. Спешнев, «По древней шахме ительменов», Петропавловск-Камчатский, 2008

Д. Бобалик (J. Bobaljik), «Мэз'ин Амнэ'л. Сказки, легенды и рассказы ительменов Камчатки», 1996

Тьян ЗАОЧНАЯ

г. МЮНХЕН
15 ноября 2010 г.

¹ Завина (ительм.) – богиня зари

² Балагидга (ительм.) – повелитель ветров

ЖИЗНЬ

ПОСЛЕ СМЕРТИ

Фильму «Овсянки» Тарантино 15 минут аплодировал стоя

Сразу скажу, ни один из создателей фильма не принадлежит к народности меря. Денис Осокин, автор романа «Овсянки», лежащего в основе фильма, говорит, что изначально «Овсянки» задумывались как книга о похоронах жены, а тема меря появилась не сразу. Он не старался в точности соблюсти и культурологическую сторону вопроса, точность передачи обрядов. Он хотел, во-первых, показать отношения между людьми, между мужчиной и женщиной, и, во-вторых, рассказать об исчезновении целых народов. «Этот фильм весь построен на энергиях. В нём очень много метафор, и его не стоит воспринимать слишком буквально», — объяснил сценарист. «Овсянки» — любимая книга автора, выстраданная им, пропущенная сквозь личное отношение к героям.

Д.Осокин: Трагическая ситуация, изображённая в кни-

В особняке купца Носова состоялся просмотр фильма Алексея Федорченко «Овсянки». Событие это знаменательно тем, что в этот день премьера фильма состоялась в России и во Франции, и только в особняке купца Носова, на встречу с финно-угорской аудиторией, приехали кинорежиссёр Алексей Федорченко и автор сценария, казанский писатель Денис Осокин. Этому фильму 15 минут стоя аплодировал Квентин Тарантино. Фильм завоевал в Венеции приз кинокритиков мира, приз экуменический и приз оператору Михаилу Кричману.

ге, осветлила самые важные, заветные энергии. И меря выступают большой метафорой самого важного для каждого из нас. Я во всех своих обозримых поколениях русский. Именно поэтому я обратился к проблеме ассимиляции. Мы ассимилируем другие народы...

Алексей Федорченко, по сути, открыл для финно-угорского кино международную страницу. При этом фильм получил приз католической церкви и Гран-при арабского

фестиваля кино за воспевание любви. По словам Федорченко, это тем более необычно, что в нём есть «нетрадиционные даже для европейского кино сцены».

На этих сценах стоит остановиться детальнее. Поскольку имеется в виду то, что главная героиня появляется на экране обнажённой в роли усопшей, или веретенницы, как говорят меря. Зритель видит несколько полноватое тело молодой женщины, которое, согласно древнему погребальному обряду меря, об-

мывают и украшают цветными нитями. Тут же нам рассказывают историю о том, что такими нитями обычно убирают невесту, вплетая их в женские волосы, и показывают, как подружки невесты привязывают к волосам на её интимном месте цветные нити. Затем следует пояснение, что жених в первую брачную ночь расплетает эти нити и утром привязывает их к ветвям ольхи. Обряд красивый и необычный, и вид обнажённого тела не смущает зрителя, поскольку речь идёт о народной традиции. Тонкая грань между порнографией и искусством сохранена авторами фильма «Овсянки», что очень редко, к сожалению, удаётся авторам современного российского кино.

Чем ещё примечателен этот фильм, так это насыщенностью, теснотой кадра, искренностью интонаций. Зритель находится на пересечении сюжетных линий, в гуще событий. И даже трудно сказать, кто является главным героем – рассказывающий нам свою историю Аист Всеволодович, директор, у которого умерла молодая жена Танюша, или редкие, практически исчезнувшие птицы овсянки, которых Аист только что приобрёл на птичьем рынке... Ни у кого из героев фильма нет потомства. Аист вообще не-

Эндрю МЕРЯНЬ

женат. Погребальный обряд – это, по сути, всё, что осталось от самобытности меря. Аист вспоминает, что и его чудак-отец, который писал никому не нужные, смешные стихи, тоже не был большим знатоком мерянского фольклора. Он мечтал утонуть, потому что это у меря считалось самой достойной смертью, обещающей соединение с близкими и родственниками, а значит, бессмертие. Однако сами они никогда не топились, считали это слишком низким поступком. И когда находят утопленников, их отдают реке: кого выбрала река, тех ей же и возвращают. Тема воды, утопления звучит в фильме несколько раз, даже с

некоторой настойчивостью: после сожжения тела усопшей и развеивания её праха над водой герои никак не могут вернуться домой, в полузаброшенный посёлок Нею, их тянет к месту захоронения Танюши; отец Аиста отдал реке самое дорогое, что у него было, – печатную машинку.

Овсянки, которых Аист взял с собой в эту необычную поездку, весело прыгают в клетке, сопровождая героев. И только в какое-то мгновение они притихли, затаились, и герои, решив, что эти умные птицы умеют исполнять желания, загадали себе бессмертие...

Вдруг начинаешь понимать, что смысл бессмертия – в оставленной на земле памяти о себе. Иносказательно авторы фильма дают нам понять, что директор обрёл своё бессмертие в соединении с прахом жены, а Аист – в том, что отстучал эту историю на вновь обрётённой печатной машинке отца. И помогла героям стать бессмертными любовь. Та безграничная любовь, которая соединяет судьбы людей и целого народа, которая теплится в народных обрядах и традициях и не угасает после смерти, потому что в волнах великих финно-угорских рек смерти нет: вода дарует жизнь, и в ней же эта жизнь продолжается после смерти.

Лидеры ФУ, орг. и кинодеятели

Ирина ЛОГВИНОВА

Несмотря на водовороты,
поток времени неуклонно
стремится вперед...
Г. Уэллс. «Машина времени»

Из Записной книжки № 12

Ледовая работа. 1963
Остров Врангеля. 1963
Амгуэма
Плавание на Восток на байдаре
Магадан. 1965

ЛЕДОВЫЕ РАБОТЫ. ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

31 января – 19 июня
1963 г.

Рост транспорта – это повышение «цены времени».

Январь 1963
Документ № 1*

СССР
Министерство Внутренних дел
Магаданская обл.
(республ., кр., обл.)

Паспортный отдел
(отд. милиции города, района)
31 января 1963 г.

ПРОПУСК

Разрешается гр. Куваеву Олегу Михайловичу,
(фамилия, имя, отчество и год рождения)
1934 года рождения

въезд и проживание: в М.Шмидта, о.Врангеля, Ванкарем, Узден,
Лаврентия, Провидения, Эгвекинот, Анадырь, Нешкан, Чаплино Маг. Обл.
Цель поездки: на временное жительство

Вместе следуют дети, не достигшие 16 лет: -
(указывается имя и возраст каждого ребенка)

Действителен при предъявлении паспорта: XI-РА № 506266 3.02-56
(серия, № паспорта, кем, когда выдан) Костинским ГОМ Моск. обл.

Срок действия пропуска: по 01 сентября 1963 г.

Начальник Паспортного отдела УООП Магаданского облисполкома:
{Подпись и печать}
{Обратная сторона пропуска}

ПРАВИЛА

1. Пропуск дает право на въезд в тот населенный пункт, который в нем указан. В случае вынужденной остановки в пути следования в другом населенном пункте запретной пограничной зоны или пограничной полосы, об этом немедленно должно быть заявлено остановившемуся лицом в местный орган милиции, а там, где его нет, - председателю сельсовета.
2. По прибытии к месту, обозначенному в пропуске, прибывшее лицо обязано в суточный срок с момента прибытия сдать свой пропуск и паспорт ответственному за прописку лицу (управляющему домом, коменданту общежития, администрации гостиницы, санатория, дома отдыха или специально на то уполномоченному) для представления в орган милиции или на прописку паспорта в данной местности.
3. В случае утраты пропуска об этом должно быть немедленно заявлено в ближайший орган милиции по месту пребывания.
4. Лицо, получившее пропуск, но не могущее по каким-либо причинам использовать его, обязано сдать пропуск в орган милиции, выдавший его.
5. Лицо, нарушившее правила въезда и передвижения в запретной пограничной зоне или пограничной полосе, подлежит ответственности по закону.

С правилами ознакомлен(а): Куваев
(подпись)

Моск. печ. ф-ка Гознака. 1960

Февраль 1963
Документ № 2

Подлежит возврату через командированного

СССР
АКАДЕМИЯ НАУК
Сибирское отделение
Северо-Восточный Комплексный
Научно-исследовательский институт

1 февраля 1963 г.
К № С/т-25
г. Магадан
ул. Сталина, дом 11

ПРЕДПИСАНИЕ

Фамилия, имя, отчество: Куваев Олег Михайлович
Младший научный сотрудник командировается
(должность)
в Чуанское
(наименование организации, куда)
для ознакомления с материалами геофизических и
(командируется)
топографических работ с правом выписок и выкопировок
(указать, с какими работами и документами ознакомиться)

Срок действия с 5 февраля по 15 августа 1963 г.

Директор СВКНИИ
{Подпись и печать}

91

Февраль 1963
Документ № 3

Форма третья

СССР
АКАДЕМИЯ НАУК
Сибирское отделение
Северо-Восточный Комплексный
Научно-исследовательский институт

1 февраля 1963 г.
№ С/т-25
г. Магадан
ул. Сталина, дом 11

Тов. Куваеву Олегу Михайловичу

Предоставлено право доступа к работам и документам согласно распоряжению руководителя учреждения, предприятия.

Справка действительна до 15 августа 1963 г.

Ст. инспектор первой части (ИОНОВ)
{Подпись и печать}

93

Февраль 1963
Документ № 4

СССР
АКАДЕМИЯ НАУК
Сибирское отделение
Северо-Восточный Комплексный Научно-Исследовательский
Институт

г. Магадан ул.К.Маркса 11/14 Телефон 57-55

№ _____ « » _____ 196 г.

ДОВЕРЕННОСТЬ

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт доверяет своему сотруднику Куваеву Олегу Михайловичу заключение договоров на аренду авиатранспорта, собачьих упряжек, вельботов, автомашин, аренду жилых помещений для экспедиции. Оплата за услуги будет проведена с р/с № 112002 в Магаданском городском отделении Госбанка.

Заместитель директора института (И.П. Темченко)
Главный бухгалтер (С.В. Конашевич)

{Подпись и печать}

5 февраля 1963 г.

R// - <к роману – СГ>

Гибель самолёта

Сегодня прилетели в Апапельхино. В Магадане было –2°C, шёл снег, и в аэропорту толпа северных пассажиров толкалась в шубах нараспашку и без шапок. В Сеймчане было уже холоднее, в Зырянке холодно, в Крестах мороз и в Певеке совсем мороз. Мороз. Ночь.

Мы прилетели в десять ночи. Самолёт приняли только потому, что с нами летел Попов – главный штурман Магаданской авиагруппы ГВФ.

Такой кряжистый кожаный старикан. Он летел в пилотской рубке, частенько выходил к пассажирам потрепаться. Особенно с детишками, видно, здорово любит детишек.

Летел он расследовать гибель певекского самолёта. Ли-2 шёл в Магадан с грузом оленьих шкур. Шли на высоте ходом, боковой ветер сбил курс на 15°. Вместо трассы попали в сопки. Самолёт струёй воздуха сбросило на пятьсот метров вниз и ударило в сопки.

Ночёвка в метеобюро

Спали в метеобюро. Куча радиоаппаратуры. Всю ночь стучали телетайпы, передавали закодированную информацию о погоде со всех станций востока.

Фототелеграфический аппарат принимает готовую карту. Карты составляют каждые девять часов. Они так и называются: девятичасовая карта.

Знакомый синоптик, который ещё когда-то работал на Пламенной, уступил свой диван. Часа в четыре утра я проснулся. За столом сидела девчушка лет восемнадцати, с пухлыми губами, в валенках и строила карту изобар. Потом появился какой-то парень с университетским значком.

От того, что рядом сидит такая девчонка, спалось хорошо.

В столовой в семь утра завтракали пилоты, рёв самолётов стоял в воздухе, и девчонка спала, положив голову на стол, спали и синоптики.

На улице было –38°C. Перистые облака висели над Чаунской губой, и в зимней дымке стояли хребты Янра-Паака.

Я подумал, что обо всём этом хорошо бы написать такой простой бессюжетный рассказ, про то, как все это было.

Типы, реплики, зарисовки и прочее

В автобусе

В автобусе Апапельхино-Певек. Холодно.

Я – старый чукча с Кавказа. Дядя Коля. Женщина – она как таракан. Ей бы только ус в щёлочку вставить. А там уже просто решить – пролезет или не пролезет.

Перебранка с попутчицей.

Певек... Все не завтракали.

– Эх! Обедать, видать, в Сеймчане будем.

– Молчала бы, знаешь ведь, что все не завтракали.

– Ты бы хоть девочкам уделил печенья.

– Им нельзя, у них талия.

– А у меня талии нету. Да и вообще за мной никто не ухаживает, разве только милиция иногда.

Автобаза 4 км Певек. Шофер за билльярдом:

– Владя, все пропьём, а морской флот не опозорим.

– Что ты как бельгийский конь.

– Какой?

– Бельгийский, копытами дрыгаешь.

Тётка пьяная кинула пустую бутылку в снег и сказала ей вслед: «Иди, отдыхай».

Разговор

– Он алкоголик?

– Ну да. Напьётся, а трезветь забывает. Ни разу не летал трезвым. Не испытал счастья быть трезвым в самолёте...

– Пока мы были припоясаны, всё шло хорошо. Но нас отстегнули, и началось хождение.

Митрофановна

Как родятся – так и годятся. – Вот какие девки нонче пошли.

– То ли к луку, то ли к болоту.

– Валька – простая.

– Лоторея-то дело хорошее. Покупать-то не приневоливают.

Певек. Новости

Певек дымен, грязен и здорово строится.

Новости: Знакомый ассенизатор попортил жену ножом. Бохан из КПБ сошёл с ума и застрелил жену из малопульки. Такая была маленькая женщина, зубной врач, такого татарского облика. На лице следы операции пластической. Говорят, лицо в своё время ей породовали бендеровцы.

Сам Бохан тоже был неврастеником из-за охоты на бендеровцев. Сейчас он в сумасшедшем доме. Своеобразные следы войны.

Заходил к Гешке Видмиденко. Короба занесло, и там проделаны туннели. А в комнате у него сидит такая чудо-хохлушка с мохнатыми глазами и смущённой улыбкой.

Женился Гешка! А зовут её, наверное, Галя. Интересно бы узнать, как зовут её на самом деле.

Ожидание самолёта

Самолёт не пришёл. Сегодня из Магадана вылетает Максимов. Позвонил в Апапельхино – связи с самолётом не имеют. Телеграф закрыт. Удалось связаться с радиометцентром, и они взялись передать следующую телеграмму:

Пункт Апапельхино

Взлётная полоса

Стоянка

100 м

Пункт Шмидта

Взлётная полоса + 1,1 мгл.

Взлётная полоса

Службы

Начальник аэропорта. Прошу передать пеленг Рита 211 Максимову, что ему необходимо сойти в Певеке для получения самолёта высокоширотной экспедиции.

6-7-8-9 февраля 1963 г.

Р// - <к роману – СГ>

В Певеке все эти дни стоят морозы. Сегодня утром было небывалое: -50°C. Морозный туман висел на улице. Машины шли с зажжёнными фарами. Морозный туман очень густ и фары не пробивают его.

Видимо, зимою были сильные «южаки». Дома с южной стороны по крыши сравняло с коробами, и люди ходят по тоннелям, вырубленным внутри снега. Иногда в этих тоннелях бывают боковые коридоры для входа в дом.

А самолёта всё нет. Послал Сергея в Апапельхино. Он вернулся с отмороженным пальцем. Нет ни телеграмм, ни ответов на телеграммы.

Д// - <к рассказу – СГ>

Врач Рюрик

Сегодня местный врач-фтизиатр Рюрик рассказал мне о необычайной живучести одного больного. У него нет одного легкого, от второго половина и плюс ко всему воспаление этой половины, и он всё ещё живёт девятнадцатый день. По всем канонам жизни ему не более чем на три дня.

Кстати о Рюрике. Прошлый год он красил дома после работы, нынче кончает курсы шофёров и собирается взять отпуск и во время навигации шоферить. Так зашибает человек деньги на «Волгу».

11 февраля 1963 г.

Связь. Потерялся Максимов

Обратился на радиометцентр с просьбой провести сеанс связи с Крестами. Начальник

Чукотка. 1961–1962 гг. (Три человека у самолёта делают измерения. О.Коваев крайний слева)

смены оказался полным, очень любезным и понимающим человеком.

В комнате, на три стены забытые аппаратурой, сидели технические скептические девицы. Девицы связали быстро. Кузьмин ответил: «Самолёт готов. Апапельхино не принимает». Максимов где-то потерялся.

Южак всё дует...

Вчера был отчаянный южак. В кино смотрели «Рокко и его братья». Вышли, и дядю Колю унесло в бухту. Были на нём туфли с кожаными скользкими подмётками. Южак перегоридил коробки снежными китами метра в три высотой.

Сегодня с ночи тоже начался южак. Дорогу в аэропорт перемело. Автобус не ходит.

12 февраля 1963 г.

К вечеру вчера стихло. Ночью южак. Расчищенную дорогу перемело снова. День был тихий. Сейчас двенадцать ночи. Задует южак. Из середины посёлка сообщили, что со здания ЧЧГРУ <Чаунского отделения Чукотского геологоразведочного управления – СГ> сносит крышу.

Значит, завтра снова дорога будет заметена. Единственный транспорт, который ходит, – вездеходы!

Серёга целыми днями пропадает в мастерских. Точит ножи. Сделал заготовки великолепных мачете с обухом толщиной в полсантиметра. Сейчас пошёл делать заготовку под оптику. Оптику ставить трудно.

Я подумал: много ли надо человеку для счастья? – Винтовка с оптикой, длинный нож и полгода вольной жизни впереди. Хорошие брезентовые штаны да горные ботинки.

А южак всё дует.

13 февраля 1963 г.

Встреча с Максимовым

С утра был план: до трёх часов звонить на Апапельхино, после трёх снова связываться по радио с Крестами. В два часа дня сообщили: «Прибыл самолёт».

В Певеке дул слабый южак, связи с Апапельхино не было. Решили идти пешком восемнадцать километров. На выходе из посёлка встретили Алика Максимова. Он приехал на попутке встречать нас.

Экипаж. Командир Леонид Иванович

Познакомились с экипажем. Экипаж бывает из пяти человек. Оборудована «Аннушка» для высокоширотных полётов.

Командир Леонид Иванович... бывалый лётчик, каждый год участвует в высокоширотных экспедициях. Участвовал в спасении станции СП-8, когда у них раскололо льдину где-то возле Гренландии. Станция была большая: с дизелями, тракторами, деревянными зданиями и т.д.

Многолетние льдины толщиной 8–9 метров полопались, разрывая напополам дома, палат-

ки, разорвало антенну и т.д. Осталась ровная льдина размером в 120х20 метров. С неё и вывозили людей самолётом Ан-2, так как никакой другой сесть не мог.

Ан-2 гнали из Крестов. Шли по заготовленным большими самолётами подбазам. Летели иногда часов по семнадцать в сутки. Ил-24 шли несколько тысяч километров только затем, чтобы привезти пару бочек горючего для Ан-2. Отвозили только людей и секретное оборудование за сто километров, откуда их уже забирали большие самолёты.

О том, как увидели медведя за торосом и пошли на него всем экипажем, только штурман забрался наверх и кричал «правее», «левее».

О том, как убили медведя и ободрали его, а собака начальника СП Кукла лаяла на этого медведя двое суток подряд.

Женя Федоровский жил в одной палатке с Леонидом Ивановичем.

Леонид Иванович рассказал о птицах, весной встреченных в полыньях к северу.

Остров Шалаурова забит снегом. Всё море по дороге исполосовано полыньями.

Воздушная яма около мыса Шелагского. Там погибло уже два самолёта. Мы обошли мыс морем, потом на малой высоте пошли на Валькаркай.

Видел ребят-полярников на М-Б и Валькаркае.

15-16-17 февраля 1963 г.

Посадки на лёд

Мыс Шмидта. Холод. Реактивные самолёты. Уютная деревянная гостиница с коврами. Аэропорт. Построили новый дом, и тут же старый забило выше крыши.

12 февраля замёрз тракторист в семи километрах от посёлка.

На сей раз с нами летят уже двое проверяющих.

Пролив Лонга. Лёд восторошен, между белыми многоугольниками старого льда синие пятна льда молодого.

В какой-то степени структура морского льда напоминает образование структуры земной коры.

Во время посадки нас предупредили смотреть за лыжами, не покажется ли вода. В случае воды надо громко кричать «Вал!» От толчка самолёта льдину развернуло. Всего сделали шесть посадок. На одной из посадок льдина под самолётом треснула.

Очень трудно замерять, так как лёд «дышит». Вот, кстати, и ответ на мой вопрос: куда деваются приливы и отливы в замерзшем море.

Остров Врангеля

Горы кажутся уступчатыми и совсем уступами сбегает к морю.

Тундра Академии

Летали на двести километров к северу. Сделали восемь посадок на дрейфующий лёд. Лёд

весь передроблён. Одну посадку выбирали сорок минут. Чтобы узнать ветер, на лёд кидаются дымовые пашки.

Бортинженер встаёт у приоткрытой двери, пашка готова. Его предупреждают: первый сигнал – приготовиться, второй – сброс.

Первый сигнал – приготовиться, второй – сброс. И так много раз. Дым коричнево-чёрный стелется по льду. Самолёт грохочет и, подпрыгивая, заворачивает.

«Ну его к лешему, летать на ледовых. Сто часов в воздухе. Ванкаремы, океаны, материки...»

Расчёт затрат: (выборочно – С.Г.)

Аванс 600 р.

8 рублей	(отвальная пьянка)
10	патроны
2.50	страхбор
5.0	Сеймчан, буфет
6.0	завтрак, ужин в Крестах
6.0	две бутылки водки
5.0	аптека
42	на прилёт и день в Крестах
100 рублей	рыба

из них 142 личных с Куваева

12.02 Остаток 408 рублей

На Куваева 6 р. за книги и ручку

23.02 После Врангеля 225 р.

25 р. на Максимова

Остаток 195 р.

18 февраля 1963 г.

Посёлок Ушаковский.

«Встречают солнце»

Толпа смотрит с обрыва. Очень много цветного. Можно назвать это фото: «Встречают солнце». И впрямь было жёлтое солнечное утро над Врангелем. Радист принимает сообщение «Шмидт пурга, Певек пурга, ветер 17 м/сек». Только над островом Врангеля солнце.

С запада виден остров Геральд. Обрывы. Кто-то говорит: «Гусей здесь много».

о. Врангеля. 1962–1963 гг. Олег Куваев в кухлянке, на нарте, в руках ружьё, справа лежат собаки

Точка между мысом Пиллар и мысом Уэринг. Наверху на обветшавшем тригопункте. Об обветшавших тригопунктах. Молча стоят они десятки лет, и всегда <без> людей, кроме случайных экспедиций.

Коса Бруч. Развалины. Жил охотник, а теперь в занесённой снегом избушке нора песка или лисицы. Очевидно, эта избушка брошена лет десять тому назад.

Изба обнаружена западнее. Жилая. За ночь севернее Врангеля образовалось разводе километров на тридцать.

Командир спросил:

— Очень ли нам нужна та точка в семидесяти километрах?

Я сказал:

— Очень. Гиперборея требует.

Карта острова

В книгу надо будет сделать от руки зарисовку острова. В духе старых добрых пиратских карт. Область вокруг острова должна быть зарисована стилизованными фигурками белых медведей и надпись: «Сплошные белые медведи. Очень страшные».

Остров Геральд — необитаем. Избы и т.д. Эта карта как бы продукт облёта.

Сова и медвежата

Сосед — представитель «Зооцентра». Шакин Иван Акимович. Очевидно, сектант.

Получил сегодня радиограмму: «Песцов не надо, нужны совы».

— Совы нужны, — говорит он. У него живёт одна. Грязная и сердитая. По ночам она то гукает, то свистит, то клекочет. Днём очень тяжело, как человек, ходит по полу. Он её гладит по шее. Сова довольна.

Прошлый год он отвёз в Москву восемь медвежат и четырёх песцов. Один песец дорогой исчез. О нём сообщили через неделю. Нашёлся в хвостовом отсеке Ту-104, на котором их везли. Был живой. Песцов в Москве не приняли. Были они майские, линиялые и клочкастые.

Привезли медвежат. Вначале двух, потом Косаковский — охотник белок — привёз ещё трёх. Потом бригада Накаун Увелькот и другие привезли ещё шесть штук.

Накаун приехал вместе с Ушаковым. Угловатый пожилой эскимос с угловатым лицом. Ему 56 лет, на голове почти нет седых волос, и он хорошо ездит бить медведей.

Мать Коли Евалеж тоже приехала с Ушаковым. Рассказывала, как они подходили вначале к Геральду, потом к мысу Гавай I и Гавай II, потом лишь в бухту Роджерса. Был туман.

Ушакова вспоминает хорошо. Помнит Минеева и Семенчука.

Медведица ложится в берлогу в снежных обрывах. Очень много берлог на обрывах одиноко стоящей горы Дрем-Хед.

— Прямо друг на друге, — говорит Накаун.

Один охотник убил высунувшегося медведя. Глубина берлоги была несколько метров. Он

спустился туда по верёвке. Привязал к ней шкуру и медвежат. Потом по верёвке вылез и вытащил шкуру и медвежат. Если бы верёвка порвалась, он остался бы в берлоге, так как стены её обледелели.

Числа 10 марта медвежата уже большие. Числа 20 все берлоги бывают открыты.

12 марта 1963 г.

Горы Минеева

Ходили 12 марта на горы Минеева. Забраться наверх можно только с помощью ножа или приклада карабина. Обрато с плато спускались ночью. Склон был заснеженный и крут. Ноги скользили. Спускались, тормозя прикладом карабина.

Алик Максимов сорвался, и его всё быстрее понесло вниз, раскручивая и подкидывая. Если человек не сумеет остановиться, то прыжки и броски становятся всё сильнее, и тогда затрепещат рёбра, позвоночный столб. Он раскинул руки и остановился в подвернувшемся пятне рыхлого снега за пару метров до камней, торчащих из-под снега. Мы с Сергеем тоже пару раз срывались, но карабин помогал затормозить.

Ночью у берега трещит и скрипит лёд.

26 марта 1963 г.

Пурга

Сегодня 26 марта. К этому времени должны возвращаться с зимовки охотники, и к нам должны прийти три упряжки.

Но третий день дует пурга. Вначале стало тепло, потом двое суток ветер крутил-искал, как здесь говорят. И нашёл! Скорость ветра 30 м/сек. Видимость метров пятнадцать. Можно около минуты просто стоять на улице и потом долго вытряхивать снег из шапки, карманов и т.д. За пару часов наружную дверь заваливает начисто.

Говорят, что такое может длиться с месяц. В январе была пурга со скоростью ветра около 60 м/сек. Выдавливало окна, срывало крыши. С длинной солдатской казармы ободрало метров двести квадратных железа. Его так и не нашли.

27 марта 1963 г.

Пурга, кажется, кончилась. В коридоре была щель внизу, шириной сантиметра полтора. Сквозь эту щель намело полный коридор снега. Ильич утром кричит сквозь стенку:

— Акимыч!

— Здорово!

— Кой чёрт здорово. Выходи откапывай.

Акимыч пошёл в бухгалтерию. Там полная бухгалтерия снега, и соседка-старушка сидит в углу комнаты. К ней тоже полкомнаты намело.

Ребята сыграли в дурака раз шестьдесят. Пришёл вечером Пергоед. Стали договариваться насчёт вездехода. Договорились: пол-острова — оклад. Вторая половина — ещё один оклад. Жаден хохол, ничего не скажешь. Серё-

га с тоски начал мыть пол. Грязи на полу сантиметров с десяток.

R// - <к роману – СГ>

Акимыч и сова

Он уходит к нам, она начинает гукать.

– Здесь я, здесь, – кричит ей через стенку Акимыч. Сова замолкает.

Он начнёт ей тихонько чесать горло и тихо приговаривать. Сова начинает часто мигать, прикрывать глаза плёнками, а потом преуморительно зевает.

6 июня 1963 г.

Спецрейс самолёта

Ночь. На землю падал редкий снег. Он был синий, потому что чёрная щебёнка просвечивала сквозь тонкий слой. Ветер гонял рябь по луже. Толевые бараки походили на зебры. На берегу торчат силуэты разбитых катеров. Велика сила моря, даже разбитые суда красивы.

Мне, кажется, никогда не забыть этой картины: лужи, мокрый толь барак, пятна последнего снега.

19 июня 1963 г.

Сегодня последняя ночь на острове. Спецрейс самолёта Ли-2 должен прибыть. А хитра очень коммерческая эта организация ГВФ.

Заказал спецрейс самолёта Шмидта-Врангеля-Шмидта.

Те быстренько отвечают, что хорошо бы оплатить и подлёт Кресты-Шмидта-Кресты.

Мы, конечно, отказались, тогда и они быстренько спасовали. Конечно, самолёт, хотя и оплачен, всегда идёт с загрузкой. Таким образом, ГВФ получает двойную выгоду.

Перкаткун

Заброшенный рудник. Гора вся в кекурах, и в довершении, множество кварца. Его так много, что склон кажется белым. Штольни, судя по рассказам, пробиты на северном склоне, а он прикрыт многометровым плащом снега. Мы нашли их устья по отвалам.

Был очень солнечный день, так что мы ходили в одних рубашках по штольне, а подошвы торбазов примерзали к полу.

Чешуйчатые кристаллы инея размером до пятнадцати квадратных сантиметров покрыли стены и потолок слоем толстым, как шерсть фантастического зверя. Толщина этого слоя была до полуметра. Странно, что при такой рыхлости он не обрушивался.

Хороших кристаллов найти не удалось, но нашли неплохие сколки в тех местах, где отбивали хрусталь от обычного молочного кварца.

Как шли с Перкаткуна в тумане и заблудились. Последняя кружка керосина. Гуси. Километровый снег.

R// - <к роману – СГ>

Работа в торбазах. Остров Врангеля.

Гуси

Канадский гусь имеет снизу чёрные ободочки перьев. Их видно только тогда, когда они летят. Необычайная упитанность весеннего гуся.

Зима. «Запрокинутый» обрыв в устье реки Советской.

Гусь прилетает числа 25 мая.

АМГУЭМА

**22 июня – 22 июля
1963 г.**

22 июня 1963 г.

Будущая трасса

Из Шмидта в Эгвекинот прилетели на случайном Ан-2.

Около бетонированной полосы Шмидтовского аэродрома стоит палатка. В стороне над костром висит чайник. Мы нюхом почуяли своих. Оказалось точно, забрасывается партия из Эгвекинота. На другой день к ним пришёл груз: три бочки бензина.

Мы летели и смотрели свою будущую трассу. В горах ещё лежит много снега, свинцовые жгуты рек извиваются среди этого чёрно-белого месива. Верховья Амгуэмы ещё покрыты снегом сплошь. Видимо, свежесвыпавший. Было 22 июня.

В заливе Креста только забереги. Удивительно резкая смена рельефа при переходе от триаса к меловым эффузиям. Здесь почти альпийский рельеф. Чёрные скалы, очень крутые склоны сопков.

Вчера я шёл ночью и думал о цвете летнего севера.

На море и в горах, я бы назвал его синим, фиолетовым и красным. Возможно, много *белого*, но белое не замечается. Замечается аномалия, но не фон. Сто раз правы Рерих и Кент. *[в том, что они взяли за основу аномалию, а не фон]*

Вместе с нами на Амгуэму летел бородатый беглец из полевой партии. Говорит, оголодал, ибо нет денег.

С самолётом им прислали несколько...

R// - <к роману – СГ>

Если брать журналиста, то надо брать Ливанова.

10 июля 1963 г.

Среднее течение Амгуэмы

Два дня назад убили оленя. Сейчас сидим на песчаном острове и вторые сутки спим да уничтожаем оленину.

От длительной спячки сон стал беспокойным, приходят в голову разные мысли.

Почему говорят об «утренней тишине природы» и о «вечерней тишине» её же?

Действительно, в эти часы на людскую душу сходит спокойствие.

Слав по Амгуэме. 1962–1963 гг.

Утром хорошо спится, вечером спокойствие усталости. Очевидно, это бывает потому, что в это время определяется исход очередной борьбы *дня и ночи*.

В часы утренние день уже победил, но духи его и тревоги ещё не действуют. Вечером уже победила ночь, но не началась ещё ночная вакханалия.

По ночам шум ветра, неравномерный плеск воды и грохот обрывающихся берегов.

Недалеко от палатки гнездо гуся. Яйца ещё почти не насижены.

22 июля 1963 г.

Устье реки Амгуэмы

У берега четвёртый день кружится лёд. Холодно. Северо-западный ветер.

Коса двух пилотов. Место их гибели в семи километрах вверх по течению. Фюзеляж, мотор «звёздочкой».

На конце нашей косы развалины яранги. Жил последний шаман Гамилькот. Всё заброшено, раскидано.

В четырёх километрах западнее группа могил. Заведующий факторией и три гидрографа, погибшие в 1939 году при входе в лагуну во время шторма. На медных табличках, как всегда у моряков, обстоятельно выбиты место, время и условия гибели (*<весна> о. Шалаурова*).

Выносные станции

ОПС – три человека.

Василий. Очень молодо выглядит. Воевал. Здесь выезжает с 1957 года. В прошлом году в августе льдом пригнало огромное количество белых медведей. Он насчитал тридцать семь штук в поле зрения.

Хорошие ребята. На наш конец косы приезжают на моторке, чтобы свозить нас в баню и т.д.

Ультрасеверное гостеприимство. Начальник, понимает, видимо, *<с испорченной женщиной золотозубой чек... – нрз.>* Всё говорит об отъезде на материк. Как только кончаются ночи, он бредит во сне всю ночь напролёт. – Сидишь за обработкой при лампе, а он всё бредит и бредит.

Эти выносные станции организовали после неудачной навигации 1956 года, когда чуть не встал вопрос о закрытии промышленности Северо-Востока.

Но стало известно, что пролив Лонга был открыт два раза: один раз восемнадцать, другой – тридцать два часа. Вот и сделали эту станцию. Станция Блоссом появилась ещё во время войны по инициативе полярников Роджерса.

Позавчера был мёртвый штиль. Истошные вопли гагар и пушечные раскаты ломающегося льда.

Связь с Ванкаремом. Как всегда, на Севере с транспортом не спешат.

ПЛАВАНИЕ НА ВОСТОК НА БАЙДАРЕ

**23 июля – 13 августа
1963 г.**

*Красная полоса на западе заставила
меня думать о закате человечества
Г. Уэллс. «Машина времени»*

23 июля 1963 г.

Байдара

Дует восток. Температура около пяти градусов, хотя лёд ушёл. Приготовили лодку на тот случай, если придётся идти самим до Ванкарема.

К вечеру пришла байдара. Мы сидели в палатке, ели макарончики, как вдруг сквозь шум я услышал вначале какой-то свист, потом крик. Выглянули: байдара, и в ней три охотника кружат на одном месте. Всё же ветер был силён, говорят, что километрах в пяти от нас, их чуть не перевернуло.

Байдару вытащили, поставили боком к ветру, теперь они сидят и едят насиженные яйца гаг и чаек. Ничего, вкусно, только белок почемуче-то твёрд, как камень.

Байдара для нашего груза маловата, но ничего, как всегда на севере, как-нибудь устроимся. Говорят, что завтра будет тихо. Осточертевший пламенный закат, и на юге столбом стоит половинка какой-то невиданной яркой-красной радуги.

24 июля 1963 г.

Моторист и Белая Камлейка

Дождь. В палатке вода. Температура градуса четыре, а проще говоря, просто чертовский дубарь. Восточный ветер без всякого перехода сменился западным. Охотники перевернули байдару на другую сторону, греются чаем. В палатку пригласить их невозможно: мы вдвоём еле в ней умещаемся. Они это и сами видят. Когда стало совсем неважно, пошли к их костру греть чай. Огонь не горит, и даже бензин в нём не вспыхивает подавляемый паром. Чуть не спалили моториста.

Я вижу, что огонь не горит.

- Много бензина? – спросил.
- Полная бочка.
- Давай подсосём для костра.
- Давай.

Я взял шланг, налил бензина в жестянку, брызнул на огонь, он совсем потух. Моторист стал его раздувать, в это время чукча в белой камлейке брызнул ещё, бензин взорвался, и моторист отлетел метров на пять от костра. Белая камлейка виновато потрусил по берегу и притащил для костра огромную доску в искупление вины.

Между прочим, один из трёх – тот самый чукча, детей которого я фотографировал на Врангеля.

У охотников большие мозолистые руки. Как у колхозников в Европе. У пастухов руки поженски малы, но зато ноги – сплошные сухожилия и развиты феноменально.

В камлейке охотник, разлегшийся на гальке, удивительно напоминает контуры моржа. Видимо, веками устраняли всё лишнее и добились идеала: стали походить на моржа, такого же земноводного, как и они сами.

25 июля 1963 г.

«Мемуары»

Часов в одиннадцать ночи стало тихо, потом задул восток, потом запад, потом снова тихо.

Один чукча подошёл и вежливенько так спросил:

- Вы сегодня ехать не хотите?
- Как же, очень хотим, если можно.
- Тогда давай собираться. По-о-тихоньку так собираться, а потом поедem.

И даже руками изобразил, как это можно потихоньку собираться. Собрались, оттолкнулись.

Сразу за устьем Амгуэмы сквозь низкие борта байдары стало брызгать. Температура около +4°C. Сидим, закутавшись в лодочный парус, и по очереди ныряем под него, чтобы разжечь трубку. Через пару часов задул юг, потеплело, чукчам надоело мокнуть, и с правого борта поставили брызговик.

Я сидел, дул изредка на руки и почему-то вспоминал «Дом без хозяина» Бёлля. Там очень вкусно описано, как одна дама курила красивые сигареты и стоящий виргинский табак, и на ночном столике стояло вино. Она читала всю ночь напролёт, а потом дёргала за шнурок выключателя над изголовьем.

Видимо, я здорово ушёл в эти «мемуары», потому что вдруг очнулся и увидел рваную кожу байдары, спящего чукчу в носу, вёсла, нашу грязную рухлядь, ржавые стволы ружей и собственные ноги в грязных тюленьих штанах.

Тоска по цивилизации? Вряд ли. Просто удивление, что в наше время все ещё существуют столь энергичные контрасты. Всё же я предпочитаю жить с контрастами.

Как Кент. Но Кент делал хитро. Он уезжал к первобытным ненадолго – на год, полтора, и эти полтора года у него были заполнены работой. Он увозил с собой золотую россыпь. Меня же просто тянет не россыпь, а лень первобытной жизни.

Потеплело. Солнце. Впереди виден мыс Ванкарем.

Как всегда на севере, всё уравновешено. Помёрзли – согрелись, промокли – обсушились. Вива жизнь!

Ванкаремская жизнь видна вся по следующим традиционным табличкам.

Канонада на берегу.

Чукча-комиссионер, его жена с пухлыми детскими губами и двустволкой.

Июль 1963

Ванкарем

План:

1. Оформить договор
2. Обработать рейс
3. Связаться с аэродромом
4. Поговорить с Киракиным
5. Закупить продовольствие
6. Выделить шмутки Сергею
7. Всё собрать у лодки
8. Учитель
9. Отправить Сергея
10. Постирать?
11. Погранзаства

Расстояния:

Ванкарем – Коса Д-П (Двух пилотов – СЛ)	80x2=160
Ванкарем – Нутепельмен	70x2=140
Нутепельмен – Колочинская губа	70x2=140
По Колочинской губе	200
Колочинская губа – Нашкан	100x2=200
Нашкан – Энурмино	50
Энурмино – Уэллен	150
Ванкарем – Нутепельмен	65
Нутепельмен – Колочинская губа	65
Колочинская губа – Нашкан	100
По Колочинской губе	130

Июль 1963

Документ № 5

СССР АКАДЕМИЯ НАУК Сибирское отделение Северо-Восточный Комплексный Научно-Исследовательский Институт	
г. Магадан ул.К.Маркса 11/14	Телефон 57-55
№ _____	« 25 » июля 1963 г.
Заведующему ТЗП пос. Ванкарем тов. Аветисову С.Я. Геофизическая экспедиция института СВКНИИ АН СССР просит Вас отпустить для нужд экспедиции спирт в количестве 3 л. для производственных нужд.	
Руководитель работ	(Куваев) {Подпись}
25 июля 1963г. пос. Ванкарем	

Ванкарем

{Схема }

Мыс Ванкарем гранитный с пещерами и глыбами в воде

Колхоз

Погранзастава

Полярный

Место, где стоят байдары

Песчаный островок Каракарпко

Сто колодцев для воды.

В Ванкареме денежные издержки около 200 руб.

Погранзастава

Погранзаставу надо просто называть «одна из погранзастав». Разговор с ребятами.

Погранзастава занимает 1-е место третий год подряд. Секретарь сельсовета очень милая женщина Громова, жена начальника погранзаставы, у них трое детей, большие апартаменты, в которых зимой уличный дуб.

Ветврач и председатель

Председатель, ветврач. Мы жили в хибаре, где живут председатель, ещё один юный ветврач из Благовещенска и зубной техник. Председатель и техник были в тундре.

Ветврач Толик специализировался по свиньям, в оленях ни шиша не понимает. Функция ветврача ему совершенно неясна (по оленям).

Пастбища пастухи знают лучше его (он впервые узнал от пастуха, что олени едят летом, а что они едят зимой. Оказывается, разные вещи).

Проводить племенную работу пока трудно. Короче, у него идёт пока дисквалификация, впереди то же самое.

В посёлке стояла сплошная пьянка, потому что, во-первых, после долгого перерыва выкинули вино, а, во-вторых, в этот же день чукчам дали аванс. Председателю колхоза 28 лет, порядок в колхозе не особенный. Оленей пять тысяч.

Ванкарем – Нутепельмен (70 км)

Экспедиция

Оттолкнулись после долгих разговоров, сборов, прощаний. Однако сносить байдару со стоек собралась куча народа. Кое-кто из чукчей предлагал ехать «за папиросы, чай и сахар в дороге».

Вообще документация очень проста.

– Экспедиция? Куда?

– А, в Нашкан (350 км), вон езжайте с той бригадой.

– Оплата? Ну ведь заплатите же?

Вспомнить стоит авиационные порядки, где надо доверенность, аванс, телеграфное подтверждение доверенности, телеграфное подтверждение уплаты суммы, которая требуется и т.д.

В байдару вдруг стало садиться довольно много народа.

– Куда?

– С вами.

– Не надо.

Выяснилось, что из бригады едут двое: Капкарахи и Иван, брат Капкарахины (тот, что был на Врангеля – Андрей, заболел). Плюс ещё восемь женщин по гостям. После долгой ругани многих ссадили, но трое всё же остались в лодке. Одна старушка везёт в Нашкан щенка для подарка, ещё одна – жена Ивана и ещё сестра Канкарахины, толстолицая, татуированная по старому обычаю красавица.

Все они в предельно ярких камлейках и в расшитых торбозах. Торбы с одеждой, кусками вяленого мяса, моржовые копчёные кишочки.

Минут через двадцать задул ветер, потом заглух мотор. Мы высадились у входа в лагуну в четырёх километрах от Ванкарема. Вытащили байдару, поставили палатку, уложили в стояночном порядке вещи.

Часа через три ветер стих. Спустили байдару, погрузили и пошли к мысу Онмон, хорошо видному на горизонте. Около мыса через каждые несколько километров обозначены на старой карте яранги. Теперь их нет, все в центральном посёлке.

Было довольно тихо. Спокойно в уже начинающейся темноте прошли мыс Келенэут, с него уже виден Нутепельмен и остров Колучинский.

Расчёт затрат: (выборочно – С.Г.)

12 февраля

Получено при отъезде 1000 р.

Куваев, Скворцов, Максимов + Акимыч, Володя Курбатов

Общественные

10 р. – патроны

119 р. – багажная квитанция

С+О=23 Перелёт, Певек

Трое: Куваев, Максимов, Скворцов

1 мая 1000 р.

Куваев 385 р.

Максимов 215 р.

Скворцов 281 р.

квитанция 120 р.

660 р.

трое 150 215 385 281

четверо = 123 128 148

125 173 143

---- ---- ----

463 696 572

С Володи Курбатова удержано за питание и долги 70 р.

Аванс 600 рублей 3 июня

Максимов 123 р.

Скворцов 148 р.

Куваев 128 р.

Договорная сумма 210 р.

Аванс 700 рублей

Израсходовано Уэлен 700-480=220

Скворцов 110

Куваев 110

Израсходовано 982

Яранги Нутепельмена

На карте 1949 г. на месте Нутепельмена обозначено лишь несколько яранг, место так и называется «Яранги Нутепельмена». Сейчас это довольно большой посёлок. Несмотря на ночь, никто не спал.

Разгружался угольщик, он светился огнём ещё километров за десять. На берегу какая-то молодёжь гоняла по кругу волейбольный мяч, кричали чайки. Мы разгрузили байдару, поставили у воды палатки и пошли на остров Колючин, до него десять километров, много

Певек 1958 г.

льда. Остров обрывистый со всех сторон, лишь на самом юге и на севере, где стоит полярная станция, есть места пониже.

Взяли замеры на северном и южном берегу острова, отобрали пробы для абсолютного возраста гнейсов и, кажется, гранодиоритов, вернулись на берег. К палатке подходил любопытный. Пришёл кто-то из моряков, им надо было разгрузить на Колючине сто тонн угля, спрашивал, где лучше, потом пожелали доброго пути.

Мы легли спать. Всю ночь в десяти метрах от палатки отчаянно кричали чайки.

Утром пришёл Капкарахты, уже косой. Пошли в магазин, там редкость: бритвы «Спутник» и табак «Золотое руно».

Накупили табачища, заодно винища. Сели, выпили, потом выпили ещё, потом ещё сходили. Между делом арендовали байдару для заправки бензина в Колючинскую губу.

Курс на острова Серых Гусей

Каким-то образом бензин (200 кг) в байдару погрузили, погрузились и мы и взяли курс на острова Серых Гусей. Берег песчаный, низкий, ориентируемся по этой причине с трудом.

Обе байдары шли рядом, та «большая как пароход» и сидели в ней двенадцать человек, она нисколько не погрузилась. Потом у нас заглох мотор, они сделали крут, взяли нас на буксир и пошли, не снижая хода.

После, когда стали брать замеры, они все ушли вперед.

Встретили ещё две байдары. Они шли с четырьмя моржами в каждой, загруженные почти до борта. Очень узкие, быстроходные.

Наконец на самом начале низкого острова Серых Гусей показались палатки – стойбище охотников. Ни одного бригадира не удалось уговорить идти дальше. Тот сказал, что близко моржи и надо идти выполнять план, у нашей при неосторожном накате волны залило мотор.

В конце концов, все решили, что будет через час шторм, и вытащили байдары на берег. Конечно, разгрузились и поставили палатку. Всю ночь горел костер, таскали из соседнего озера воду и уничтожали рыбу, моржовые кишочки и гусей.

Лагуна Беляка. Замеры

Сильный накат бил о берег, но было тихо. Утром бригадир большой байдары плыть всё же отказался, сказал, что бензин повезёт к вечеру.

Мы загрузились и пошли опять с хмурой командой мимо низких островов к Колючинской губе. Поднялся ветер, нам надо было во что бы то ни стало пройти острова, их мелководные проливы и войти под защиту косы Беляка. Ветер крепчал, но было уже видно и высокий крест на могиле Беляка, и избушку недалеке.

Всё же успели, хотя вода порядком плескала через борт. Но вот и лагуна Беляка и торфяные обрывы Нотаткен. Остановились взять замеры, все женщины кинулись на берег с радостными криками, стали рвать какую-то траву. (О траве потом...)

Несметные полчища гагунов. Тысячи.

Наконец показался вход в лагуну Пыно-Пильхин и угол залива Чатапчен. Мы вошли в этот угол и снова разгрузились, снова поставили палатку и снова вытащили байдару.

Стойбище Алятки. Ремонт байдары

На косе у холмов остатки камней от яранг и очагов. Это место на старой карте называется «Стойбище Алятки».

Сейчас Алятки, однако, нет.

Варили гаг, пили чай, потом спали. Всю ночь по палатке шуршал мелкий дождь. Он шуршит и сегодня, зарядами, и ветер с лагуны Пыно-Пильхин несёт водяной бисер, запах сероводорода.

Наши красотки в ярких камлейках присмирили, бегают за водичкой, носят дровишки. Идёт капитальный ремонт байдары. Зашиваются дырки, замазываются жиром швы. Одна очень большая дыра была просто заткнута куском моржового сала.

Теперь всё зашили.

Кусок моржатины (ласт), взятый с собой, заметно уменьшается. Чукчи разбрелись по берегу на охоту. Но птички, однако, разлетелись. Залив пуст, лагуна тоже.

В бинокль я увидел дальше, по направлению к косе Ямрыккай, стаю гаг. До них было километра три. Мы с Сергеем пошли туда. По правилам зашли со стороны тундры, потом стали подползать.

Подмосковная обстрелянная утка куда менее осторожна, чем эти птички. Мы ползли в зелёных защитных куртках, они не видели нас, так как были под обрывом, и всё-таки ухитрились сорваться метров за двести.

Август 1963 г.

Находки

Мыс, отделяющий Колючинскую губу от моря, изобилует невысокими холмами, видимо, ледникового происхождения, остатки какой-то морены. Между холмами куча мелких озёр. Мы пошли к этим озёрам. Они были мертвы и пусты абсолютно. Только на одном озере сидел одинокий чеграш. Пожалел я его, бедолагу, не стал бить.

На обратной дороге на склоне одного из холмов я нашёл весло, из тех вёсел, что применяются на байдарках и называются подгребными. Весло очень старо. Дерево на севере сохраняется очень долго, весло уже почти успело закаменеть. Возможно, ему лет сто и уж никак не меньше нескольких десятков.

Ещё раньше мы нашли каменный жирник, великолепной работы, к сожалению, расколотый.

Когда-то берега Колючинской губы кипели жизнью, такое может создаться впечатление. Но это, пожалуй, неверно. Находки единичны, любая экспедиция за простой маршрут оставляет после себя «для потомства» больше консервных банок. Но всё-таки стоит помнить, что кочевые чукчи вообще мало оставляют следов.

А уточки просто соблюдают всё тот же объективный закон природы.

Сегодня 3-е августа

Северяк перешёл на Северо-Запад судя по тому, как стала надуться палатка.

О чукотской еде

Вся чукотская еда (мясо) имеет свой привкус. Будь это знаменитая копальхен, моржовые кишочки, вяленая нерпа или просто свежая оленина. Основу всё же составляет мясо лежалое, несвежее. Оно-то и имеет сильный специфический привкус, который дразнит и манит.

Говорят, у чукчей нет национальных блюд. Но, пожалуй, вся их еда и есть национальные блюда. Но есть и специфические их блюда. Свежие олени рога (едят сырыми), камлеркен, копальхен и «капуста» пока-пока, которую наши «девочки» копали на обрывах Нутаткен (капуста пупу).

Схема: Острова Серых Гусей, Могила Беляка, Лагуна Беляка, Обрыв Нутаткен, Лагуна Пыно-Пильхен, Залив Чатапчен, Колючинская губа

3 августа (или 4-го) 1963 г.

По Колючинской губе

Ветер стих, по морю мелкие гребни. Прямо взяли курс на косу Ямрыккай. Наши красотки

остались на берегу с палаткой, вещами и двумя карабинами на всякий случай.

Прошли косу, обогнули Ледяную лагуну. За полтора часа углубились на юг километров на двадцать. Вдруг на берегу человек. Уже пора было взять замер, хотя мы и шли вдоль структуры, но реже, чем через двадцать километров, брать всё же не стоило. Свернули к берегу. Старина, совсем без зубов, сидит сосет трубочку, рядом собаки, нарта. Оказалось, что рядом стадо, не так давно им забросили груз, вот они и приехали. Снова собачий лай, и на нарте подкатили ещё двое. Собаки по траве тянут всё же шустро.

Один здоровенный детина, другой такой тихий в заячьей шапочке-малахае.

– Эттик-эттик (Кто)?

– Иссидисия (Экспедиция)?

– И.

– Мури-тагам.

На прощание я их снял. Они начали копать яму для моржатины, мы спихнули байдару.

Ну и пока, люди с Ледяной лагуны и залива Тасытхин.

Схема: Коса Ямрыккай, Ледяная лагуна, залив Тасытхин.

«Иссидисия»

Эту «иссидисию» мы увидели, когда прошли километров на двадцать южнее. Ветер дул довольно сильными порывами, вдобавок на берегу металась три линных гуся – самое время для выставления гравиметрического пункта. Пока мы возились с накатом, гуся исчезли. Я посадил Сергея брать отсчёт, сам кинулся в небольшую, соединённую с морем протоку, бежал по ней долго, но гусей и след простыл. Может быть, они решили рвануть прямо вверх по обрыву

Смотрю, Анкарахтын мрачен.

– Плывём?

– Ветер.

– Не очень.

– Перевернуться может, если руль – плохо.

– Чёрт с ним, <подождем – нрз.>

– Пьём чай? – сразу оживился он.

Иван пошёл за водой, а Сергей всё это время метеором носился по побережью с карабином. Охоч он, однако, до гусей. Лют.

Чай попили, Анкарахтын повеселел. Решили все же идти до следующей, последней точки. Через километр увидели на береговом обрыве следы зачистки «иссидисии», потом вдалеке замиражила палатка «иссидисии».

Мы прошли мимо, в бинокль было видно, как по берегу идёт кто-то в климатической робе с ведрами в руках, а впереди бежит собачка. Однако далёконько приходится «иссидисии» ходить за пресной водичкой. Штормик расшвырял порядком.

Дом под железной крышей

Показался уже мыс Анаякан и гора Анаяка, за которой находится лагуна Анаяка и землянка

охотника Анаяка. Но совершенно непрощенно вдруг вынырнул дом под железной крышей. До точки оставалось километра четыре, решили кончить профиль здесь. Шторм есть шторм, и переждать его надо, лучше всего под крышей.

Выкинулись, оттащили лодку, начался осмотр с целью возможного мародёрства. Дом был пуст, это видно по провалившейся крыше сеней. Первым делом обнаружили бочки с очень нужным нам бензином. Так, весьма кстати. Потом флягу с маслом. Тоже хорошо. Ну и всё...

Внутри поломанные переборки, целлюлоидный утёнок на полу, сломанная удочка, рваная одежда. Типичные следы отъезда. Окна выбиты. В одной из комнат штук пятьсот совершенно разрушившихся коробков со спичками и аппарат для автогенной сварки. Зачем? Негаданными путями проникает цивилизация в глухие края.

Две школы работы

Странные фигуры увидел в бинокль с крыши избушки. В полутора километрах к югу начинается большое озеро Таетхын. По дороге к нему, покрытой мелкими протоками, метались какие-то фигуры. Они расходились, сходились и т.д. Люди? Коротки. Олени? Чего они бегают тогда? Решили сходить.

На всякий случай я заменил ружьё на карабин, и мы пошли туда, увязая в рыхлой гальке. Успели порядком взмокнуть, пока выяснили, что это всего-навсего стоянка таких же бродяг, как и мы. Всё та же «исспидисия».

На берегу протоки наполовину вытасенный стоял шикарный белоснежный вельбот. Аккуратная в чистых куртках и рубашках публика аккуратно ела гуся и пила слабый чаёк.

Поздоровались, покурили.

— Кто?

— Мерзлотники.

Оказалось, <родственная — нрз.> фирма. Только идут обратным путём.

Потолковали с начальником о роли геофизики в мерзлотоведении, наметили кое-что совместно на будущий год.

Оказалось, они шли сегодня с юга. В этот же шторм два часа назад у них пробило днище о волну.

Вельбот (покупка) стоил им 2700 <рублей> на новые. Потом три «Москвы» по 250, и в каждом колхозе они покупают килограмм по 500 горючего. Короче, один их транспорт стоит дороже, чем все мои работы, исключая плату за авиацию. Задача у нас, несомненно, важнее.

Попили чай, они пошли в свой лагерь, механик остался чинить вельбот, мы к себе. Один тащил лодку для переправы через протоку, кое-кто разную рухлядь. Начальник шёл с папочкой под мышкой.

Так и встретились две школы работы. Одни — у своей грязной байдары, вторые — с папоч-

кой. Да, в Ванкареме для работы на лагунах у них ещё куплена дюралева шляпка. Эх,... во всех чистоплюев.

Они ушли дальше к своему лагерю, мы ещё раз попили, на сей раз уже настоящего чая, и столкнули байдару. Пришлось сразу же поставить брызговики.

Байдара с пушечным грохотом хлопала днищем о волны. Удары были настолько резки, что я испугался за прибор. Переставил его на корму. Плоское днище взлетало и било, за брызговиками было тихо, сравнительно тихо.

Поиски копальхена

Мы прошли песчаные обрывы, где был выставлен предыдущий пункт, и пошли дальше. Ветер стал стихать, хлопанье днища байдары перешло в шлепки.

Анкарахтын сказал, что им нечего есть на базе и надо взять копальхен. Я согласился. Было довольно темно. Мы пристали к похожему месту, где пастухи закапывали свою моржатику. Место оказалось не тем. Прошли километров десять дальше. Снова не то. Вернулись. Нет, не то.

Времени потеряли уже часа два. Я приказал идти дальше, а сам стал копаться в картах. «Точка с мясом» была днём отмечена уверенно. С севера от залива Тасытхин идут низкие обрывы, потом короткие высокие, ложбины и снова высокие. В этой ложбине и было закопано мясо.

Казалось, всё точно. Вдали темнели низкие обрывы и вот он, высокий, вот ложбина. Никаких следов. Что за чертовщина, неужели днём я схалтурил? Тут-то меня и осенило, я попросил Анкарахтына отойти дальше в море, и сразу их заметил в бинокль, силуэт ложбины километрах в пяти к северу. Вот где мясо!

Все повеселели. Пошли туда. Уже у самого берега заметили двух линных гусей. Они не-

Олег Куваев с охотничьими трофеями

торопливо подплыли к отмели и пошли в тундру. Схватив карабины, мы с Сергеем как сумасшедшие кинулись за ними. Гуси вскрикнули и пустились бежать. Вскочили в какую-то высокую травку и... пропали бесследно в ночной темноте. Мы долго искали

их, а в это время чукчи раскапывали яму и втащили в байдару кусочек килограмм под пятьдесят.

Мясо было очень сильно тухлым. Чукчи стали есть, я на сей раз спасовал.

Через два с половиной часа пришли к палатке.

Всего в этот день мы прошли сто двадцать километров, и болтались на воде шестнадцать часов ровно. В 4 утра нос байдары коснулся берега, в 5.20 мы уже лежали в мешках, успев сварить суп, съесть его, вскипятить чай, выпить его, выкурить по пять трубок, вытащить байдару и отобрать карты на завтра. Оперативные ребята!

4 августа 1963 г.

Сон

Однако всё ещё лежим. После вчерашнего рейса проспали четырнадцать часов.

С утра дует северо-запад. Дождь. Чукчи всё копошатся с чайниками и кастрюлями. В шесть вечера я проснулся оттого, что приснилась моя «первая и последняя любовь». Мы с ней очень мило гуляли по каким-то аллеям и говорили разные слова. Всё это плешь. Дует северо-запад. Вот это действительность.

В восемь вечера Серега сказал, что, пожалуй, те пижоны всё же разбили вельбот не на волне, а о камень. Я сказал, что тогда бы была ободрана краска. Сереге было некуда деться, и он согласился.

Бумажный кораблик

Стали думать о том, какой тип шхуны лучше подойдёт для будущих экспедиций. Сергей всё говорил о каких-то подкрылках, это было неясно. Чтобы уяснить, решили сделать бумажный кораблик. Вырвали из записной книжки листок, согнули его... не получилось.

В общем, выяснилось, что мы уже забыли, как делают бумажные кораблики. Для утешения сделали самолётик. Сергей пустил его, он пролетел по палатке полтора метра и ударился о стенку, сильный порыв ветра надул её, и самолётик кинуло назад. Дует всё тот же штормовой северо-запад.

Рассказ

Я никак не могу забыть встречи с тем «мерзлотным пижоном». Интересный тип. Либо сильный человек, либо ограниченная научная душа. Надо будет подумать над рассказом. Всё же я уверен в том, что мы пройдем *легко* там, где им будет уже не впрокорот. Мы легки, всё на ходу, всё отработано и оправдано чукотским опытом. С другой стороны, у них, несомненно, лучше условия для работы.

Д - <к рассказу – СГ>

Ночь. Я ходил за водой к соседнему озерку. Ветер свистел в носике чайника. В темноте су-

матозно летали стаи гаг. Полёт их был неровным. У палатки горел костёр. Женщина в красной камлейке ходила около байдары.

О моторах

Мне кажется, что из всех вещей люди более всего врут, говоря о моторах и ружьях. Любой трухлявый мотор на трухлявой шмонке, по словам владельца, дает 18-20-50 километров в час. На самом деле не более 10 всегда. 5-7 – это средне. Мы, однако, ходили в 15 километров. А как же!

Чукчи говорят: чуть ветер стихнет, давай перейдём на другое место. Надоело здесь. Пятый день шторм.

Анкарахтын взял ружье у меня. Почистил, однако.

6 августа 1963 г.

Судно «Горизонт»

Кое-как оттолкнулись от берега. Северо-запад стих ночью. Температура упала до двух градусов.

Шли сквозь брызги и встречный ветерок. Было 5 утра. У входа в губу стояло белое судно. Видимо, пережидало здесь шторм.

Это был «Горизонт» – судно Провиденской гидрографической конторы. Мы прошли метрах в четырёхстах от него. Я смотрел на корабль в бинокль, на мостике кто-то разглядывал нас тоже в бинокль. Я приподнял шапку, человек на мостике сделал то же. На этом расстались.

Крупная зыбь встретила нас на выходе из губы.

На крайнем из островов Серых Гусей был виден знак возле бочки с закинутым для нас бензином. Около берега стоял лёд, закинутый туда штормом. Многотонные глыбы глубоко пропахали песок и гальку.

Древние жилища

На самом выходе зыбь была угрожающе крутой и крупной. Анкарахтын повернул назад, и мы встали под защиту песчаного мыса.

Пошли посмотреть могилу Беляка. Четырёхметровый крест, видимо, поставлен недавно и аккуратно выкрашен белой масляной краской.

Я шёл дальше мимо озёр с выводками гаг, брёвен плавника и льда. Внимание привлекла цепь невысоких заросших травой бугров. Я взобрался на первый из них и увидел развалины огромного жилища древних охотников. Из земли торчали костяные стойки, куски дерева, повсюду валялись истлевшие черепа моржей.

Рядом была группа ещё из двух жилищ. Я прошёл к ним и увидел целую цепь заросших травой развалин. Всего их было более десяти. Очевидно, во время расцвета в стойбище жило не менее 200 человек.

До моря было около пятисот метров. Видимо, древние береговые линии проходили гораздо ближе.

Мы раскопали (расковыряли палкой) склон одного из холмов. Кости, зола, угли, кости. Черепки посуды! Конец копыя из кости!

Наконец-то сохранился превосходно, даже остро заточенный конец.

Я сидел на вершине холма, курил. Дул тёплый ветер. Летали комарики.

Археология изучает быт, вещи, *внешнюю* жизнь людей прошлого. Но как узнать их *внутреннюю* жизнь. О чём они думали? Что за проблемы были у них, кроме проблем пожить, попить, поспать? Вероятно, этого мы никогда не узнаем. Нужна психологическая археология или археология психологии. Путь к решению этой задачи пока не виден, разве что какой-то бравый фантаст, ничтоже сумняшеся, кинет пару «идей».

Ближе к берегу проходит другой, более молодой волноприбойный вал. На нём тоже цепь жилищ, но другого, более позднего типа. Меньших, почти подземных, с остовом из китовых костей. Гигантские кости торчат над землёй, как памятники прошлому. Их меньше, они стоят реже и малы по размеру. Видимо, началось угасание жизни на косе, на урочище Алягутюн. И как крайний предел, стоит одинокая избушка современного охотника у самой воды. Тесная хибара без окон.

Глава «Байдара ВН-740»

Я обошёл озера. Всё урочище – сплошные следы древней жизни. Всюду на 10–20 кв. километров кости, холмики, дерево, черепки посуды. Видимо, всё же расцвет жизни был в эпоху больших подземных жилищ.

Дальше в тундре уже олени черепа, отдельные редкие жилища. Озёра, бесчисленные выводки гаг, уток.

Сегодня с утра бешеное течение врывалось в губу сквозь двухкилометровый пролив между островами Серых Гусей и косой Древних.

Несло лёд, брёвна, тушу моржа. Байдари вывели берегом на ремне. Мотор бы не потянул.

Анкарахтын прыгал по льдинам, тянул ремень, и рожа у него была лихая и веселая, как у мужика Тюлина в короленковском рассказе.

Красотки лениво ковыляли рядом, переваливаясь как утки. Здесь всё же люди достигли совершенства в подражании: мужчины похожи на моржей, женщина на уток.

Плывём. Тихо. Лёд кончился. Иван со своей благоверной, обнявшись, сидят на носу. Старый татуированный Цербер смотрит, как я пишу. Анкарахтын на руле, рожа у него опять хмурая и недовольная.

Толстая красотка тупо глядит на воду. Серёга стрижет табак. Главу эту надо назвать «Байдара ВН-740».

Отошли от урочища Алягутюн тридцать километров. Дождь, небо всё покрыто низкими облаками. Сидим, закутавшись в парус.

С севера при полном штиле идут сильные валы. Бортовые. Чукчи что-то бормочут по-

своему, наверное, хотят приставать. Как раз надо брать точку.

Точку взяли. Байдари захлестнуло волной. Вещички вымокли. Сидим на берегу в десяти километрах от бывшего стойбища Тойгунен. Очень тихо, моросит дождик, но волна лупит и лупит о берег со штормовой силой. Серёга с горя выстирал оба полотенца, почистил кастрюлю. Чукчи едят найденного на предыдущем пункте дохлого моржа.

Получается не рейс, а леший знает что!

Серёга прошёлся по берегу и притащил охапку разных «импортных» банок, склянок с хитрыми надписями и разными запахами. Эти пятьдесят километров от залива Чатапчен идём уже пятый день.

Продукты:

1. Чай (в избытке)
2. Крупа (Сейчас сварим последнюю)
3. Сахар (Его, однако, нет)
4. Галеты (3 пачки)

Всё. Больше ничего. До посёлка все-таки, думаю, доскочим без голодовки.

Опять же, всегда можно перейти на дохлую моржатию. Раз ели её ради интереса, то поедим и по нужде.

Невдалеке ещё один дохлый морж. Не пропадём!

Укрупнение

На месте стойбища Тойгунен сейчас живёт один чукча, бывший оленевод. Старуха. Два папана. Один только начал ходить, другой лет семи-восьми, парализован.

Посёлок был изрядно велик. Новый брошенный магазин. Школа. Видимо, его только что начали отстраивать, когда пришёл приказ об укрупнении.

С одной стороны, укрупнение для Чукотки звучит глуповато. Совершенно неосвоенное побережье оголили ещё больше.

С другой стороны, вопрос о снабжении. Уголь, дома завозить легче в несколько крупных посёлков. Опять же легче надзор за чукчами. Укрупнение *рационально*, если иметь в виду возможности современного транспорта. Тракторы, вездеходы, рейсы «Ан-2». Но где, где этот транспорт?

Тихий Иван

Оказывается, наш тихий Иван только несколько месяцев назад вышел из тюрьмы. Сидел шесть лет за убийство. Был раньше завмагом. Проворовался. Сидел. В тихом омуте чертей навалом.

*Шумит волна, ревёт прибой
Сергей Скворцов идёт домой.*

9–10 августа 1963 г.

Сидим...

Сидим. Очень сильный шторм. Продукты, однако, кончились. Лопаем моржатию. На наше счастье, выкинуло почти свежего моржа.

11–12 августа 1963 г.

Всё сидим. История повторяется. Вспоминаю, как мы прошлый год бедовали на песчаном полуострове Аочим возле губы Нольде, закиданной гнилыми водорослями и помётом чаек. Тогда тоже вокруг была пустыня. Вчера ходили с Сергеем в тундру посмотреть что-либо из живого. Мёртвые ледниковые холмы, бесчисленные озёра, совершенно пустые, даже без вездесущих гагар. Почему-то очень быстро устали. Мы вышли на берег километра четыре восточнее стоянки. Дул всё тот же северо-запад. Берег был сложен из глинистого чёрного обрыва со снегом и линзами льда. Был прилив, и волна с силой набегала чуть не до колен, оставляя позади бесконечную ленту грязной пены. Мы шли по пене, она рассекалась бесшумно, но отчего-то оставалось брезгливое чувство. Пена была жёлтой, крупной, валы вставляли вертикальными стенами в пятнадцать метрах.

Тухлятинка

Вечером варили тухлятинку. Ели в несколько приёмов, потому что сразу съесть кусок со спичечный коробок трудно. Съешь кусок, полкружки чая, потом ещё кусманчик. Была довольно тёмная ночь. Долго сидели у костра, потом лежали в палатке и курили трубку за трубкой до одурения.

Утром у Сергея сильно болел живот.

День рождения

Сегодня 12 августа. День рождения у меня. По этому случаю помылись.

Надо снять штаны, надеть меховую куртку и вымыть нижнюю половину. Потом надеть штаны и снять куртку и вымыться до пояса. Зимний способ. Голову мыли тёплой водой. Нагрели в чайнике и лили друг на друга.

Секретная бутылка спирта имеется в ящике. Сейчас варим моржатинку, Сергей из остатков муки печёт праздничную лепёшку. Печём её на моржовом же сале. После острова Врангеля у нас осталось медвежье сало, которое я взял, чтобы мазать ботинки. Его тоже пустили в ход.

День солнечный, ветер затих. Волна пока всё ещё лупит о берег. Чукча убил галку. Лепёшка почти готова. В кастрюле кипит новая порция тухлятинки.

Да здравствует жизнь! Сейчас выпьем за день рождения и будем мечтать о Таймыре.

13 августа 1963 г.

День рождения прошёл хорошо. Спирт был крепким, лепёшки на моржовом сале вкусными. Сегодня с утра плывём. До Нешкана штук тридцать пять километров. Прошли мыс Джепратлен, отобрали пробы. Памятуя прошлый урок, с байдары прыгали шустро, обратно за-скакивали тоже шустро.

Энурмино

100 м к югу от посёлка у северного берега на льду озера в 80 м к западу от истока ручья в

225 м к западу от реки Вареваам в 150 м на ЮВ от метеоплощадки.

Курс на мыс Джепратлен

На следующий день с утра стало затихать. Стоянка всем осточертела. Задолго до того, как можно было вытолкнуться, собрали лагерь. Спустили байдару немного носом в воду, загрузились. Потом под дружные вопли быстро столкнули её.

Неповоротливые красотики прыгали на борт как козочки. Немного залило нос, но Анкарахтын уже успел завести мотор, и байдара взяла курс на мыс Джепратлен. Около мыса удалось устроиться в затишье, это было тем более необходимо, потому что здесь я отбирал пробы на определение абсолютного возраста. Мыс сложен какой-то светлоцветной изверженной породой, сильно метаморфизованной.

После мыса с севера вдруг пошёл сильный накат. Мы подходили у самого уреза воды, и было ясно, что пристать здесь, не залившись, вряд ли удастся. Пришлось «скрепя сердце» отменить наблюдения.

Около входа в лагуну Нескан-Пильхин на мели крутая волна несколько раз угрожающе хлестанула байдару по кожаному боку. Красотики что-то истошно завопили.

Нешкан

Анкарахтын, видимо, хотел войти в лагуну, но вход буквально перегородила крутая волна. До Нешкана оставалось три километра. Песчаный берег его отгораживал подводный бар, и это нам помогло. Дав мотору полный газ, мы сходу проскочили бар, дальше всё было просто.

Нешкан тихая и мирная деревня, с большим обилием красивых чукчанок.

Здесь стояла ещё одна экспедиция, изыскатели аэродрома.

Себе на заметку:

Мыс Сердце-Камень.

Кулак-председатель.

Пекарня.

«Философский разговор» с умницей председателем сельсовета.

Шторм.

Дорога в Уэлен. Вид бригады.

Чукотский район, с. Уэлен, Эттелену Николаю Петровичу – трубка

И СНОВА МАГАДАН

Апрель 1965

Тяжёлый небосвод окутан ранней мглой

Упрятана река под ледяной покров

И гонит зимний вихрь, не знающий покоя,

Пыль снежную вдоль смутных берегов

...И Полюс северный при тусклых вспышках света

Баюкает во мгле любимый город мой.

Ф. Тютчев

R// - <к роману – СГ.>

Я впервые услышал здесь слова «материк», «ЗК», «трасса».

Здесь узнал, что в этих краях не хватает кислорода, ходил и принимался. Вроде хватает. Послал домой телеграмму: «Кислорода хватает. Даже остаётся».

R// - <к роману – СГ.>

Влюблённость

Я её ждал, а когда стало проходить время, я интуицией понял «не придёт», но всё равно всё-таки ждал.

– Не придёт, и наплевать, – думал я, но слушал шаги на лестнице и очень боялся поверить в то, что здорово жду, старательно убеждал себя, что совсем не жду, но вздрагивал, когда громко дёргалась входная дверь. Всё это были другие люди. Я сел за машинку, стал работать и смотреть на часы. Хотел позвонить, но твёрдо решил, что не буду, и завтра тоже не буду. Вот сейчас написал это, и стало легче.

Ето чо: влюблённость или оскорблённое самолюбие мужика, к которому не шибко-то рвутся? Вроде для второго варианта у меня юмора хватает. Значит, первый. Кроме того, при втором надо злиться, а я не злюсь.

Типы, реплики, зарисовки и прочее

Третьеразрядный актер в труппе Куваев.

- Дарю тебе Антарктиду.
- Тебе дарю Северный полюс.
- А зачем мне Северный полюс?
- Хрен с тобой, бери Африку.

R - <к роману – СГ.>

Социология.

Предателя никто не любит.

Раздел о «светском и священном».

Мысль о неизменных ценностях и необходимости этих неизменных ценностей.

- *[Это неприлично?]*
- *[А является ли человек божьим духом?]*

J - <к рассказу – СГ.>

Традиции и иррационализм идут рука об руку.

«Упадок под сенью магометанства».

«Чем живут эти люди? – Политикой и воровством, синьор». (Карл Гельдич «В стране у Карибского моря»).

14 апреля 1965 г.

Сумасшедший дом

Алкоголик Ванюша, простяга парень. Воспоминания о разведке. Пили жидкость «На привале», пили же её прямо на завалинке магазина, где она продавалась, и называли её «На завалинке».

Шизофреник Володя с лицом и фигурой поэта. У него удивительно изящные и гармоничные жесты. Рисует на «Самоучителе игры на

баяне». Как он смотрит в окно. Всегда очень занят.

Сладкоглазый врачёнок, который поехал проверяться из Сусумана только потому, что главврач обозвал его идиотом. Он назвал его идиотом, а тот поехал в психиатричку проверяться. В нем есть-таки какая-то внутренняя извращённость. Не пьёт. В сексуальной жизни вроде нормальный.

Невымытый идиот, который вечно умолял, чтобы ему дали «плюнуть на чинарик».

Всё это чавкающее, галдящее, живущее какой-то внутренней ненужной жизнью сборище отбросов. Помойка области.

15 апреля 1965 г. Ночь, 3 часа

R// - <к роману – СГ.>

Я лежал в бессоннице, смотрел на светлый, в темноте комнаты, квадрат окна и почему-то вспоминал великих адмиралов прошлого, открывавших мир.

Неистовый Васко да Гама, фанатичный Колумб, железный Магеллан.

Кук также открывал мир, но Кук был скучен как англичанин. И другой англичанин Френсис Дрейк. Он не открывал мир, но он был великим пиратом и великим адмиралом.

Примечание:

* Документы с № 1 по № 5 были вложены в эту Записную книжку самим автором.

** Цитаты для первых трёх эпиграфов взяты из этой Записной книжки, а для четвёртого – из любимых стихов Олега Куваева.

Публикация Галины Куваевой и Светланы Гринь

« ... В 1957 году поехал на Чукотку, просто хотелось ступить на коричневый угол карты, о котором даже в лекциях по геологии Союза говорилось не очень внятно... Я вырос в вятских лесах, но меня тянуло именно в безлесные пространства вроде тьяньшаньских предгорий или чукотской тундры...»

(«О себе» из сборника «Весенняя охота на гусей»)

Валерия
ПОРТУГАЛОВА

КОЛЬКО СЛОВ

Артист В.В. Португалов.
Выступление 29 июня 1935 г.
на станции им. Коминтерна.

ВОСКРЕШАЕТ МЁРТВЫХ

Памяти моих родных

*Он был из тех, кого судьба вела
Кремнистыми путями испытанья,
Кого везде опасность стерегла,
Насмешливо грозя тоской изгнанья.*
К.Бальмонт

Давно по крупицам прошлого собираю я сведения о моём отце, Викторе Валентиновиче Португалове (1909–1982 гг.)¹, его родных и близких. С большими трудностями мне удалось найти и опубликовать архивные данные о моём деде, Валентине Платоновиче, – из-

дателя, знакомом со многими представителями Серебряного века, первым издавшим посмертный сборник поэта Иннокентия Анненского, стихи его сына Валентина Кривича, стихи Бориса Олидорта, Бориса Садовского; первым познакомившего российского читателя с Рабиндранатом Тагором и многими другими авторами. Не менее интересными оказались результаты поисков о жизни Витольда Платоновича Португалова – профессора, виртуоза-скрипача,

(ученика знаменитых Л.С. Ауэра, А.Глазунова), стоявшего во главе многих музыкальных кафедр, совместно с М.Ф. Гнесиным организовавшего в Ростове-на-Дону одну из первых на юге России Музыкальную публичную библиотеку имени Н.А. Римского-Корсакова. Тётушки моего отца также оказались связанными с музыкальной культурой страны, заведовали музыкальными школами. Их отец, а мой прадед, был известным врачом в своём городе. Моя бабушка, алфё-

ровка Лина Лаврентьевна Португалова, как и муж, занималась некоторое время издательским делом, выпустив несколько номеров литературно-художественного журнала «Искра»; позже из-за ухода из жизни Валентина Платоновича ей пришлось скрывать многие факты прошлого бытия, родственные и общественные связи. В итоге, получившая классическое гимназическое образование, окончившая высшие педагогические курсы, занимавшаяся в Московском Коммерческом Институте, бабушка принуждена была поначалу преподавать в земской, а затем в обычной загородной школе историю, литературу; многие годы исполняла обязанности заведующей учебной частью (общий трудовой её стаж составил 33 года).

И, наконец, мне удалось узнать подробности трагичной судьбы младшего сына бабушки, брата моего отца, Валентина (1913–1969).

Поначалу, казалось, ничто не предполагало развития непредвиденных событий. Он младший в семье, рядом безоглядно любящая мать; отец, если не пребывающий постоянно дома, то всё же контролирующий на расстоянии процесс воспитания, регулярно присылающий в письмах, открытках соответствующие указания по этому процессу. Правда, в шести-восьмилетнем возрасте ребёнка отец исчезает из его жизни, но остаётся на память огромная, ценная по своему содержанию библиотека, дававшая впоследствии неограниченные возможности для самообразования. Годы учёбы приходятся на трудные годы становления новой власти, мать вынуждена основное время тратить на добывание средств, чтобы дети не чувствовали себя обездоленными. Часто остающийся без присмотра ребёнок предпочитает уличную вольницу, убегая из дома. Впрочем, манили его окружающие Кунцево² поля, перелески, лесные заросли и,

конечно, населяющее их птичье поголовье. А любить и разбираться в разноголосье птичьих стай учил мальчишку великий «Птицелов» – живший рядом всезнающий поэт Эдуард Багрицкий. Именно с ним отправлялся на охоту Валентин Португалов вместо уроков, за что, естественно, получал выговоры от своих сознательных соучеников. Для создания более чёткого контроля за вольнолюбивым чадом вечно занятая мать, Лина Лаврентьевна, устраивала сына в рядом расположенные детские учреждения – школы, детдома. [Интересно по содержанию было послание, направленное «Гр. Португаловой» из Козловской (б. Кунцевской) Советской школы 2-й ступени 17.III.1926 г. – «Настоящим доводится до Вашего сведения, что Ваш сын, ученик I-й гр. Б успевает по всем предметам, кроме географии и рисования, по которым нет отметок и нет работ по черчению. Поведение весьма неудовлетворительное. Групповод ...».] Тем не менее, в 1928 году Валентин Португалов благополучно оканчивает семилетку и начинает недолгий рабочий путь сначала револьверщиком, а затем токарем на известном в истории военной промышленности, расположенном рядом в Филях, знаменитом авиационном заводе №22.

Казалось, страна получила достойного строителя новой жизни, однако, молодой человек привык в своём домашнем окружении к совершенно иным устремлениям. У него вызревают иные планы по отношению к своему будущему. В 1930 году, готовясь к актёрской карьере, Валентин Португалов поступает на актёрское отделение Государственных Экспериментальных Мастерских имени В.Э. Мейерхольда (ГЭКТЕМС). В тридцатые годы способный молодой человек работает актёром в Московском Реалистическом Театре у Охлопкова, Московском Театре Красной

Пресни; служил во Всесоюзном радиокомитете, неоднократно выступал на радиостанции имени Коминтерна. Следует заметить, что возможность выйти в эфир в те годы предоставлялась далеко не многим актёрам.

Одновременно, с ранней юности увлекавшийся поэзией, Валентин Валентинович становится студентом 2-го курса Вечернего Рабочего Литературного Института (ВРЛИ) имени А.М. Горького (1935 г.). Всецело поглощённый учёбой, особенно усердно занимается историей русской поэзии, начиная с её истоков – «Слово о полку Игореве», надеясь дать новый его перевод.

Бурный колдоворот новых встреч с мнящими себя истинными классиками литературы и театра захватывает его, но всё же признательная память не позволяет ему в суете дней забыть своего первого литературного наставника – мэтра советской поэзии Э.Г. Багрицкого, называвшего молодого друга «юным оруженосцем». В воспоминаниях 1965 года («Литературная Россия», №26) дядушка упоминает о своей помощи больному поэту в годы жизни последнего в Кунцево. Ухудшавшееся состояние здоровья заметно влияло на творческие возможности не достигшего и сорока лет поэта, что, естественно, сказывалось на материальном положении его семьи. Человек-легенда тридцатых годов, проторивший немало охотничьих троп, прекрасно знавший повадки рыб и птиц, по приговору болезни оказался взаперти наедине со своими любимцами и, конечно, поэзией. Но они, к сожалению, не могли изменить «презренную прозу жизни». К счастью, в конце концов, был найден остроумный выход: Валентину Валентиновичу было предложено ездить в Румянцевскую библиотеку, чтобы разыскивать в старых изданиях одесских газет и жур-

налов стихи Багрицкого. (Сохранился листок бумаги, на котором рукой мэтра запечатлена просьба: *«Милый Вита! Прошу Вас привезти матер. – он мне необходим. С тов. приветом Э. Багрицкий»*.) После долгих часов поиска в архивах читального зала переписанные от руки строки привозились в Кунцево, где они, в свою очередь, подвергались правке, небольшим переделкам. По окончании указанных процедур рукописи отправлялись с тем же юным поклонником в редакции типа: «Красная нива», «Голос текстилей», «Прожектор», «Журнала для всех». Переписывал Португалов по просьбе Багрицкого в тетради и любимые поэтом стихи Владимира Нарбута, Семёна Гехта. Подтверждением истинности изложенного служат хранящиеся в РГАЛИ тетрадные листы указанных стихов, запечатлённых рукой В.Португалова, что отдельно прокомментировано работниками архива.

Эдуард Георгиевич, позднее и его жена Лидия Густавовна (сестра писателя Ю.Олеши), по возможности, расширяли круг литературных знакомств своего соседа и помощника; охотно, с любовью, вспоминая годы своей интересной молодости. В их рассказах часто звучали имена участников заседаний студенческого литературно-художественного одесского кружка «Зелёная лампа» – Валентина Катаева, Ивана Лунца, Юрия Олеши. Именно там, в бедном, без удобств, но гостеприимном кунцевском доме Багрицких³ Валентин Португалов познакомился с В.Нарбутом, И.Бабелем, П.Васильевым, Д.Бродским, Л.Славиным, С.Олендером, С.Липкиным, Леонидом Леоновым, последний привечал юношу в своём московском доме на «Девичке», подарил вышедший роман «Вор». Был Валентин в те времена «кудрявым румяным 16–17-летним мальчишкой», собиравшим различные породы кактусов, писавшим стихи (из

письма к Л.Леонову через двадцать лет).

Среди своих многочисленных знакомых Португалов выделял и дружил со Львом Гладковым⁴, братом театрального критика, журналиста, режиссёра, драматурга, сценариста Александра Гладкова. Знаком был в те годы с А.Н.Арбузовым, В.Э.Мейерхольдом, В.Н.Плучеком, М.Светловым, К.Симоновым, Я.Смеяковым, С.Васильевым, Е.Долматовским, А.Шевцовым, И.Пулькиным, М.Алигер, В.Луговским, Б.Трояновым, М.Матусовским. Трудно составлять списки – ведь в юности легко знакомятся друг с другом, переходя из одной в другую компании лиц единого информационного поля.

Внезапно успешно начинавшаяся актёрская и литературная карьера прерывается подлым доносом, последующим арестом и незаконным осуждением. Инкриминировали ему «участие в террористической группе молодых, разрабатывавших план покушения на товарища Сталина». Взят под стражу Валентин Валентинович был 27 апреля 1937 года, а в июле – после мучительных допросов, унижений, оскорблений – осуждён Особым совещанием НКВД СССР «за контрреволюционную агитацию» и приговорён к исправительно-трудовым лагерям. Подробности дела я частично почерпнула из автобиографических воспоминаний дяди, частично – из открытых для просмотра фондов литератора А.Гладкова⁵ (рукописных дневников) и напечатанных страниц его памяти⁶.

Потрясающее впечатление оставляли дневники, сохранившиеся в лихолетье времён и сохранившие память о них, – удивительно смело и подробно фиксировавшие не только детали личной, весьма раскованной жизни, но и все страшные сюжеты той поры. Трудно представить существование подобного рода откровенных записей. В них запечатлевалось всё, в том чис-

ле и детали повседневного быта (ухудшение снабжения населения продовольствием, появление очередей, повышение цен на продукты), политического соотношения сил в стране и за рубежом. (*«28 февраля 1939 г. умерла Крутская, тяжело ей было»; «Ферми эмигрировал из Италии»; сообщения о мятеже в Испании, боях на монгольской границе, взятии немцами Варшавы, боях под Львовом, Брестом, войне и заключении мира с Финляндией, переговорах Сталина с Риббентропом, исчезновении Ежова и т.п.*)

Знакомство с записями я начала с дневника 1937 года – времени ареста Валентина Валентиновича, окончила хроникой 1969 года – его ухода из жизни. И в каждом томе наблюдений за происходившими предвоенными, военными событиями звучали горькие слова об арестах, самоубийствах друзей, знакомых и вовсе незнакомых людей. Среди перечислявшихся арестованных – имена знакомых (Суок – Багрицкая Лидия Густавовна, Александр Аросев, Бела Кун, Наталия Сац, Бети Глан, Михаил Кольцов, Вадим Козин, Всеволод Мейерхольд.) *«Волна репрессий не сходит на нет, становится всё шире; исчезает не только элита, но и среднее звено; редуют ряды редакционных коллективов, вождей украинского и русского Комсомола» – «Это не «чума» – это налетевшая беда, гибнут хорошие люди».*

Такая беда надвинулась чёрной тенью на семью А.Гладкова:

6 мая 1937 года. «Утром звонил (брат) Лёва и просит обязательно прийти на Большой Знаменский» (домой)...» Иду. Лёва взволнован – на днях арестован Валя Португалов, его близкий товарищ... Причины ареста, конечно, неизвестны: вероятно – какой-нибудь трёп. Лёва довольно спокоен, т.е. волнуется, хотя и не слишком. Арестовали же Ивана П., и никого из товарищей это не задело...»

21 мая. «Гуляю с Лёвой. О Португалове ничего не известно. Он сидит в Бутырьках. Передачи не принимают. Лёвка тревожится, но не слишком: последний год он как раз редко виделся с Валькой».

16 июля 1937 года. «Арестован брат Лёва...».

8 августа. «...потом захожу в Серебряный пер. к М.Я... Говорили почему-то о Бодлере и Ницше, потом перешли на московские слухи и новости. Новости из Ташкента – и там непрерывные аресты; в Таджикистане арестовано всё поголовно партийное и советское руководство; аресты политэмигрантов. Наводнение доносов...».

16 августа. «Месяц, как Лёвка в тюрьме. И почти месяц, как я не встречался с большинством из приятелей, с которыми был неразлучен почти до середины июля...».

25 августа. «Позвонила Марина Португалова (жена Вальки) и рассказала, что в окне справок Бутырской тюрьмы ей сказали, что Валентин «выбыл этапом». Это может касаться и Лёвы, т.к., вероятно, у них одно общее дело. Говорила она почти иносказаниями, и я не понимал. Потом она пришла сама и рассказала всё подробно. Надо думать, что Валька отправлен в лагерь и, следовательно, осуждён».

15 октября. «Радиограмма из Владивостока от Лёвы. Здоров... Мы узнали о его отправке в конце августа. Всё говорит о том, что у него не самостоятельное дело, а скорее всего, по делу Вали Португалова, арестованного за два месяца до Лёвы. Осуждён на 5 лет за «контрреволюционную агитацию»...»

29 октября 1937 года. «В Ленинской библиотеке встретил Ивана Пулькина. Поговорили о Лёве и Вале и разошлись».

Зимой 37–38 гг. Пулькин передал Гладкову стихотворение «Два друга уезжали», посвящённое брату Лёве и Валентину Португалову (в книге «Пять обелисков» к стихотворению напечатано ошибочное посвящение И.Дельвику и В.Кюхельбекеру).

В хронике магаданской жизни («**МАГАДАН.** Конспект прошлого. Годы. Люди. Проблемы», Магадан, 1989) сообщается: «27 октября 1937 года на пароходе «Кулу» в Магадан прибыл артист и литератор В.В. Португалов, отправленный на рудник «Хота» забойщиком. За годы осуждения ему пришлось поработать ещё и лесорубом, трактористом, горным мастером».

В дневниках последующих лет (сороковые годы) Александр Гладков пишет о наладившейся связи с братом Львом, Валентином Португаловым, о тяготах быта осуждённых, посылаемой им брату материальной помощи, а также новинок литературы – стихов Ахматовой, Пастернака, своих пьес. В письмах 1943 года, советуя не совершать никаких авантур в попытках выбраться из мест весьма отдалённых, настоятельно рекомендует не возвращаться из Колымы в Москву до окончания войны. *«Живите и ждите, сидя спокойно на месте... Победа и конец войны не за горами и тогда ... всё само собой образуется... А то, право, глупо из одной заварухи и попадать в другую...»*

Страницы дневниковой памяти пятидесятых годов отражают новые сведения о Валентине Валентиновиче, встречах с ним, рассказах последнего об очной ставке с Шевелёвой, посадившей не только его и Льва Гладкова, но многих других сокурсников, ужасах допросов, этапирования и пребывания в местах заключения, попытках побега.

В хронике дней от 12 марта 1969 года – когда узнал из газеты о смерти Валентина Португалова, «товарища Лёвы и моей молодости», – делает запись о последней с ним встрече.

«...Позвони как-нибудь, Шура! Сказал он мне. Я кивнул головой».

Наверное, он был последним, кто звал меня Шурой...

Ах, Валя, Валя! Многое бы я мог написать о нём. Он пережил Лёву на 20 лет, и все удивлялись, как хорошо он выглядел; он был даже румяным, как сердечники, и это принималось за признак здоровья. Эта встреча могла быть 22 февраля или 24-го, т.е. ещё нет и 3-х недель. Очевидно, смерть была мгновенной...

Я ещё напишу о Вале...

.....

Господи, как я хорошо помню это проклятое лето – лето 1937 года, начавшееся для нас с Лёвкой арестом Вальки, кажется, перед майским праздником. И 16 июля был арестован и Лёвка. Их обоих посадила эта сука стукачка Екатерина Шевелёва, а руки приложили к аресту А.Роскин и Матусовский. Потом, в годы «позднего реабилитанса» они, конечно, заявили, что их показания были ложными и вынужденными, и Лёву и Вальку реабилитировали. Лёву уже посмертно. А Валя стал членом Союза писателей. Издавал, разыскивал и печатал стихи друзей.

Прощай, Валя!»

Прервав эту цитату, вернёмся к послеарестным подробностям жизни Валентина Валентиновича вновь в рассказе Гладкова:

«Встречаюсь с Португаловым. Долго сидим в Александровском саду, и он мне рассказывает о 37-м годе – как он выглядит с той стороны тюремной решётки. В недели тюрьмы и этапа перед ним промелькнули в камере: поэт Иван Приблудный, А.Нейман (наркоминделовец, уже в августе), И.И. Радченко, старый большевик, А.Грам, секретари обкомов тульского, орловского. Никто ничего не понимал. Старые большевики держали себя достойно, замкнуто. В одном этапе с ним и Лёвой ехал Мирский⁷. В пересылочном лагере у Владивостока встретили поэта В.Князева, прибывшего туда с ленинградским этапом, и В.Нарбута, прибывшего с тем же этапом, что и они. С ними же ехал наш дальний родственник Шурик Кондратьев, совсем мальчик, всё преступ-

ление которого заключалось в том, что он сказал в школе, что больше интересуется Ницше, чем Марксом. Он погиб в ближайшие годы на целине. Князев и Мирский работали в гараже – открывали ворота машинам. Ворота тяжёлые, но это самая лёгкая работа. Среди начальства были опальные чекисты из Ленинграда: Медведь и Запорожец. Они исчезли в конце 37-го или начале 38-го. Диктатором был начальник Дальстроя Я.Берзин, потом появился Никишев.

Первое впечатление, когда прибыли на пароходе в Магадан: «Неужели здесь могут жить люди?..» Пурга, ветер, морозы. Жили на берегу залива в палатках. Мирский мучился тем, что ему всё время нужно было выходить на мороз: больной желудок и недержание мочи. Режим менялся, но

были суровые годы и месяцы, когда на разводах зачитывали списки расстрелянных в эту ночь. Конвоир мог не понравившегося з/к отвести в сторону и застрелить, и ничего ему не было...»

Не менее впечатляющ рассказ от своего лица самого Валентина Валентиновича о встречах на затерянном в сопках прииске Нечаянный с забытым ныне, а ранее, в 30-х годах, известным поэтом Александром Шевцовым («Литературная Россия», 1965, №26). Направленных на промысловый сезон (добиравшихся до прииска зимой по снежной дороге, а летом – пешком по заболоченным распадкам) людей помещали в палатки-временки, обложенные вокруг снегом. Отправляясь на работу, арестованные никогда не знали,

удастся ли им вернуться назад в бараки живыми. Холод, физически тяжёлая работа на шурфах и на ручном бурении ломом на открытом полигоне, небольшие пайки доводили истощённых людей до скорой гибели – уходили в небытие в мерзлоте колымской почвы и многие знакомые В.Португалова. Немалому числу известных деятелям культуры, искусства, разделявших печальную судьбу своего дядюшки (Варламу Шаламову, Георгию Варпаховскому, Георгию Жженову, Семёну Виленскому, Вадиму Козину, Эдди Рознеру, Галине Воронской, Евгении Гинзбург, Бруно Ясенскому, Владимиру Нарбуту) были понятны, близки написанные почти белым стихом горькие слова его воспоминаний-бытописаний:

После возвращения из Магадана. Валентин Португалов. 1960-е годы

«Колыма, моё горе
и гордость –
Сколько вёрст здесь
исхожено.
Колыма, моё горе
и гордость,
Сколько сил здесь положено.
Я ходил по твоим дорогам,
Воду пил из твоих ключей,
Я плоты проводил
по дорогам
В мутном свете белых
ночей.
Я кайлом в мерзлоту
вгрызался,
Вековые деревья валил,
Никакого труда
не гнушался,
Чистый спирт, словно воду,
пил.
Я не раз тонул в твоих
реках,
Голодал и спал на снегу,
Следяною коркой на веках
По распадкам плутал
в пургу.
Мне знакомы таёжные дали
И охотничий дым костров.
Семь смертей меня
миновали,
Продували сотни ветров.
Мне дороги здесь
не заказаны,
Знают сопки и люди меня.
Колыма! – мы с тобою
связаны
Клятвой холода и огня.

Освобождение от тяжёлого, порой непосильного труда, ужасающих условий быта пришло 14 мая 1942 года. 1 сентября этого же года Валентина Валентиновича принимают актёром в труппу Магаданского музыкально-драматического театра имени А.М. Горького, где, помимо этого, он исполняет обязанности режиссёра; одновременно руководит эстрадной группой; параллельно, как актёр, чтец-исполнитель и режиссёр, участвует в постановках Колымского радиовещания; и, конечно, продолжает литературную работу. В августе 1946 года брата отца вновь арестовывают по доносу о написании политических стихов. Военный суд МВД при Дальстрое инкриминирует ему сочинение «не совсем весёлой песенки», распеваемой на Колыме; при этом совершенно не принимается во внимание, что стихи были созданы намного ранее – в 1938 г.. Вердикт вынесен: осуждён по статье 58-10 Уголовного кодекса РСФСР на 8 лет. Примечательно, что повторному осуждению, как и первому, способствовали женщины – достаточно близкие ему в те годы Софья Исааковна Сержина и Хана Иосифовна Пронина. В их показаниях, свидетельствах других привлечённых по этому делу следствию звучало: «Португалов является антисоветски настроенным в отношении ЦКП(б) и советской власти, систематически занимается проведением среди жителей города контрреволюционной пропаганды, выражая злобную ненависть в отношении руководителей большевистской партии и Советского правительства. Кроме того, Португалов занимался сочинительством контрреволюционных стихотворений, которые в рукописи распространял среди окружающих людей». Некий Андреев, работавший с Валентином Валентиновичем в театре с 1942 г., сообщал, что последний «враждебно настроен к советской власти и ждёт, когда умрёт хозяин». Дру-

гой свидетель, характеризуя подсудимого как распущенного, неуравновешенного, испорченного человека, любящего выпить, нецензурно ругаться, добавлял, что вдобавок он «восхваляет, ценит высоко старых дореволюционных и иностранных писателей – Есенина, Ахматову, Мандельштамта, Цветаеву, Пулькина, ценит и свои способности». Х.Пронина не единожды «сдавала» своего знакомого: «...Он враждебно настроен к существующему строю... Считаю своим партийным долгом поставить Вас об этом в известность. Стихотворение Португалова... прилагаю на Ваше усмотрение». Некоторое время спустя следуют её дополнительные обвинения Португалова в том, что тот «враждебно относится к существующему политическому строю в СССР»; «называл себя террористом, способным совершить террористический акт», «доказывал необходимость борьбы с советской властью», «доказывал, что миллионы готовы подняться на борьбу по первому сигналу», что «после войны будет дворцовый переворот или реформы государственного строя, так как нельзя всё держать на штыках». Эти и такого же рода сообщения не позволили отменить обвинительный приговор при рассмотрении поданной Валентином Валентиновичем в Военный трибунал кассационной жалобы – жалоба была отклонена, и приговор вступил в силу.

Об отдельных эпизодах в годы вынужденной изоляции Валентина Валентиновича упоминается в колымских рассказах («Несколько моих жизней» Москва, 1996) В.Шаламова, познакомившегося и встречавшегося с моим дядюшкой почти ежедневно в период с 1947 по октябрь 1951 гг.⁸ Варлам Тихонович вспоминает о праздниках духа – ночных бдениях в лагерной больнице, где ему удалось закрепиться в качестве фельдшера хирургического отделения. Нельзя не цитировать полностью пронзитель-

ные строки воспоминаний ныне всем известного узника колымского ГУЛАГа. Потрясает констатация того факта, что «острее мысли о еде, о пище является новое чувство, новая потребность, вовсе забытая Томасом Мором в его грубой классификации четырёх чувств. Пятым чувством является потребность в стихах. У каждого грамотного фельдшера, сослуживца по аду, оказывается блокнот, куда записываются случайными разноцветными чернилами чужие стихи – не цитаты из Гегеля или Евангелия, а именно стихи. Вот, оказывается, какая потребность стоит за голодом, за половым чувством, за дефекацией и мочеиспусканием. Потребность слушать стихи, не учтённая Томасом Мором. И стихи находятся у всех...»

Совершенно случайно, а может быть, по воле Небес, в перевязочной гнойного хирургического отделения арестантской больницы ненадолго нашли себе приют от суровых будней литератор Шаламов, известный в прошлом киносценарист Добровольский, бывший в описываемые времена фельдшером глазного отделения той же больницы⁹, и, наконец, руководитель культбригады больницы и самодеятельности – заключённый Португалов. Сразу, когда определилось, что все трое – поклонники русской лирики начала девятнадцатого века в больничных стенах зазвучали стихи, но не стихи, когда-то написанные собравшимися, а музыка стихов истинных классиков.

«Час чтения стихов. Час возвращения в волшебный мир... Мы все взволнованы.... Эти поэтические ночи начинались в девять часов вечера после проверки в больнице и кончались в одиннадцать-двенадцать часов ночи... Таких поэзоночей, которые в больнице получили название «афинских ночей», мы провели несколько». Каждый, вспоминая «божественные» строки, вносил в общую

копилку памяти своё, наиболее дорогое ему.

Взносом В.Шаламова были: «Блок, Пастернак, Хлебников, Северянин, Каменский, Белый, Есенин, Тихонов, Ходасевич, Бунин. Из классиков: Тютчев, Баратынский, Пушкин, Лермонтов, Некрасов и Алексей Толстой».

Поражавший всех «образами прекрасной действующей актёрской памяти, уже смазанной чуть-чуть маслом кулыработы», Валентин Португалов «ничего не читает по бумажке – всё на память». Его взносами были: «Гумилёв, Мандельштам, Ахматова, Цветаева, Тихонов, Сельвинский. Из классиков – Лермонтов и Григорьев...»

Доля Добровольского: *«Маршак с переводами Бёрнса и Шекспира, Маяковский, Ахматова, Пастернак – до последних новинок тогдашнего самиздата. «Лиличке вместо письма» было прочитано именно Добровольским, да и «Зима приближается» мы заучили тогда же. Первый ташкентский вариант будущей «Поэмы без героя» был прочтён тоже Добровольским. Пырьев и Ладынина прислали бывшему сценаристу «Трактористов» и эту поэму».*

«...У каждого из нас был свой счёт к поэзии, я называл бы его гамбургским, если бы этот термин не был так затаскан. Мы дружно решили не тратить время наших поэтических ночей на включение в нашу поэтическую устную антологию таких имён, как Багрицкий, Луговской, Светлов, хотя Португалов и был с кем-то из них в одной литературной группе (выделено мною). Список наш отстоялся давно. Наше голосование было тайным из тайных – ведь мы проголосовали за одни и те же имена много лет назад, каждый отдельно от другого, на Колыме. Выбор совпадал в именах, в стихотворениях, в строфах и даже в строчках, особо отмеченных каждым. Стихо-

творное наследство девятнадцатого века не удовлетворяло нас, казалось недостаточным...»

Вскоре, однако, эти встречи (к чтению собственных стихов ценителям поэзии так и не удалось приступить) пришлось прекратить из-за доноса...

Освобождён из заключения (лагеря на Левом берегу) Валентин Валентинович был в 1952 году; полностью реабилитирован по обоим делам в 1956 году¹⁰. После освобождения поначалу работал нормировщиком, диспетчером автопарка, художественным руководителем районного Дома культуры в известном посёлке Ягодный. Позже его приняли методистом Магаданского областного Дома народного творчества. Вскоре начал печататься в газетах, альманахах, журналах, составил около тридцати репертуарных сборников для художественной самостоятельности. Много сделал для становления и развития культуры народов Крайнего Севера – собрал и издал совместно с композитором Н.Харвой чукотские, эскимосские и эвенские сказки; представил русскому читателю в своих переводах творчество А.Кымытваль, В.Энмыкау, В.Тымнетувга, В.Келькута, Ю.Анко, В.Энмынкау, В.Арычайвуана.

Позднее, в 1957 году, знакомил москвичей и гостей VI Всемирного фестиваля молодёжи с оригинальным ансамблем народного творчества Чукотки, руководителем которого он являлся (до сих пор в памяти своеобразие костюмов, звуков, запахов, заполонивших наш дом). Примечательно, что никому неизвестный молодёжный этнографический ансамбль завоевал серебряную медаль. В последующие годы многие из учеников называвшегося в глаза и за глаза «папы Вали, Валентиныча» с благодарностью продолжали вспоминать всё доброе, совершенное им.

Жизнь заброшенного судьбой в жуткие условия неустроенного быта у многих исковеркала бы душу, но беспокойный характер борца и труженика позволил справиться с бесконечными тяготами, отвести их от себя прочь и в творчестве воспевать не только суровую и лиричную природу Севера, но и мужественных людей, покорявших её во все времена. Многие из творческого наследия пропали во время его арестов, многое не осуществилось. Так, не сохранился труд по переводу «Слова о полку Игореве», многие вещи, по понятным причинам, не могли попасть на страницы печати и не были опубликованы. Мне кажется, он мог состояться как большой, тёплый поэт, если бы не случившееся. О присланных из тайги в 1961 году стихах сообщает Гладкову: *«Стихотворение это написано лет одиннадцать-двенадцать тому назад и является заключительным в цикле, посвящённом О.Э. Мандельштаму. К величайшей жалости, весь цикл, как и большинство из того, что писалось в течение «первых» пятнадцати лет моего колымского бытия, утрачено. А это – нашлось. Покажи его вдове О.Э., может быть, ей это будет интересно?»*

*Я пью за глаза и губы,
Которые лгут и лукавят.
Я пью за нежных и грубых,
Что жизнь за копейку
не ставят.*

*Я пью за любимые руки,
Которых не смог уберечь,
За горький трепет разлуки
И радость коротких встреч.
За солнце и за ненастье,
За вас, Икар и Дедал.
Я пью за большое счастье,
Которого не видал.
Я пью за тайгу, за сопки,
За холод горных ключей,
За шелест лиственниц*

*робких,
За то, что стал я ничей.
Я пью за мечту свою
скудную,
За тёплое слово в письме.*

*Я пью за жизнь мою
трудную
И за лёгкую смерть.*

Остались немногие книги – «Встречь солнца», «Костёр в снегах», «Колыма историческая», «Сиверко», «Северо-Восток», множество методических работ по организации коллективной художественной самодеятельности. О творчестве и личных качествах Валентина Валентиновича с грустью вспоминали писатели В.Тельпугов, А.Жигулин, А.Алдан-Семёнов, А.Межиров, С.Сартаков. Трудные годы выживания на далёких северных окраинах отражены и в единственном уцелевшем у меня письме Валентина Валентиновича моему отцу перед предполагаемым его возвращением в Москву.

«Очень трудно говорить с тобой на расстоянии тридцати тысяч километров и двадцати лет разлуки. Однако писать необходимо, чтобы попытаться понять, чем живёшь ты, чем живёт Москва? Двадцать лет я прожил жизнью совершенно отличной от той, какой жил ты, и само собой разумеется, что ощущения от объятий мадам-жизни у нас различные. У меня, например, страх как болят бока.

Вопросов у меня много, но все они сводятся к одному: что я могу сейчас делать в Москве? Сколько надо зарабатывать, чтобы прокормить семью? Быстро ли предоставляют жильё реабилитированным? Как смотрят на нашего брата там чины и люди?

Что даст мне Москва? – Двухмесячную зарплату по месту моей прежней работы? – Крохи! ...? Что мне сулит Москва в будущем? – уравнение со многими неизвестными... – Как актёр я за эти годы дисквалифицировался и, очевидно, стал очень провинциальным... Как литератор? – почти все мои рукописи погибли за время моих двукратных лагерных скитаний, то же, что я сей-

час делаю, может быть, и не плохо, но всё равно мне надо лбом пробивать себе путь. У Заболоцкого на это ушло 10 лет, у Мартынова – 20. Сколько понадобится мне? – А я, того гляди, сдохну... – Ты понимаешь, как всё это сложно сейчас для меня. Сложно и непонятно.

Ну хватит болтать... Пошлю тебе альманах с главой из моей поэмы «Колыма историческая». Напиши своё мнение о ней...»

И всё же Валентину Валентиновичу удалось, преодолев сомнения, вернуться в Москву, начать новую, не менее сложную жизнь. **«Под конец, как в театре скажут: под занавес / (Так уж, видно написано на роду!) / В пятьдесят жить мы начинаем заново / Мы, «крещёные» в тридцатом году».** Ему удалось включиться в новую жизнь, принять со всеми радостями и невзгодами – **«Я выжил... / Значит, снова для меня / Кружится снег, качаются деревья / И солнце щурится, капель хохочет, / Сны шелестят, и день сменяет ночь...»** Хотя к **«восторгу ощущения возможности нового бытия присоединяется тоскливое – «Я выжил, я живу, я жив! / А может... / А может, лучше было умереть?...»**

После переезда Валентина Валентиновича в Москву беспокойный и щедрый его характер вновь подвигает на очередной подвиг – подвиг собирателя и хранителя творческой памяти погибших на фронтах Отечественной войны поэтов, поэтов, исчезнувших в лагерях. По крупницам извлекались из исторической памяти стихи Георгия Суворова, Алексея Лебедева, Ивана Пулькина, Фатыху Карима, Ивана Рогова, Александра Шевцова и многих других. Публикация стихов предварялась тепло написанными Валентином Валентиновичем Португаловым биографическими новеллами. Стихи эти печатали в га-

зетах, литературных альманахах, были изданы отдельной книгой «Пять обелисков». Несмотря на ухудшившееся здоровье, будучи членом Союза писателей, активно участвовал в общественной жизни писателей Москвы. Его даже восстановили в рядах партии. С 1964 года руководил кафедрой литературного творчества на Высших литературных курсах Союза писателей СССР (в Литературном институте имени А.М. Горького); был членом ряда редколлегий, в том числе популярного в своё время альманаха «День поэзии».

Отличительными чертами были доброта, стремление прийти на помощь, быть нужным людям. Он многого не осуществил, не сделал – не закончив задуманный роман, трагически погиб от второго инфаркта. Причиной которого стал ещё один навет погубившей в 1937 году его и многих молодых людей Екатерины Шевелёвой. Вскоре не стало его старшего сына, талантливого, много обещавшего владивостокского журналиста, также не выдержавшего последствий жизненных тягот.

Думаю, будет уместно привести слова из воспоминаний писателя Виктора Тельпугова: «...он был таким жизнелюбом, так вечно рвался к работе, которая всегда оставалась основным, едва ли не единственным смыслом его судьбы. Таков поэт-коммунист Португалов, таковы герои его стихов – смелые сильные люди, посвятившие себя освоению тайги и тундры. Его потому и влекли к себе мужественные характеры, что сам он был в числе непосредственных участников покорения суровой природы. Мало солнечных дней в тех краях, где поэт прожил лучшие годы жизни, но удивительное тепло струилось из его груди. Перефразируя в шутку слова Маяковского, Португалов как-то сказал о себе: «Среди эскимосов я эскимос, среди чукчей – чукча». В шутке этой

больше правды, чем он подозревал. Молодые писатели Севера говорили мне, что русский поэт – их родной брат; так много сделал он для них как переводчик, редактор, ревностный ценитель и собиратель всего самого интересного, что появлялось в рождающихся литературах»¹¹.

«Валентин Валентинович погиб не на поле боя. Скончался на больничной койке в послевоенные годы. Но, если перефразировать слова его ближайшего друга Ивана Пулькина, поэт умер за счастье Родины. И жил за её счастье. Жил встречу солнца. Подтверждением тому – стихи, вдохновенные, чистые, посвящённые Отчизне и человеку труда. Подтверждением тому – переводы многих своих собратьев, всегда согретые сердцем, проникнутые духом дружбы, интернационализма.

Любовь к людям, стремление прийти к любому на помощь, оказаться нужным, необходимым другим, – в этом весь В.В. Португалов, самообытный поэт, неуёмный труженик советской многонациональной литературы».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Ф. 1399. Оп. 2. Ед. хр. 65. (Багрицкий В.Г.). Письмо В.В. Португалова.

Ф. 2030. Оп. 7. Ед. хр. 21. (Реалистический Театр)

Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 80 – 109, 174, 330, 607 – 612. (Гладков А.Ф.).

Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 133. (Шаламов В.Г.) Воспоминания о В. Португалове.

Ф. 2954. Оп. 1. Ед. хр. 182. (Гнесин М.Ф.). Воспоминания о своей музыкально-просветительской деятельности в Ростове-на-Дону.

Архив музея Ф. Глинки:

Автобиография Португалова Вит. П.

Португалов Виктор Валентинович. «Большая Медицинская Энциклопедия». М. Изд-во Сов. Энциклопедия. 1983. Т. 20, С. 342.

Португалова В. «Португалов Виктор Валентинович». Портреты ученых. Нейрохимия. 2003. Т. 22, № 2, С. 145 – 155; Там же: Т. 23, № 3, С. 229 – 238.

Анненский Иннокентий. Фамира – Кифардэ. Вакхическая драма. Издание посмертное. Издание В.П. Португалова. М. 1913. Настоящее издание выпущено в свет в количестве 100 нумерованных экземпляров в изящном сафьяновом переплете. Типография И. Люндорфа.

Кривич Валентин. Цветотравы. М., 1912. Изд-во В. П. Португалова. Типография Московского Изд-ва «Копейка».

Олидорт Борис. Тростниковая флейта (стихотворения). М.: Издал Валентин Португалов. Типография Л.В. Пожидаева и А. Ньюнина.

Олидорт Борис. Геммы (Стихи). М.: 1912. Издал Валентин Португалов. Типография Л.В. Пожидаева и А. Ньюнина.

Бирюков А. «Крымское путешествие. Часть первая. По-

следний Рюрикович». Магадан. 2001.

Бирюков А. «Жизнь на краю судьбы. Писатели на Колыме». Новосибирск. Свиныи и сыновья. 2006.

Лаптев Ю., Межиров А., Пименов В., Сартаков С., Сурков А., Тельпугов В. Памяти друга (В связи с кончиной поэта В.В. Португалова). Некролог // Литературная газета. 1969. № 11, 12 марта 1969.

«МАГАДАН. Конспект прошлого Года. Люди. Проблемы.» Магадан. Магаданское кн. Изд-во. 1989.

Португалов В.В. Чукотка. Стихи. // Советская Россия. 1958. 24 мая С. 2.

Португалов В.В. Северо – Восток. Магадан. Магаданское кн. Изд-во. 1960.

Португалов В.В. Мой Юго-Запад (Воспоминания об Э. Багрицком) // Литературная Россия. 1965. № 44.

Португалов В.В. Человеку не спится. М.: Советский писатель. 1968.

Португалов В.В. Мы, крещённые в тридцать седьмом году. М.: Антика. 2006.

Тельпугов В. Слово прощания (В связи с кончиной Валентина Португалова) // Литературная Россия. 1969. № 11. 14 марта.

Рабиндранат Тагор. К столетию со дня рождения (Сборник статей). Академия наук СССР. Институт народов Азии. М.: Изд-во восточной культуры. 1961.

Шаламов В.Т. Несколько моих жизней. М. 1996.

Шаламов В.Т. Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: ЭКСМО. 2004.

¹ Человек неординарной судьбы, неоднократно становившийся первопроходцем во многих областях науки, в которые он вносил немало нового. Начав свою научную карьеру в области кинематографии, он стал создателем первых в мировой практике фильмов о живой нервной клетке. Жизненные коллизии привели к тому, что он стал военным токсикологом; затем участвовал в разработках, способствовавших спасению жизни авиаторов (за что получил Сталинскую премию). Прекрасный гистолог, гистохимик, нейробиолог, принимал участие в первых атомных исследованиях, изучал влияние

дотолы неизвестных факторов на организм при первых космических полётах, занимался изучением стрессорных факторов на отдельные системы животных. Глава российской школы гистохимии, основоположник функциональной и молекулярной морфологии, член-корреспондент АМН СССР, прекрасный организатор, Виктор Валентинович до сих пор остаётся в памяти своих учеников, коллег.

² Красоты земель древнего подмосковного Кунцево издавна привлекали московских дачников в летнее время – бывали здесь С.Аксаков, М.Загоскин,

Ф.Шехтель, Сабашниковы, поэты В.Маяковский, Б.Пастернак, П.Васильев, Л.Леонов, Ю.Олеша, А.Твардовский, Э.Багрицкий, И.Бабель – всех не перечислить.

³ Из воспоминаний Семёна Липкина – «...Вряд ли это нравилось Лидии Густавовне, но она вынуждена была примириться с тем, что в дом ежедневно приходят поэты, иногда рыбодовы. Багрицкий, мучимый астмой, редко выезжал в город, ему нужны были собеседники, сообщавшие ему литературные и другие новости. Всех надо было принять, пусть кое-как, но угостить, в то время как заработки Багрицкого были скудные, он мало писал, на гонорары прожить было трудно, он переводил то Назыма Хикмета, то Ицика Фефера, уставал от неприятной работы и половину подстрочников отдавал на версифицирование двоим своим молодым друзьям, честно делясь гонораром с безымянными соавторами. Эдуард Георгиевич с женой и Севкой (Всеволодом) снимали половину избы в Овражном переулке. Хозяин избы, по фамилии, кажется, Дыба (или Дыга?), белорус, послужил для Багрицкого прототипом «Человека предместья» (так называлась его поэма), а дочка Дыбы, рано умершая девочка, вдохновила Багрицкого на сочинение поэмы «Смерть пионерки», одной из слабых его вещей. Окно в комнате выходило на болото, а сама комната отделялась от кухни не достигавшей потолка фанерной стенкой, оклеенной полинявшими обоями. Обстановка была бедная, деревенская: постель, на которой Багрицкий всегда полулежал, широкий самодельный стол и такая же скамья, раскладушка для Севки, подаренная мною, когда я купил себе кровать. Украшали комнату аквариумы с пёстрыми рыбками: Багрицкий был страстным любителем рыб, хорошо, почти профессионально, их знал...»

⁴ Подтверждением тёплых приятельских отношений явилось неожиданно нашедшееся дружески укоризненное послание, выдержанное в старославянском стиле от апостола Валентина Кунцевского Льву, апостолу Знаменскому, датированное летом 1936 от Рождества Христова. «...И наслышан аз о блудодеяниях твоих и повергли они мя во ужас, в коем пребываю и по сей час. Лепо ли, вопрошаю тебя, святого жития старцу – апостолу вожжаться с девкою Магдалиной, предаваясь с ней греховным наслаждением, блудом называемым. Пристало ли основоположнику Великой Знаменской Обители пограть святой Закон Дружбы и отвратить слух свой от увещаний и наставлений отца настоятеля нашего смиренного Иоанна Пустынника. Наконец, богохульник, преступил ты заповедь Божию – «не пожелай...»

⁵ Журналистскую деятельность Гладков начал в 16 лет. Работал заведующим литературной частью, режиссёром-ассистентом в Студии Н.П. Хмелева; в театре В.Мейерхольда исполнял обязанности заведующего лит. частью. Один из основателей Московского Театра Студии, где был редактором известнейшей в своё время коллективной пьесы «Город на заре». Автор любимой зрителями пьесы «Давным-давно»; его перу принадлежит и ряд других пьес, среди которых: «Жестокий романс», «До новых встреч», «Новогодняя ночь», «Времена года», «Бессмертный». С 1948 по 1954 гг. из-за ареста ему пришлось работать в лагере Архангельской области. Автор воспоминаний о

В.Мейерхольде, Б.Пастернаке, М.Светлове, Ю.Олеше, К.Паустовском и др.

⁶ События тех дней запечатлены и в воспоминаниях К.Симонова – «Был арестован и поэт с нашего курса Валентин Португалов, поклонник Багрицкого, ездивший к нему, ещё когда тот жил в Кунцове, совсем мальчик, – изящный, тонкий, красивый юноша, писавший тогда довольно вычурные, не нравившиеся мне стихи. С ним я встретился только двадцать с лишним лет спустя, когда он приехал в Москву с Колымы, где отбыл срок, а потом остался работать, собирал там фольклор, переводил, писал, приехал в Москву с книгой стихов – очень крепкий на вид, квадратный, бывалый человек с кирпичным северным загаром. Он выпустил книгу стихов – мужественных, северных по теме и по звуку своему, и работал потом на Высших литературных курсах. Хотя на вид был очень крепок, умер рано, лет в пятьдесят. Как-то однажды, когда мы с ним сидели, занимались подготовкой к печати его книги, вдруг назвал мне продолжавшего здравствовать человека, в своё время своим заявлением на его счёт посодействовавшего его отъезду на Колыму. Сказал об этом человеке с полупрезрением, с полупониманием...»

⁷ Дмитрий Петрович Святополк-Мирский, сын министра внутренних дел царского правительства, известен как начинавший декадентский поэт, офицер царской армии, сначала эмигрировавший, а затем ставший членом компартии Великобритании; широко почитаемый в Европе и Америке историк русской литературы, литературовед, литературный критик, увлечённый идеями Советской Республики, решил вернуться на Родину. В 1931 году его желание получить советское гражданство удовлетворили, а через шесть лет позволили изучать новую действительность на нарах. Зарыт в мёрзлой земле «командировки».

⁸ Позже, после освобождения, они обменивались письмами.

⁹ Центральная больница для заключённых располагалась в двухэтажном посёлке Дебин, на Левом берегу Колымы. Неподалёку от больницы находился лагерь, заключённые которого обслуживали это лечебное учреждение, его подсобное хозяйство. Надо отметить, что стационар был достаточно неплохо, для тех времён и мест, оснащён. Врачами были, в основном, специалисты из числа заключённых либо из вольноотпущенных, отбывших свой срок. В посёлке для персонала были проведены водопровод и канализация (что было совершенно нетипично для колымских условий). Существовало при больнице даже небольшое подсобное хозяйство, где на полях выращивали картофель, капусту; в теплицах – огурцы, помидоры. Был небольшой скотный двор. Через какое-то время появилась и электростанция.

¹⁰ Реабилитирован Военным трибуналом Московского Военного округа 8 октября 1956 г. – «За отсутствием состава преступлений» – справка о реабилитации № н4421/ СС от 17 октября 1956 г. (Москва, Арбат, д. 37).

¹¹ И по сию пору сохраняется память о Валентине Валентиновиче в далёком магаданском краю – пишутся воспоминания, проводятся конференции и вечера, посвящённые ему, как оставившему большй след в литературной жизни сурового Севера прежних лет.